

ISSN 1996-0522

СОЦІУМ І ВЛАСТЬ

№ 6 2020

Учредитель
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Издатель
Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)
Заместитель главного редактора
доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)
Заведующий рубрикой философии
доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)
Заведующий рубрикой политологии
доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)
Заведующий рубрикой экономики и управления
доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)
Заведующий рубрикой социологии
доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)
Заведующий рубрикой государства и права
кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)
Заведующий рубрикой культуры
доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)
Заведующий рубрикой истории
доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)
Ответственный за международные контакты
доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)
Ответственный секретарь
кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Дата выхода номера: 30.12.2020 г.
Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.
Заказ № 363/475.
Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

**Касьянова Татьяна Ивановна,
Воронина Людмила Ивановна**
Занятость и готовность к обучению
граждан пожилого возраста
в условиях цифровизации:
состояние, проблемы, перспективы 7

ВЛАСТЬ

Мухаметов Руслан Салихович
Коллективный портрет лидеров
региональных отделений
парламентских политических партий
(на примере субъектов УрФО) 17

Лангинен Алексей Владимирович
Малонаселённые и сельские
территории в Великобритании:
меры по решению проблем
управления 29

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Понделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
А. Ю. Сунгузов — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ

**Добролюбова Елена Игоревна,
Южаков Владимир Николаевич**
Комплексная оценка
результативности и эффективности
санитарно-эпидемиологического
надзора40

Терещук Екатерина Александровна
Вопросы измерения эффективности
организационной культуры
в контексте управления персоналом55

КУЛЬТУРА

**Гулеватая Анастасия Николаевна,
Миляева Екатерина Галимулловна,
Пеннер Регина Владимировна,
Сулейманова Софья Александровна**
Философская прогулка:
из античности в современность.....67

Богданова Вероника Олеговна
Дидактический потенциал комикса.....79

ИНФОРМАЦИЯ для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 100.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Давыдов Дмитрий Александрович

Непредсказанный посткапитализм:
отчуждение и конкурентная борьба
в сфере «производства личности»88

Founded by The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Published by Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Copublisher — South Ural State University EDITORIAL BOARD Editor-in-Chief Doctor of Political Science, Professor <i>S.G. Zyrianov</i> (Chelyabinsk, Russia) Deputy Chief Editor Doctor of Philosophy, Professor <i>A.S. Chuprov</i> (Blagoveshchensk, Russia) Head of Philosophy Dept Doctor of Philosophy, Professor <i>S.V. Borisov</i> (Chelyabinsk, Russia) Head of Political Science Dept Doctor of Political Science, Professor <i>S.G. Zyrianov</i> (Chelyabinsk, Russia) Head of Economics and management Dept Doctor of Economic Sciences, Professor <i>I.V. Lavrentyeva</i> (Chelyabinsk, Russia) Head of Sociology Dept Doctor of Philosophy, Professor <i>E.V. Grunt</i> (Yekaterinburg, Russia) Head of Law and State Dept Candidate of Legal Sciences <i>A.V. Ylyinykh</i> (Chelyabinsk, Russia) Head of Cultural Studies Dept Doctor of Historical Sciences, Professor <i>S.S. Zagrebin</i> (Chelyabinsk, Russia) Head of History Dept Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor <i>D.V. Timofeev</i> (Chelyabinsk, Russia) International Relations Doctor of Philosophy, Professor <i>S.V. Borisov</i> (Chelyabinsk, Russia) Executive editor Candidate of Philosophy Sciences <i>A.A. Bobrik</i> (Chelyabinsk, Russia) Certificate of Registration PI № FS 77-48298 of 24.01.2012 Issued by Russian Surveillance Service for Mass Media and Communications. Passed for printing on 30.12.2020. Format 70×108 1/16 Reference sheet area 8,75. Issues — 500. Order № 363/475. Designed and printed at 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.	SOCIUM Tatiana I. Kasyanova, Lyudmila I. Voronina Employment and elderly citizens' readiness for training in the context of digitalization: state, problems, prospects.....7 POWER Ruslan S. Mukhametov Collective portrait of the leaders of regional branches of parliamentary political parties (on the example of the subjects of the Ural Federal District) 17 Alexei V. Langinen Sparsely populated and rural areas in the United Kingdom: measures to solve governance challenges.....29
--	--

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkestone, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Petersburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitz — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebina* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

ECONOMICS
AND MANAGEMENT

**Elena I. Dobrolyubova,
Vladimir N. Yuzhakov**

Comprehensive assessment
of the effectiveness and efficiency
of sanitary and epidemiological
surveillance40

Ekaterina A. Tereshchuk

Measuring the efficiency
of organizational culture
in the context of personnel
management.....55

CULTURE

**Anastasia N. Gulevataya,
Ekaterina G. Milyaeva,
Regina V. Penner,
Sofia A. Suleimanovaa**

Philosophical walk:
from antiquity to modernity.....67

Veronika O. Bogdanova

Didactic potential of comics79

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 100.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

DISCUSSIONS AND DEBATES

Dmitry A. Davydov

Unpredictable post-capitalism:
subtraction and competition
in the sphere of "personality
production"88

Для цитирования: Касьянова Т. И., Воронина Л. И. Занятость и готовность к обучению граждан пожилого возраста в условиях цифровизации: состояние, проблемы, перспективы // Социум и власть. 2020. № 6 (86). С. 7—16. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-07-16.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-07-16

УДК 331.5

ЗАНЯТОСТЬ И ГОТОВНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Касьянова Татьяна Ивановна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения ГМУ,
кандидат педагогических наук, доцент.
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: kasyanova.t@gmail.com

Воронина Людмила Ивановна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения ГМУ,
кандидат социологических наук, доцент.
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: l.i.voronina@urfu.ru

Аннотация

Введение. В структуре населения России повышается удельный вес лиц старшего возраста, но продолжительность экономически активной трудовой жизни этой возрастной категории меньше, чем в некоторых европейских странах.

Многие пожилые россияне имеют активную жизненную позицию, хотят и могут работать. Значительная часть из них обладает высоким уровнем профессионального образования

и квалификации, опытом, и все же многие не востребованы на рынке труда, т. к. недостаточно владеют цифровыми компетенциями.

Цель настоящей статьи — изучение состояния занятости граждан пожилого возраста, выявление факторов, определяющих успешность освоения информационных и цифровых технологий по результатам переподготовки и повышения квалификации.

Методы. Авторами статьи проанализированы нормативно-правовые акты РФ и субъектов РФ (национальные программы и проекты), изучены материалы сайтов государственных органов, в том числе департаментов занятости населения, образовательных организаций, использованы статистические данные, позволяющие оценить состояние занятости и обучения пожилых граждан, осуществлено эмпирическое исследование с проведением опроса.

Научная новизна исследования.

Выявлены факторы, отрицательно влияющие на занятость граждан пожилого возраста в отраслях, где активно внедряются цифровые технологии. Установлены факторы, которые оказывают положительное влияние на успешность обучения граждан пожилого возраста. Доказано, что для получения положительного результата обучения необходимы не только правовые и организационные условия, созданные государством, но и наличие образовательной стратегии у самих пожилых граждан, элементом которой является освоение информационных и цифровых технологий.

Результаты исследования позволяют осмыслить основные проблемы, препятствующие занятости и обучению, а также спрогнозировать некоторые тенденции относительно положения представителей старшего возраста в новых реалиях цифровой экономики.

Ключевые понятия:

граждане пожилого возраста,
занятость,
обучение,
цифровизация.

Введение

В структуре населения России повышается удельный вес лиц старшего возраста, но продолжительность экономически активной трудовой жизни этой возрастной категории меньше, чем во многих развитых странах [7]. Многие пожилые россияне имеют высокий уровень трудоспособности, хотят и могут работать, обладают высоким уровнем образования и квалификацией, профессиональным и жизненным опытом [4]. Но одной из причин их невостребованности является недостаточное владение цифровыми компетенциями. В то же время цифровизация и цифровая трансформация — одна из приоритетных задач развития России, которая решается в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики».

Состояние занятости граждан пожилого возраста активно изучают такие российские и зарубежные исследователи, как М. Л. Агранович, Н. Т. Вишневская, J. O. Mulders и другие. Содержание трудового потенциала пожилых работников, необходимость в обновлении компетенций и опыта анализируют Т. В. Смирнова, Ф. С. Исмагилова, M. Bussolo, J. Koettl, E. Sinnott и др.

Содержание компетенций цифровой экономики обосновано А. М. Кондаковым. Концептуальные основы цифрового профессионального образования и обучения разработаны авторским коллективом под руководством В. И. Блинова. Результаты изучения факторов, влияющих на сохранение занятости и успешной трудовой деятельности, представлены в трудах В. В. Радаева, В. Трубина, Н. Николаевой, М. Палеевой, С. Гавдифатовой, Т. И. Касьяновой, Т. Е. Радченко, Л. И. Ворониной, И. Д. Тургель. Значение обучения как ключевого фактора благополучия старшего поколения исследуется Г.А. Барышевой, А. А. Михальчук, О. П. Недоспасовой, С. В. Беркаловым, В. Н. Задорожным, Л. И. Терехиной, Ф. Касати, И. В. Высоцкой.

Тема занятости и обучения граждан пожилого возраста в условиях цифровизации, безусловно, заслуживает изучения и применения различных научных подходов, включая системный, компетентностный и системно — деятельностный.

Методы и материалы

Для изучения условий продолжения трудовой деятельности граждан пожилого возраста в условиях цифровой экономики, целесообразно применить системный под-

ход, что позволяет исследователям понять состав таких элементов, входящих в систему цифровой экономики, как субъекты, использующие цифровые технологии, ключевые компетенции, а также рабочие места и профессии, где таковые компетенции востребованы. Также к элементам системы цифровой экономики относятся нормативно-правовые акты, устанавливающие применение цифровых технологий в разных сферах жизнедеятельности.

Используя этот подход, можно понять, какие образовательные услуги необходимы для успешного освоения работниками старшего возраста цифровых компетенций. Можно выявить влияние факторов, определяющих положительные или отрицательные тенденции в занятости и обучении работников пожилого возраста. Важно оценить уровень профессионального образования и квалификации, перечни должностных статусов и отраслей, в которых работают представители старшего возраста. Учитывая многоаспектность проявления человека в трудовой деятельности, исследователи применяют не только системный, но психологический подход для понимания реакций людей на процесс старения.

Внедрение цифровых технологий, безусловно, влияет на состояние занятости, процессы изменения рабочих мест и потребность в новых профессиях. К цифровым технологиям, применение которых позволяет создавать новые продукты и услуги, относятся большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности.

Прогнозируют, что до 2030 г. исчезнут некоторые профессии как следствие технологических изменений: например, сметчик, бухгалтер, переводчик, менеджер по кредитам, туристический агент и другие, высвободится часть работников, которые в настоящее время выполняют простые операции¹.

Внедрение цифровых технологий повлияет на формы занятости: увеличится количество граждан, работающих дистанционно и по срочным трудовым договорам. Но в то же время применение цифровых технологий повысит шансы на занятость для таких категорий, как инвалиды, безработные и граждане, проживающие в отдаленных районах.

¹ Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/>. (дата обращения: 09.05.2020).

Прогнозируемая ситуация в занятости, безусловно, меняет требования к компетенциям и компетентности в условиях цифровой экономики. Таковую понимают, как способность применять конкретные компетенции для того, чтобы эффективно осуществлять трудовые функции. Какие же компетенции можно отнести к базовым в этом типе экономики, пока еще новом для России? В настоящее время существуют разные мнения. Так, авторы доклада о развитии цифровой экономики в России причисляют к цифровым компетенциям критическое мышление, способность отнестись к базовым проблемам, креативному дизайну, владение маркетингом и навыками для аналитики данных [10]. В зависимости от должности дополняют их конкретными деловыми качествами, например, такими как инициатива, клиентоориентированность. Представляет интерес мнение А. М. Кондакова о базовых компетенциях как о неких универсальных и применяемых в течение всей профессиональной жизни в различных видах деятельности. По его мнению, именно эти компетенции формируют профессионализм и определяют способность человека к продуктивной деятельности, непрерывному саморазвитию, креативному мышлению¹.

Смогут ли работники пожилого возраста обучиться цифровым технологиям и применить их на рабочих местах? Ответ на этот вопрос предполагает не только изучение организации профессионального образования, но и психологических особенностей работников этой возрастной категории.

Развитие цифровой экономики как системы предполагает наличие различных субъектов и их социальные роли: разработчики цифровых технологий, руководители по цифровому проектированию, пользователи — специалисты и рабочие, клиенты. Перечень таковых ролей обусловлен спецификой рабочих мест, которые можно назвать высокотехнологичными, т. е. с обязательным применением цифровых технологий. Уже сейчас понятно, что усвоение новых социальных ролей и компетенций, обусловленных внедрением цифровых технологий, изменит культуру производства и инструменты трудовых действий [6, с. 48].

Результаты и обсуждение

Рассмотрим, относятся ли работники старшего возраста к тем, кто разрабатывает,

управляет развитием цифровых технологий и применяет их?

Группа работников старшего возраста очень неоднородна по социально-демографическому составу. Неоднородность возникает не только под влиянием профессионального образования разного уровня или пола, но и как следствие гетерогенности процесса старения. Заметим, что комплексный анализ влияния указанных факторов позволяет профконсультантам разрабатывать профессиональные маршруты для пожилых людей с учетом их особенностей [16].

Конечно, работники пожилого возраста могут оставаться востребованными на современном рынке труда из-за дефицита молодых специалистов. Однако результаты многочисленных российских и зарубежных исследований позволяют утверждать, что возможности работников пенсионного и предпенсионного возрастов для занятости ниже, чем для работников от 25 до 64 лет (М. Л. Агранович [1], Н. Т. Вишневская [3], Потехина И. П. с соавторами [13], J. O. Mulders [20]).

Результаты анализа структуры занятости по таким показателям как возраст, должностной статус и отрасль позволяют утверждать, что наиболее высокий уровень занятости наблюдается среди пожилых руководителей и специалистов высшего уровня квалификации в таких отраслях как наука, техника, здравоохранение и образование, например, по данным Росстата за 2018 год².

Наиболее низкий уровень занятости работников старшего возраста наблюдается среди специалистов по информационно-коммуникационным технологиям, а также в сфере услуг и торговли. Объяснить это можно тем, что именно эти отрасли, особенно торговля, прошли цифровую трансформацию [12], но представители старшего возраста не были к ней подготовлены.

В то же время, несомненно, работники старшего возраста обладают компетенциями, которые могут быть востребованы в конкретных видах деятельности, например, там, где важна трансляция знаний и навыков, а преемственность поколений происходит постепенно, например, в профессиональных сообществах врачей, педагогов, инженеров. Именно в этих видах профессиональной деятельности важна посредническая, консультационная работа представителей старшего возраста.

¹ Кондаков А. М. Разработка базовой модели компетенции цифровой экономики. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru> (дата обращения: 15.05.2020).

² Структура занятых по возрасту и группам занятий. Труд и занятость в России. М., 2019. 137 с. URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

Итак, какими способностями, компетенциями и опытом, необходимыми для осуществления трудовых функций на базе цифровых технологий, обладают работники «третьего возраста»? С одной стороны, они обладают нужным уровнем профессионального образования и опыта, что ранее обеспечивало передачу знаний и опыта молодым работникам. По мнению психологов, именно обладание опытом формирует целостный образ профессиональной деятельности, что позволяет многим пожилым врачам, педагогам, инженерам заниматься консультационной деятельностью [8]. Но, с другой стороны, результаты внедрения цифровых технологий обесценивают опыт, ранее обретенный, т. к. в его структуре постепенно накапливаются устаревающие характеристики. Именно поэтому работникам старшего поколения для сохранения конкурентоспособности необходимо развивать такое умение, как обновление компетенций и накопление нового опыта, его интегрирование в актуальную профессиональную деятельность [8]. Если это умение не будет развиваться, то под влиянием внедрения цифровых технологий усилится угроза резкого снижения значения компетенций и профессионального опыта, накопленного не только «белыми воротничками», но и людьми старшего возраста.

Рабочие места, прежде всего высокотехнологических профессий, оцениваются по разным критериям, в том числе по степени внедрения цифровых технологий. По прогнозам в развитых странах к 2035 году роботы смогут заменить людей почти в трети видов профессиональной деятельности [12, с. 37]. Однако по оценке, проведенной в 2017 г. Евразийской экономической комиссией, Россия отстает по темпам внедрения цифровых платформ: пока таковые используются в сфере информационно-компьютерных технологий, электронной торговле, финансах и услугах [12, с. 50].

В условиях цифровой трансформации изменяется отношение работодателей к работникам старших поколений. Формируются специфические стратегии трудовых взаимоотношений: включение, вынужденное включение, неполное исключение, полное исключение. Работодатели, которые выбирают варианты включения (имеется в виду продолжение трудовых отношений), отмечают опытность работников старшего возраста, их преданность делу, ценность опыта для организации [16].

Можно предположить, что работодатели, выбирающие стратегию продолжения

трудовых отношений и признания профессиональных достоинств пожилых работников, руководствуются тем, насколько они способны осваивать новые компетенции, в т. ч. цифровые. Исследователи (Bussolo, M., J. Koettl, and E. Sinnott [19].), отмечают, что определенная потеря пожилыми психофизиологических качеств, таких как физическая сила и скорость мышления может компенсироваться владением социальными навыками и обширным опытом. Но в условиях цифровой экономики начинают доминировать новые требования, которые определяют успех или не успех пожилых работников: это необходимость постоянно осваивать новые компетенции и прежде всего цифровые, менять в течение жизни несколько профессий, способность одновременно решать несколько производственных задач.

Также отношение работодателей, выбирающих вынужденное включение пожилых работников в производственные процессы, проявляется в том, что их нанимают на низко квалифицированные работы с тяжелыми или вредными условиями труда, с невысоким уровнем оплаты [15].

В таком социальном контексте возрастает актуальность исследований о потенциале работников старшего возраста, об их готовности к профессиональному обучению. Авторами статьи проведен анкетный опрос, который позволил выяснить оценку пожилыми своего профессионального потенциала; их готовность к продолжению работы, профессиональному развитию и обучению. Респонденты — 418 жителей Свердловской области, 90 процентов из них живут в Екатеринбурге и близлежащих городах. Возраст респондентов от 50 до 70 лет, в составе респондентов 61,7 % женщин и 38,3 % мужчин. Более 80 процентов респондентов имели высокую квалификацию, т. е. высшее и среднее профессиональное образование, должности руководителей и ведущих специалистов. Свой профессиональный потенциал респонденты оценивали достаточно высоко: 7,5 баллов по 10-балльной шкале (такая оценка у 76,4 % ответивших). У мужчин оценка профессионального потенциала выше, чем у женщин: на 7 и более баллов оценили свой потенциал 84,7% мужчин и 71,8 % женщин.

Респонденты с более высоким уровнем образования, занятые своим делом, работающие по найму, а также имеющие более высокий доход и социальный статус, оценивают свой профессиональный потенциал значительно выше, чем их сверстники с другими характеристиками.

Из проведенного нами опроса следует, что основными мотивы для продолжения работы материальные, но также важны такие социальные потребности как значимость, нужность в трудовом коллективе и семье, профессиональное общение и передача имеющегося опыта. Экономические и социальные мотивы, побуждающие пенсионеров работать, отмечены и другими исследователями [16; 17].

Большинство респондентов хотят сохранить работу в соответствии с имеющейся специальностью или использовать свои профессиональные навыки. Основные сложности для сохранения работы, по мнению респондентов, это множественные изменения, а также темпы труда, за которыми сложно успевать.

Очевидно, что работники пенсионного возраста, продолжающие работать, должны быть готовыми для принятия новых технологических вызовов и освоения цифровых технологий.

Также результаты опроса позволили выявить, в какой степени уровень профессионального образования и наличие мотивации к обучению влияют на занятость. По результатам многочисленных исследований более образованные люди старшего возраста хотят продолжать трудовую деятельность на более длительный период, чем их менее образованные ровесники (Смирнова Т. В. [16], Трубин В., Николаева Н. и др. [17], Касьянова Т. И., Радченко Т. Е., Воронина Л. И., Тургель И. Д. [9]).

Результаты опроса подтвердили теоретические выводы авторов статьи о том, что для результативного обучения и последующей успешной занятости граждан старшего поколения нужны конкретные личностные качества, такие как социальная активность и чувство оптимизма [2]. Также необходима когнитивная пластичность, которая способствует обучению и психологическому благополучию в пожилом возрасте [18].

Образовательный уровень пожилых россиян соответствует образовательному уровню населения, но не в полной мере используется работодателями. Так, граждане старшего возраста, имеющие профессию, подтвержденную дипломом или свидетельством, зачастую выполняли работу, не соответствующую полученной специальности: в 2011 году их количество составило 38,8 %, а 2014 году 42 % [17]. Это свидетельствует о распространенности такого явления как дискриминация занятости по возрастному признаку, когда люди готовы работать на более низкооплачиваемой работе и не в соответствии со специальностью.

В Российской Федерации есть применение лучших практик обучения граждан старшего возраста в специализированных центрах обучения, университетах третьего возраста». Есть отечественный опыт применения дистанционных технологий и разных педагогических методов [5]. И все же представители доцифрового поколения испытывают трудности с интеграцией в современное цифровое общество [14].

Одна из причин возникновения этих трудностей состоит в том, что у многих российских граждан старшего поколения не сформированы образовательные стратегии, как потребителей образовательных услуг. Этот теоретический вывод подтвердился нашим исследованием: почти половина респондентов считают, что они не нуждаются в обучении, соответственно образовательные услуги им не нужны. Лишь треть опрошенных (36,5 %) выразили готовность к повышению квалификации. Только 9,1 % респондентов готовы пройти профессиональную переподготовку и повышение квалификации.

Также респонденты продемонстрировали крайне низкую степень осведомленности о возможностях своего обучения. Почти 80 процентов не знают об организациях, которые могут предоставить им образовательные услуги. 40,8 % участников опроса уверены, что в России для представителей старшего возраста в целом исключена возможность обучения; а треть (33,8 %) не готовы к обучению. При этом многие респонденты считают, что опыт пожилых может пригодиться в таких качествах как наставник на производстве, советник в различных организациях и органах власти или как независимый эксперт (7,5 из 10 баллов).

Особый интерес представляет мнение пожилых о целях и задачах обучения. Опрос, проведенный Департаментом по труду и занятости Свердловской области среди граждан предпенсионного возраста (536 женщин и 268 мужчин), позволил выявить следующее¹. 85,2 % респондентов, прошедших обучение по направлениям центров занятости, имели профессиональные

¹ Опрос работников предпенсионного возраста на прохождение профессионального обучения и получение дополнительного профессионального образования (по результатам социологического опроса) // Департамент по труду и занятости населения Свердловской области. 2019. Май. URL: https://szn-ural.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/документы%20департамент/отдел%20проф%20обучения/2019/январь/опрос+граждан+предпенсионного+возраста.pdf (дата обращения: 21.05.2019).

образование разного уровня, в том числе 29,7 % высшее образование. Среди ответов о целях обучения преобладали следующие: «обучение знаниям, умениям для работы на прежнем рабочем месте», «обучение в связи с меняющимися требованиями к работе, в т. ч. для работы на новом оборудовании или с новой техникой», «обучение новым знаниям, компетенциям для сохранения работы» (табл. 1).

У респондентов, имеющих высшее образование, более выражен спрос на образовательные услуги, получение которых позволяет устранить дефицит в такой компетенции, как владение информационными и цифровыми технологиями: 28,6 % указали на потребность в освоении навыков работы на компьютере, получении умений для работы на новом оборудовании, ведении документооборота в электронном виде (табл. 2).

Половина опрошенных (53,8 %) готова повышать квалификацию, 30,9 % проходить переподготовку. У респондентов наиболее востребованы прикладные программы по бухгалтерскому учету, делопроизводству с применением цифровых технологий. Более трети респондентов (38,4 %) предпочитают обучаться без отрыва от производства. 19,1% готовы учиться дистанционно.

Результаты опроса позволяют предположить, что «онлайн» курсы профессионального обучения и переобучения востребованы

пожилыми работниками предпенсионного возраста. Выявлен такой мотив для прохождения обучения, как страх потери работы в ситуации несоответствия требованиям работодателя: 32,0% респондентов оценивают риск потери работы как высокий, половина респондентов (47,4%) как средний.

То, что владение инновационными технологиями в значительной мере определяет конкурентоспособность и профессиональную востребованность подтверждено и другими исследованиями [11].

Так, по данным исследований ВНИИ труда информационным технологиям готовы обучаться за свой счет половина опрошенных представителей старшего возраста: из них 33 % работники гостиничного, ресторанного сервиса и общепита, 25 % торговли. В том случае, если государство или работодатели будут оплачивать, готовы обучиться 51,8 % респондентов, занятых в образовании, финансовой сфере, страховании, пенсионном обеспечении и ЖКХ¹.

Анализ результатов проведенных эмпирических исследований позволяет сделать следующие выводы. Для трудового поведения многих пожилых работников характерна

¹ Ученые СПбГУ: меньше всего россияне хотят работать... URL: <https://spbu.ru/newsevents/novosti/uchenye-spbgu-menshe-vsego-rossiyane-hotyat-rabotat-konsultantami-i-medikami> (Дата обращения: 10.02.2020).

Таблица 1

Мнение респондентов (граждан предпенсионного возраста) о целях обучения

Цели обучения	% от общего числа респондентов
Обучение знаниям, умениям для работы на прежнем рабочем месте	32,0
Обучение в связи с меняющимися требованиями к работе, в т. ч. для работы на новом оборудовании или с новой техникой	25,7
Обучение новым знаниям, компетенциям для сохранения работы	20,8
Обучение для получения профессии, квалификации, востребованной на рынке труда	19,3
Обучение для качественного выполнения работы (обязанностей)	15,3
Итого	100

Таблица 2

Мнение респондентов о потребности в программах обучения для граждан предпенсионного возраста

Потребность в компетенциях	% от общего числа респондентов
владение знаниями и умениями для работы на новом оборудовании	32,5
обучение навыкам работы на компьютере, с новым программным обеспечением	31,3
обучение новым профессиям	15,9
навыки сохранения здоровья и активного долголетия	12,7
обучение документообороту в электронном виде	12,5
Итого	100

инерционность: они в основном не ориентированы на смену профессиональной деятельности, чаще демонстрируют запрос на профессиональное совершенствование в той профессиональной сфере, где трудились, но не на профессиональную подготовку или переподготовку¹.

Заключение

Внедрение цифровых технологий, безусловно, влияет на состояние занятости. Российские пожилые работники, имеющие высший уровень квалификации, еще заняты в таких отраслях как наука, техника, здравоохранение и образование. Но низкий уровень занятости пожилых работников уже наблюдается в отрасли информационно-коммуникационных технологий (проектирование и внедрение), а также в медиа, финансах и торговле, т. е. здесь внедрены цифровые технологии, и соответственно трудятся работники молодого и среднего возрастов, владеющие нужными компетенциями. Большинство пожилых работников выполняет только такую роль, как пользователи информационно-коммуникационных технологий, но не руководители процессов цифровой трансформации. И это объяснимо: между поколениями произошел реальный «цифровой разрыв», а последствием большие различия во владении цифровыми технологиями.

Внедрение цифровых технологий изменяет требования к рабочим местам, устраняет потребность во многих традиционно востребованных профессиях. В новых условиях изменяются требования к содержанию компетенций и значимости опыта работников. Работники пожилого возраста находятся в сложной ситуации: для занятости и продолжения трудовой деятельности они должны владеть цифровыми технологиями и постоянно обучаться. Только владение актуальными компетенциями позволяет им замещать высокотехнологические места и получать достойную заработную плату. Для работодателей, принимающих решение о продолжении трудовых отношений с этой группой работников, уже недостаточно подтверждения о ранее освоенных компетенциях и имеющемся опыте. В такой ситуации пожилые работники могут претендовать только на низкоквалифицированные рабочие места с тяжелыми и вредными усло-

¹ ВНИИ труда изучил готовность лиц предпенсионного возраста к переобучению. URL: <https://www.vcot.info/news/vnii-truda-izuchil-gotovnost-lits-predpensioonnogo-vozrasta-k-pereobucheniuyu> (Дата обращения: 09.02.2020).

виями труда и низкой заработной платой. Для сохранения занятости и последующей успешной трудовой деятельности граждан пожилого возраста государство создает условия для обучения. В то же время для получения положительного результата обучения необходимы не только правовые и организационные условия, созданные государством, но и мотивация граждан для освоения новых цифровых компетенций. Пока у многих работников старшего поколения не сформированы устойчивые образовательные стратегии, что снижает их возможности для занятости.

В перспективе сохранятся следующие тенденции. Это достаточно быстрая смена квалификационных требований к работникам в разных отраслях, детерминированная развитием цифровых технологий. Возможность продолжать трудовую деятельность будет у тех, кто постоянно актуализирует и обновляет компетенции, в том числе позволяющие использовать цифровые технологии и, как следствие, повышать результативность труда.

Ускорение темпа жизни порождает несоответствие старшего поколения новым реалиям цифровой экономики. Успешны будут те, кто освоит не только новые компетенции, но и новый тип культуры, а именно, префигуративный, когда взрослые учатся у молодого поколения.

1. Агранович М. Л. Оценка шансов на занятость работников предпенсионного и пенсионного возрастов // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 2. С. 90—109.

2. Барышева Г. А., Михальчук А. А., Недоспасова О. П., Беркалов С. В., Задорожный В. Н., Терехина Л. И., Касати Ф. Статистический анализ влияния образования на благополучие старшего поколения Томской области // Фундаментальные исследования. 2017. № 8—2. С. 357—367.

3. Вишневская Н. Т. Работники старших возрастов на рынке труда в странах ОЭСР // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 4. С. 680—701.

4. Воронина Л. И., Касьянова Т. И., Радченко Т. Е. Сохранение человеческого капитала граждан пожилого возраста в трудовой деятельности // Вестник Томского университета. Серия «Экономика». 2020. № 49. С. 96—110.

5. Высоцкая И. В. Современные технологии социально-педагогической работы с пожилыми людьми в Германии // Известия

Волгоградского государственного технического университета. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». 2015. № 10 (174). С. 115—118.

6. Государство как платформа. Люди и технологии. М. : РАНХиГС, 2019. 62 с.

7. Денисенко М. Б., Варшавская Е. Я. Продолжительность трудовой жизни в России // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 4. С. 592—622.

8. Исмаилова Ф. С. Профессиональное консультирование: проблемы и подходы. Germany : Palmarium Academic Publishing, 2013. 205 с.

9. Касьянова Т. И., Радченко Т. Е., Воронина Л. И., Тургель И. Д. Факторы успешности социально-профессиональной адаптации людей пожилого возраста на современном рынке труда // Эколого-социо-экономические системы: модели конкуренции и сотрудничества : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Курган. 2019. С. 30—35.

10. Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации : докл. о развитии цифровой экономики в России. 2018 // Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк.

11. Николенко Н. А. Самозанятость граждан предпенсионного возраста в условиях формирования цифрового общества // Вестник Удмуртского университета. Серия «Социология. Политология. Международные отношения». 2020. Т. 4, вып. 1. С. 35—42.

12. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России : экспертно-аналит. докл. М. : Центр стратегических разработок, 2017. 136 с.

13. Потехина И. П., Чижов Д. В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3—23.

14. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. М. : Перо, 2019. 72 с.

15. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. № 4. С. 20—32.

16. Смирнова Т. В. Концептуальные основания реализации социально-трудового потенциала пенсионеров по возрасту : дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2010. 154 с.

17. Трубин В., Николаева Н., Палеева М., Гавдифатова С. Пожилое население России проблемы и перспективы : соц. бюл. М. : Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, 2016. 44 с.

18. Gonzalez-Aguilar M. J., Grasso L. Cognitive plasticity in successful ageing: contributions from a learning potential assessment // Estudios de Psicología. 2018. № 2—3. P. 324—335.

19. Bussolo M., Koettl J., Sinnott E. Golden Aging: Prospects for Healthy, Active and Prosperous Aging in Europe and Central Asia. Washington, DC : The World Bank, 2015. 120 p.

20. Mulders Jaap Oude. Employers' age-related norms, stereotypes and ageist preferences in employment // International Journal of Manpower. Nov., 2019. URL: https://apps.whoofknowledge.com/Search.do?product=WOS&SID=C2RsMDam8pzCDFDzGz8&search_mode=GeneralSearch&prID=f687476a-2895-4d46-9b14-a179f32e125f (accessed: 09.04.2020).

References

1. Agranovich M.L. (2019) *Ehkonomicheskaya politika*, vol. 14, no. 2, pp. 90—109 [in Rus].

2. Barysheva G.A., Mikhal'chuk A.A., Nedospasova O.P., Berkalov S.V., Zadorozhnyj V.N., Terekhina L.I., Kasati F. (2017) *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 8-2, pp. 357—367 [in Rus].

3. Vishnevskaya N.T. (2017) *Ekonomicheskij zhurnal VSHEH*, vol. 21, no. 4, pp. 680—701 [in Rus].

4. Voronina L.I., Kas'yanova T.I., Radchenko T.E. (2020) *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: EHkonomika*, no. 49, pp. 96—110 [in Rus].

5. Vysotskaya I.V. (2015) *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya*, no. 10 (174), pp. 115—118 [in Rus].

6. Gosudarstvo kak platforma. Lyudi i tekhnologii (2019). Moscow, RANKHiGS, 62 p. [in Rus].

7. Denisenko M.B., Varshavskaya E.Ya. (2017) *Ehkonomicheskij zhurnal VSHEH*, vol. 21, no. 4, pp. 592—622 [in Rus].

8. Ismagilova F. S. (2013). Professional'noe konsul'tirovanie: problemy i podkhody. Germany, Palmarium Academic Publishing, 205 p. [in Deut.].

9. Kas'yanova T.I., Radchenko T.E., Voronina L.I., Turgel' I.D. Faktory uspeshnosti sotsial'no-professional'noj adaptatsii lyudej pozhilogo vozrasta na sovremennom rynke truda // *Ekologo-sotsio-ehkonomicheskie sistemy: modeli konkurentsii i sotrudnichestva*. Kurgan, 2019. P. 30—35 [In Eng].

10. Konkurentsiya v tsifrovuyu ehpokhu: strategicheskie vyzovy dlya Rossijskoj Federatsii. Doklad o razvitii tsifrovoj ehkonomiki v Rossii. Available at: <http://documents.worldbank>.

org/curated/en/home, accessed 13.05.2020 [in Rus].

11. Nikolenko N. A. (2020) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 4, no. 1, pp. 35—42 [in Rus].

12. Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii (2017). Moscow, Center for Strategic Research, 136 p. [in Rus].

13. Potekhina I. P., Chizhov D. V. (2016). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2016, no. 2, pp. 3—23 [in Rus].

14. Proekt didakticheskoy kontseptsii tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya (2019). Moscow, Pero, 72 p. [in Rus].

15. Radaev V.V. (2002) *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, no. 4. pp. 20—32 [in Rus].

16. Smirnova T.V. (2010) *Konceptual'nye osnovaniya realizatsii sotsial'no-trudovogo potentsiala pensionerov po vozrastu*. Saratov, 154 p. [in Rus].

17. Trubin V., Nikolaeva N., Paleeva M., Gavidfattova S. *Pozhiloe naselenie Rossii problemy i perspektivy* (2016). Moscow, Analiticheskij tsentr pri pravitel'stve Rossijskoj Federatsii, 44 p. [in Rus].

18. Gonzalez-Aguilar M.J., Grasso L. *Estudios de Psicología*, 2018, no. 2—3, pp. 324—353 [in Eng].

19. Bussolo M., Koettl J., Sinnott E. (2015) *Golden Aging: Prospects for Healthy, Active, and Prosperous Aging in Europe and Central Asia*. Washington, DC, The World Bank [In Eng].

20. Mulders Jaap Oude. Employers' age-related norms, stereotypes and ageist preferences in employment (2019) // *International journal of manpower*. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/330600>. do?product=WOS&SID=C2RsMDam8pzCDF-DzGz8&search_mode=GeneralSearch&prID=f687476a-2895-4d46-9b14-a179f32e125, accessed 09.04.2020. [In Eng].

For citing: Kasyanova T.I., Voronina L.I.
Employment and elderly citizens' readiness
for training in the context of digitalization:
state, problems, prospects // *Socium i vlast'*. 2020. № 6 (86). P. 7—16.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-07-16.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-07-16

UDC 331.5

EMPLOYMENT AND ELDERLY CITIZENS' READINESS FOR TRAINING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: STATE, PROBLEMS, PROSPECTS

Tatiana I. Kasyanova,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Theory, Methodology and Legal Support
of the State Municipal Service,
Cand.Sc. (Education), Associate Professor.
The Russian Federation, 620002,
Yekaterinburg, ulitsa Mira, 19.
E-mail: kasyanova.t@gmail.com

Lyudmila I. Voronina,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Theory, Methodology and Legal Support
of the State Municipal Service,
Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor.
The Russian Federation, 620002,
Yekaterinburg, ulitsa Mira, 19.
E-mail: l.i.voronina@urfu.ru

Abstract

Introduction. In the structure of the population of Russia, the proportion of older people is increasing, but the duration of the economically active working life of this age category is less than in some European countries. Many elderly Russians having

an active life position want and can work. Most of them have a high level of professional education and qualifications, experience, and yet many are not in demand on the labor market, because they do not have enough digital skills.

The purpose of this article is to study the situation with employing elderly citizens, identify factors that determine successful mastering information and digital technologies on the bases of the results of retraining and advanced training.

Methods. The authors of the article analyze the regulatory legal acts of the Russian Federation and the Russian Federation's constituent entities (national programs and projects), study the content of the government bodies' websites, including public employment departments, educational organizations, statistical data are used to assess the state of senior citizens' employment and education, the authors carry out an empirical study with a survey. Scientific novelty of the study.

The authors identify factors that affect the elderly citizens' employment in industries where digital technologies are actively introduced; point out the factors that positively impact successful elderly citizens' education. It has been proved that in order to obtain a positive learning outcome, not only the legal and organizational conditions created by the state are required, but also the presence of an educational strategy among the elderly people themselves, an element of which is the development of information and digital technologies.

The results of the study make it possible to realize the main problems that hinder employment and training, as well as to predict some trends regarding the position of older people in the new realities of the digital economy.

Key concepts:

senior citizens,
employment,
training,
digitalization.

Для цитирования: Мухаметов Р. С.
Коллективный портрет лидеров
региональных отделений парламентских
политических партий
(на примере субъектов УрФО) //
Социум и власть. 2020. № 6 (86). С. 17—28.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28

УДК 323.39

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЛИДЕРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ УРФО)¹

Мухаметов Руслан Салихович,
Уральский федеральный университет,
департамент политологии и социологии,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 620000,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Введение. В политологической литературе существует несколько основных подходов, которые объясняют слабость института политических партий в России. Эти концепции указывают на причины, которые находятся вне политических партий. В настоящем исследовании предпринимается попытка связать невысокий статус политических партий в России с качеством партийного топ-менеджмента, в частности с региональными лидерами партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»).

Цель. Создание коллективного портрета руководителей региональных отделений парламентских политических партий.

Методы. Идентификация элит в данной работе выполнена в рамках позиционного подхода. Основным методом сбора и анализа данных является биографический подход.

Научная новизна. Предложена дополнительная объяснительная модель слабости института политических партий в России — качество партийного руководства. Рассмотрены факторы, оказывающие влияние на внутрипартийные процессы.

Результаты. Проведён сравнительный анализ социально-профессиональных характеристик руководителей региональных отделений партий, а также их карьерных траекторий. Выявлен среднестатистический портрет региональных лидеров парламентских партий.

Выводы. Руководитель регионального отделения партии — это мужчина среднего возраста с высшим техническим образованием, не служивший в Вооружённых Силах РФ и являющийся выходцем из депутатского корпуса или бизнес-сообщества.

Ключевые понятия:
политические партии,
Единая Россия,
КПРФ,
ЛДПР,
Справедливая Россия,
региональная элита,
партийная элита,
коллективный портрет.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31049 «Региональная партийная элита: социально-демографические характеристики, каналы рекрутирования, карьерные траектории».

Введение

На сегодня можно констатировать, что политические партии стали неотъемлемым атрибутом российской политической системы, ни одни федеральные, региональные или местные выборы не обходятся без участия партийных кандидатов. По состоянию на 18.03.2020 список зарегистрированных Минюстом политических партий состоял из 49 политической организации. С другой стороны, существует огромное количество исследований, в которых говорится о слабости политических партий в постсоветской России [23, с. 4—5]. Действительно, этому есть немало доказательств. Так, например, на президентских выборах (проводились 6 раз с 1993 года) только дважды (в 2008 и 2012 гг.) победитель выдвигался политической партией (сохраняя при этом беспартийный статус). По данным социологических опросов, политические партии не входят в Топ-5 общественных институтов, которые пользуются одобрением населения¹. Экспертами были выдвинуты многочисленные объяснения этому феномену. В частности, среди причин слабости российских партий называется институциональный политический дизайн страны. Российский вариант президентско-парламентской формы правления (суперпрезидентская система) не предполагает формирование исполнительной власти партией, победившей на думских выборах. У партий нет возможностей реализовывать разработанный ими политический курс и нести за него ответственность. В таких условиях роль партий в политической системе небольшая, стимулы к партийному строительству отсутствуют [5, с. 189—190]. Другое объяснение связано с советским наследием: советский режим разрушил социальные расколы, которые являются основой для межпартийного размежевания [8; 11]. В качестве примера обычно приводят появление универсальных партий (например, Единая Россия), которым свойственно отсутствие четкого идеологического позиционирования. В научной литературе такие партии называются «всеядными» (термин О. Кирххаймера) или партиями избирателей (термин Ж. Шарло). На развитие партий важное и непосредственное влияние оказывает избирательная система. Считается, что развитию политических партий способствует пропорциональная система [6, с. 11—12].

¹ Одобрение деятельности общественных институтов // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshchestvennykh_institutov/ (дата обращения: 01.08.2020).

В России из 85 региональных парламентов выборы по пропорциональной системе проходят только в 7 субъектах (Калмыкия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Чечня). Во всех остальных действует смешанная (мажоритарно-пропорциональная) система, в том числе и на федеральных парламентских выборах (за исключением думских 2007 и 2011 гг.).

Таким образом, можно констатировать, что политические партии в России являются слабыми политическими субъектами. Выше мы очертили основные объяснительные модели такого положения, которые существуют в научной литературе. Все эти подходы объединяет одно — они являются внешними (экзогенными) по отношению к самим партиям, они не рассматривают внутреннее состояние самих партий, характеристики партийного руководства, особенно региональных отделений, в качестве одной из возможных причин слабости политических партий в современной России. Целью нашего исследования является построение коллективного портрета руководителей региональных отделений парламентских политических партий. Предметом нашего исследования являются социально-демографические характеристики региональных партийных элит, каналы рекрутирования, карьерные траектории.

Данная тема заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, такие характеристики могут значимо влиять на политические/электоральные стратегии региональных отделений партий, хотя здесь нет автоматической зависимости. Во-вторых, особенности источников рекрутирования руководителей региональных отделений партий могут сами быть отражением и следствием структуры власти, присущей данному обществу или сообществу. В этом смысле, их анализ поможет понять структуру власти, характер взаимоотношений, сложившийся между различными группами интересов и институциональными сегментами внутри данного общества. Следует также отметить, что изучение социально-профессиональных особенностей региональной партийной элиты дает возможность лучше понять сам процесс рекрутирования, факторы, лежащие в его основе, критерии отбора членов властных групп. Значимость исследования образовательных характеристик региональной партийной элиты определяется тем, что это может быть важным показателем специфики и тенденций изменения партийной системы, в рамках которой рекрутируются

и функционируют элиты. Кроме того, образовательный ресурс руководителей политических партий на местах может выступать значимой детерминантной партийной политики в регионе, ее содержания и направленности. Уровень, тип, место получения образования, а также количество законченных учебных заведений определяют специфику условий политической социализации регионального партийного руководителя, которая, в свою очередь, может влиять в какой-то степени на интересы, ценности и политические предпочтения политиков.

Несмотря на столь большое число политологов, которые занимаются изучением политических элит как на федеральном, так и на региональном уровнях, мало исследуемой темой является партийная элита. Абсолютное большинство исследований посвящено изучению правящей (административной) или политической элиты, почти при полном пренебрежении партийной. Нельзя сказать, что данная тема совсем игнорируется. Однако ее изучением, как правило, занимаются историки, анализирующие партийную элиту в конкретном регионе в советский период [2; 7; 19; 13]. Исследователей, кто занимается изучением региональной партийной элиты на современном этапе, — очень ограниченное число [17; 20].

Таким образом, обзор научной литературы показывает, что феномен региональных партийных элит изучается достаточно узко, применительно к конкретному субъекту РФ или макрорегиону, большинство из которых ограничены частью Сибири. Комплексных исследований как в территориальном измерении (помимо Сибири), так и партийном разрезе, нет. Данная статья направлена на то, чтобы заполнить в какой-то степени данный вакуум.

Методы исследования и источники данных

Одна из первых задач любого исследования связана с определением объекта изучения. Решение этой задачи представляется важным: в зависимости от того или иного понимания элит, круг лиц, попадающих под пристальное внимание исследователя, может меняться. Идентификация элит в данной работе происходила в рамках позиционного подхода, который использовали практически во всех крупных исследованиях национальных элит [25]. Родоначальником его является К. Райт Миллс. Он предполагает, что власть в большей степени сосре-

доточена в небольшой властной элите, важнейшие политические решения принимаются небольшим кругом с общим социальным происхождением и интересами, которые скрываются за разнообразием организаций [9]. Согласно данному подходу, к элите относятся как «лица, занимающие руководящие посты в политических институтах и частных организациях, в силу своего контроля над внутриорганизационными властными ресурсами способны влиять на важные (политические) решения» [26, с. 53]. Несмотря на критику (преувеличение роли лиц, обладающих номинальной властью, и игнорирования влияния «теневых» фигур) [20], он наиболее широко используется при определении элит, т. к. является наиболее надежным методом и наиболее простым в применении на практике, поскольку он не предполагает ни проведение экспертного опроса, ни требует длительных исследований процесса принятия решений [24, с. 29—30]. Таким образом, позиционный подход основывается на институциональном определении элит и их властных ресурсов. Определение элит по типу занимаемых ими должностей позволяет очертить четкие, надежные и воспроизводимые критерии для определения объекта изучения.

При анализе применялся биографический метод. Пионерами биографических исследований были два исследователя Чикагской школы социологии Уильям Томас и Флориан Знаниецки, которые написали работу «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918—1920 гг.). Хотя, повторимся, биографические исследования развивались в социологии, в последние годы они прочно утвердились и в других отраслях науки в качестве междисциплинарного метода исследования. Способность биографического подхода распространяться на все дисциплины может быть объяснена социальной индивидуализацией и сопутствующей ей биографизацией. Кроме того, принципы методов и методология проведения биографических исследований чрезвычайно хорошо подходят для целого ряда дисциплинарных и междисциплинарных областей исследований [21].

«Биографические методы» — это термин, обозначающий совокупность слабо связанных между собой различных видов деятельности: повествование, история жизни, устная история, автобиография, биографические интерпретационные методы и т. д. Эти виды деятельности, как правило, действуют параллельно, часто не признавая существования друг друга, некоторые

характеризуются дисциплинарной чистотой, а другие демонстрируют преднамеренную междисциплинарность. Биографические исследователи работают с различными типами данных, включая дневники, записные книжки, интерактивные веб-сайты, видеоматериалы, блоги и др. [22, с. 345—346].

Хронологическими рамками исследования в статье является период 2007—2019 гг. Начальная точка нашего исследования выбрана по причине того, что с конца 2006 — начала 2007 гг. все рассматриваемые нами политические партии функционировали (последней из всех была основана партия «Справедливая Россия», что случилось 28 октября 2006 года). 2020 год выбран по причине завершения нашего исследования.

Работа над статьей шла следующим образом: сначала был создан полный список руководителей региональных отделений политических партий. Необходимо сказать, что к вышеназванной категории партийных менеджеров мы относим Секретарей (партия «Единая Россия»), Первых секретарей (КПРФ), Координаторов (ЛДПР), Председателей Совета (Справедливая Россия) региональных отделений партии. Затем осуществлялся поиск биографической информации по каждому представителю. Биографическая информация включала в себя дату и место рождения, уровень образования и специализацию, место работы и должность, а также службу в армии. В качестве источников информации использовались официальные сайты политических партий, региональных парламентов и другие интернет-сайты. Была собрана и введена в единую базу информация по 71 персоне (см. табл. 1).

Результаты исследования

В гендерном отношении корпус региональных лидеров партий однороден (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, почти 93 % руководителей региональных отделений партий представлены мужчинами. Эти данные не являются большим откровением или сюрпризом. Как показывают данные Росстата, для политической сферы характерна низкая представленность женщин¹. Этому есть несколько объяснений. В научной литературе принято выделять три основных барьера, которые стоят на пути участия женщин в политической жизни [28; 29]. Во-первых, это институциональные барьеры. Прежде всего речь идет об избирательных системах. Считается, что мажоритарная система и выборы по одномандатным округам способствует доминированию мужчин. Женщинам благоприятствуют пропорциональная избирательная система и многомандатные округа. Необходимо отметить, что тип избирательной системы в качестве объяснительной модели в большей мере имеет значение в междисциплинарных исследованиях, чем в настоящей работе. Во-вторых, социальные и культурные стереотипы. Во многих странах сохраняются сильные патриархальные традиции, что затрудняет женщинам проникновение в мир политики, где доминируют мужчины. В различных обществах по-прежнему уделяется большое внимание роли женщин в семье как матерей и жен. Кроме того, политика в России пока остается «мужской» сферой, т.к. она основана на парадигме конкуренции и конфронтации, в то время как женский стиль подразумевает сотрудничество и консенсус. Наконец, это психологические или мотивационные факторы. Политика рассматривается как «грязное дело» и ее крайне негативные характеристики отворачивают большинство женщин от участия в ней.

Говоря о распределении по возрастным периодам (см. табл. 3), то можно сказать, что доминирует средний возраст.

¹ Демографический ежегодник России 2019. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) 2019.

Таблица 1
Количество руководителей региональных отделений политических партий

Регионы	Единая Россия	ЛДПР	КПРФ	Справедливая Россия
ЯНАО	3	4	2	1
ХМАО	3	4	3	1
Курганская область	3	4	2	5
Тюменская область	3	4	1	1
Свердловская область	3	6	3	2
Челябинская область	1	5	5	2
Итого	16	27	16	12

Таблица 2

**Гендерное распределение руководителей региональных отделений
политических партий (мужчин + женщины)**

Регионы	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	Итого (количество / процент)
ЯНАО	3 + 0	1 + 1	4 + 0	1 + 0	9 + 1 / 12,7 + 1,4
ХМАО	3 + 0	3 + 0	4 + 0	1 + 0	11 + 0 / 15,6 + 0
Курганская	3 + 0	2 + 0	4 + 0	5 + 0	14 + 0 / 19,2 + 0
Тюменская	3 + 0	0 + 1	4 + 0	1 + 0	8 + 1 / 11,4 + 1,4
Свердловская	2 + 1	3 + 0	6 + 0	2 + 0	13 + 1 / 18,4 + 1,4
Челябинская	1 + 0	4 + 1	4 + 1	2 + 0	11 + 2 / 15,6 + 2,9
Итого	15 + 1	13 + 3	26 + 1	12 + 0	66 + 5 / 92,9 + 7,1

Таблица 3

Возрастная периодизация руководителей региональных отделений партий

Партия	21—35	36—45	46—55	56—65	66-	Нет инф.	Итого	Средн. возраст
Единая Россия	0	4	6	5	0	1	16	45,75
КПРФ	1	5	4	5	1	0	16	49,33
ЛДПР	13	8	5	0	0	1	27	36,5
Справедливая Россия	2	4	4	2	0	0	12	47,75
Итого	16 22,5%	21 29,6 %	19 26,8 %	12 16,9 %	1 1,4 %	2 2,8 %	71 100 %	42,85
		56.4 %						

Из таблицы видно, что абсолютное большинство (56,4 %) руководителей региональных отделений политических партий представлены средневозрастными группами (36—45 и 46—55). Это можно связать с двумя моментами. Согласно первому, возрастные стереотипы в России так же сильны, как и гендерные, т. е. принято считать, что политика предназначена для старших поколений. Существует и другое объяснение — лица из этой возрастной группы характеризуются немалым жизненным опытом, наличием необходимых профессиональных знаний и деловых навыков, они имеют достаточно сил и времени для реализации своих планов. Исключением является партия ЛДПР, средний возраст руководителей которой составляет 36,5 лет. Половина региональных координаторов партии представлена самой молодой возрастной группой из имеющихся. Это объясняется спецификой ЛДПР как партии одного человека, партии лидерского типа. Исследователи отмечают, что в партии трудно обнаружить ярких и публичных активистов, кроме самого В. В. Жириновского и членов его семьи, т. к. там проходят «регулярные чистки, в результате которых большинство главных постов пополняются новыми, неизвестными до того фигурами» [18, с. 123]. По мнению автора, достаточно высокий уровень кадровый ротации в партии вызван стремлением отблагодарить финансовых спонсоров

партийной должностью или «проходным» местом в списке кандидатов¹.

Ставка на омоложение внутрипартийных кадров вызвана не только потребностью придать партии динамизм², но и исключить конкуренцию лидеру партии в силу ограниченности опыта и финансов, а также собственного политического веса.

Что касается уровня образования и его специализации, то эти данные представлены в табл. 4. Необходимо подчеркнуть, что выделение направлений подготовки основано на Общероссийском классификаторе специальностей по образованию (ОК 009-2016).

Из таблицы, в которой показаны данные по уровню и направлению образования, можно сделать два вывода. Первый — абсолютное большинство (76 %) региональных лидеров партий имеют высшее образование. Массовый выпуск лиц с дипломом о высшем образовании базируется на нескольких факторах — наличии возможности обучаться в государственном вузе не

¹ ЗАО Партия. Расследование о том, как ЛДПР стала бизнесом для семьи и окружения Владимира Жириновского. URL: https://www.proekt.media/investigation/ldpr-business/?utm_source=tlgrm&utm_medium=chnl&utm_campaign=ldpr (дата обращения: 01.08.2020).

² Власов В. О четырех уникальных особенностях молодежной политики ЛДПР. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2017-04-18/11_6976_ldpr.html (дата обращения: 01.08.2020).

Таблица 4

Образование руководителей региональных отделений партий

Направления	Кол-во	Доля (в %)
Инженерное дело, технологии и технические науки	28	39,5
Науки об обществе	14	19,7
Образование и педагогические науки	5	7
Здравоохранение и медицинские науки	3	4,2
Математические и естественные науки	1	1,4
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	1	1,4
Гуманитарные науки	1	1,4
Оборона и безопасность государства. Военные науки	1	1,4
Искусство и культура	0	0
Средне специальное	12	17
Неизвестно	5	7
Итого	71	100

только на бюджетной, но и на контрактной (платной) форме; создание и развитие негосударственных вузов с обучением на внебюджетной основе; организация вузами сети филиалов. Все это привело к увеличению численности студентов в вузах и их выпускников.

Второй вывод, который напрашивается из таблицы, — это доминирование лиц с техническим образованием (39,5 %). Это связано с «советским наследием» в российской системе высшего образования, которое включает политехнические институты, отраслевые втузы (например, институты путей сообщения), технические факультеты некоторых университетов, а также высшие технические военно-учебные заведения. Второй момент — около половины региональных лидеров свое первое высшее образование получили в Советском Союзе или на рубеже 1980—1990-х гг., где инженерные и технические специальности были крайне актуальны. На втором месте (19,7 %) стоят лица с высшим экономическим и юридическим образованием. Спрос на профессии юристов и экономистов объясняется изменением общественно-экономических условий в связи с «переходом экономики на рыночный механизм» в 1990-е годы, а также массовым представлением о «счастливой» работе («чистая» работа в офисе / кабинете с бумагами за компьютером) на должности менеджера среднего звена / в качестве «белого воротничка». Кроме того, получение такого образования отличается доступностью (многие, если не все государственные вузы, открыли направления экономического и юридического профиля, большинство из которых на коммерческой основе; частные вузы, за редким исключением, «штампуют специалистов» с соответствующими «корочками»).

Важной чертой общего портрета региональных лидеров партий выступает наличие или отсутствие прохождения военной службы (см. табл. 5). Необходимо отметить, что установление факта присутствия в биографиях рассматриваемых персон срочной военной службы применялось ко всем региональным руководителям.

Как видно из таблицы, 66 % (эта цифра получилась в результате расчета пропорции от числа 60, а не 71) руководителей региональных отделений партии не служили в Вооруженных силах РФ. Так, по данным ВЦИОМ на июль 2020 г., одобряют деятельность российской армии 80,3 % респондентов, что является самым высоким показателем из всех рассматриваемых общественных институтов¹.

Немаловажный интерес представляет тот профессиональный опыт, который был накоплен будущими региональными партийными лидерами. В табл. 6 представлена информация о каналах рекрутирования.

Классическое определение понятия «каналы рекрутирования» принадлежит О. Гаман-Голутвиной, которая дает следующую трактовку: это «...пути продвижения к вершине политической иерархии» [4, с. 99]. Применительно к данному исследованию ними понимаем общественные (политические, социальные, экономические) институты, выходцы из которых выдвигаются на позиции руководителей.

Основным каналом рекрутирования руководителей региональных отделений партий выступает законодательный и представительный орган власти. На выходцев из

¹ Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshchestvennykh_institutov/ (дата обращения: 01.08.2020).

Таблица 5

Армейская служба

Субъект РФ	Служил	Не служил	Нет информации
ЯНАО	3	7	0
ХМАО	6	3	2
Курганская	3	9	2
Тюменская	2	5	2
Свердловская	3	7	4
Челябинская	3	9	1
Итого	20	40	11

Таблица 6

Каналы рекрутирования лидеров региональных отделений партий

Место работы	Кол-во	Доля (в %)
Бизнес, коммерческие организации	21	29,5
Региональный парламент	19	26,6
Госдума	15	21,1
Региональные органы исполнительной власти	4	5,63
Аппарат политических партий	3	4,22
Представительный орган муниципального образования	2	2,875
Местная администрация	2	2,875
Учебное заведение	2	2,87
Бюджетная организация	1	1,4
Совет Федерации	1	1,4
Неизвестно	1	1,4
Итого	71	100 %

парламентов (федерального, региональных и муниципальных) приходится более половины всех региональных лидеров партий. Это обусловлено тем, что, как показывает анализ карьерных траекторий, назначению на должность руководителя регионального отделения партий предшествует избрание депутатом. Роль бизнеса как канала рекрутирования руководителей региональных отделений партий велика: треть лидеров отделений партий в субъектах УРФО являются выходцами из бизнеса. В настоящей работе под выходцами из бизнеса понимаются лица, которые до избрания на партийную должность работали в экономических (коммерческих) структурах.

Широкое присутствие выходцев из бизнеса среди руководителей региональных отделений партий обусловлено рядом факторов. Во-первых, одна из причин пойти во власть состоит в наличии ощущения, что в бизнесе все возможные вершины уже достигнуты и потребности попробовать себя в новой сфере. Во-вторых, партийная должность рассматривается как первый шаг на пути получения депутатского мандата, который даёт возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах фирмы, отрасли, бизнеса в целом. Кроме

того, статус депутата может быть полезен для доступа к чиновникам разного уровня (муниципального, регионального или федерального) управления. В-третьих, важным факторам для бизнесменов выступает и юридическая неприкосновенность, которую дает статус депутата. Наконец, стоит отметить, что наличие депутатского удостоверения само по себе является привлекательной вещью.

Наличие значительной доли представителей бизнес-сообщества среди региональных лидеров партий не вызывает удивление. Как показывают исследования, выходцев из бизнеса много и среди федеральной административной элиты [3; 14], федеральных депутатов [15], муниципальных избранников [1], мэров [10] и сити-менеджеров моногородов [16] и т.д.

Близким к понятию «каналы рекрутирования» является «источник (бассейн) рекрутирования». Последние представлены в табл. 7.

Под источниками рекрутирования в данной работе понимаются «институциональные бассейны (социальные группы), которые служат резервом для выдвижения новобранцев для продвижения к вершине политической иерархии» [12, с. 9].

Таблица 7

«Источники» рекрутирования

Должности	Кол-во	Доля
Депутат регионального парламента	16	22,5
Помощник депутата регионального парламента	3	4,22
Помощник депутата Госдумы	11	15,4
Депутат Госдумы	4	5,63
Региональные государственные служащие	4	5,63
Предприниматели, руководители бизнеса	19	26,7
Наемные работники в коммерческих организациях	2	2,875
Преподаватели	2	2,875
Член СФ	1	1,4
Партийный работник	3	4,22
Муниципальный депутат	2	2,875
Главы городов	2	2,875
Врач	1	1,4
Неизвестно	1	1,4
Итого	71	100 %

Как видно из таблицы, предпринимательское сообщество является важнейшим «поставщиком» руководителей региональных отделений партий. На втором месте «поставщиков» стоит бассейн-корпус региональных депутатов. На третьем месте (более 19 %) находится бассейн-институт помощников депутатов, большинство из которых это помощники депутата Госдумы. Последние бывают двух видов: работа одних носит возмездный характер, а других — труд на общественных началах. Первые работают либо в Госдуме (не более двух), либо на территории (пять). Помощник депутата по работе в Государственной Думе является федеральным государственным гражданским служащим. Помощник депутата имеет право по поручению депутата беспрепятственно проходить в здания органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций¹.

Необходимо подчеркнуть, что назначения помощников депутатов на посты руководителей региональных отделений партий практикует только партия ЛДПР. Объяснение лежит в институциональной плоскости, а именно в формальном статусе руководителя, который у партии именуется координатором. По сравнению с другими региональными начальниками положение регионального «босса» в ЛДПР низкое. Так, в Уставе партии В. В. Жириновского отсутствует формально прописанное позиционирование координатора как высшего долж-

ностного лица регионального отделения, которое осуществляет руководство деятельностью соответствующим территориальным подразделением. Что касается полномочий координатора, то четко прописаны его представительские функции (поддерживает взаимодействие с центральными органами партии, с органами региональной и местной власти), а также говорится о его персональной ответственности за своевременное предоставление в органы государственной власти сведений и отчетности о деятельности регионального отделения. В Уставе ЛДПР отсутствует перечень полномочий координатора, в то время как во внутрипартийных документах иных рассматриваемых в настоящем исследовании партий соответствующие списки имеются (у КПРФ этот перечень содержит 14 пунктов, у Единой России — 12, эсеров — 16 + 5). Исходя из вышеназванного, можно сделать вывод, что «уважаемый человек» (например, депутат Госдумы) особой заинтересованности к занятию должности с непонятным статусом и плохо прописанными полномочиями проявлять не будет. В таких условиях центральному руководству (Высшему Совету) ЛДПР не остается ничего другого, как представлять на рассмотрение Координационного Совета (руководящего органа регионального отделения в период между региональными конференциями) «ноунейма» в качестве кандидатуры на пост координатора.

Закключение

Настоящее исследование было вызвано потребностью создать коллективный пор-

¹ О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федер. закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (последняя редакция). URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/fz_status.

трет руководителей региональных отделений политических партий. Это желание появилось на фоне двух моментов. Во-первых, в политологической литературе можно встретить труды, посвященные портретам муниципальных, региональных и федеральных депутатов, мэров городов, глав регионов и т. д. Во-вторых, исследователи уже создали коллективные портреты региональных партийных лидеров какого-то одного конкретного субъекта РФ или макрорегиона (например, Сибирский федеральный округ). В этом плане существовал вакуум, которые в какой-то степени результаты данного исследования заполняют. В данной работе рассматривались лидеры областных подразделений парламентских партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» с 2007 г. по настоящее время) регионов Уральского федерального округа. База данных руководителей, которые попали под «научный объектив», составила 71 персону, что позволила нам сделать обоснованные выводы. В исследовании был проведен сравнительный анализ социально-профессиональных характеристик руководителей региональных отделений партий, а также их карьерных траекторий. Это позволило выявить среднестатистические характеристики для создания общего портрета региональных лидеров парламентских партий. Это значимо потому, что личные черты руководителей являются крайне важными, поскольку они могут влиять на содержание государственной политики. Социальный фон членов политических институтов определяет их жизненный опыт, который, в свою очередь, определяет их взгляды на определенные политические проблемы и связанные с ними политический приоритет.

По итогам всего исследования можно сказать, что руководитель регионального отделения партии — это мужчина среднего возраста с высшим техническим образованием, не служивший в Вооруженных Силах РФ и являющийся выходцем из регионального депутатского корпуса или бизнес-сообщества. Необходимо подчеркнуть, что это усредненная картина, которая дает только общее представление о корпусе региональной партийной элиты. Понятно, что у отдельных партий коллективный портрет их руководителей может отличаться от этого вышеназванного эталона, т.е. выступать девиантным случаем. Речь идет о ЛДПР. Региональные лидеры этой партии выделяются возрастом (преобладание лиц до 35 лет), а также каналом и «бассейном» рекрутирования (парламент и помощник депутата соответственно).

Таким образом, посмотрев на общий портрет региональных партийных руководителей, можно отметить следующий момент. Как было показано, треть рассматриваемых нами руководителей пришла из бизнеса (малого и среднего), т. е. предпринимательского сообщества. Это означает, что у них отсутствует (по крайней мере на первых порах) опыт политической / партийной работы, они не знакомы или их сопричастность с проведением избирательных кампаний носит крайне ограниченный характер. Логично также заключить, что навыки, которые необходимы для организации и построения успешного бизнеса, отличаются от политических навыков. Опыт руководства фирмой предполагает какое-то единоначалие, в то время как политическая (депутатская) деятельность подразумевает нахождение компромиссов, согласование интересов, командную работу. Из этого может следовать то, что электоральные результаты регионального отделения партии при таких руководителях могут быть скромными. Нужно подчеркнуть, что данное утверждение требует доказательств, эмпирической проверки, что может являться одним из направлений дальнейших исследований. Другими могут выступать исследования по созданию общих портретов региональных лидеров какой-то конкретной партии.

1. Витковская Т. Б. Коллективный портрет муниципального депутата Пермского края // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2017. № 4. С. 107—111.

2. Волосов Е. Н. Технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в 1964—1991 гг. : опыт исторического анализа. Иркутск : Изд-во Иркут. гос.ун-та, 2010. 433 с.

3. Воронкова О. А., Сидорова А. А., Крыштановская О. В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66—79.

4. Гаман-Голутвина О. В. Политическая элита — определение основных понятий // Полис. 2000. № 3. С. 97—103.

5. Гельман В. Я. О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций // Полис. 1997. № 3. С. 188—191.

6. Голосов Г. В., Лихтенштейн А. В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6—14.

7. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945—1991). Кемерово, 2006. 636 с.
8. Коргунюк Ю. Г. Наложение конфликтов: российский опыт в свете ревизии формулы Липсета-Роккана // *Полития*. 2003. № 1. С. 165—192.
9. Миллс Р. Властвующая элита. М. : Директмедиа Паблишинг, 2007. 844 с.
10. Мухаметов Р. С. Социологический портрет мэров, избранных по «советской» системе (на примере Свердловской области) // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2018. № 4. С. 21—25.
11. Римский В. Л. Общественные размежевания и политические партии в России // *Политическая наука*. 2004. № 4. С. 152—162.
12. Старкова М. А. Репрезентация глав российских регионов и факторы оценки их деятельности в условиях нового механизма наделения полномочиями (2004—2008 гг.) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. 21 с.
13. Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) — КПСС и председатели облисполкома: 1934—1991 : биограф. справ. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003. 288 с.
14. Тев Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // *Власть и элиты* / гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 54—86.
15. Тев Д. Б. Депутаты государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // *Экономическая социология*. 2017. № 5. С. 52—86.
16. Тев Д. Б. Моногорода: «Бассейн рекрутирования» глав администраций и специфика структуры власти // *Управленческое консультирование*. 2012. № 3 (47). С. 74—83.
17. Тев Д. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПрФ, Справедливой России и ЛДПР // *Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология»*. 2012. № 1 (17). С. 98—111.
18. Умланд А., Шеховцов А. «Либеральные демократы» Жириновского перед парламентскими выборами // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2011. № 5. С. 123—127.
19. Ускорникова Е. В. Партийная элита Алтая в конце 50-х гг. XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4-2. С. 229—232.
20. Шашкова Я. Ю. Динамика руководящего состава региональных отделений политических партий в Юго-Западной Сибири в 1990—2000-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 413. С. 162—171.
21. Apitzsch U., Siouti I. Biographical Analysis as an Interdisciplinary Research Perspective in the Field of Migration Studies. URL: https://www.york.ac.uk/res/researchintegration/Integrative_Research_Methods/Apitzsch%20Biographical%20Analysis%20April%202007.pdf (дата обращения: 01.08.2020).
22. Bornat J. Biographical methods // *The Sage Handbook of Social Research Methods*. London : Sage, 2008. P. 344—356.
23. Hale H. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. New York : Cambridge university press, 2006. 288 p.
24. Hoffmann-Lange U. Surveying National Elites in the Federal Republic of Germany // *Research Methods for Elite Studies*. London and Boston: Allen & Unwin, 1987. P. 27—47.
25. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Research // *The Oxford handbook of political behavior*. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 911—927.
26. Hoffmann-Lange U. Studying elite vs mass opinion // *The SAGE handbook of public opinion research*. London : Sage, 2008. P. 53—63.
27. Teney C., Strijbis O., Carol S., Tepe S. Elite survey of the Bridging Project. The Political Sociology of Cosmopolitanism and Communitarianism. Technical Report Discussion Paper SP VI 2018—105. 2018. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/187801/1/1041042574.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).
28. Shames S. Barriers and Solutions to Increasing Women's Political Power. URL: https://scholars.org/sites/scholars/files/shauna_shames_-_barriers_and_solutions.pdf (дата обращения: 01.08.2020).
29. Wangnerud L. Women in Parliaments: Descriptive and Substantive Representation // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. № 1. P. 51—69.

References

1. Apitzsch U., Siouti I. Biographical Analysis as an Interdisciplinary Research Perspective in the Field of Migration Studies, available at: https://www.york.ac.uk/res/researchintegration/Integrative_Research_Methods/Apitzsch%20Biographical%20Analysis%20April%202007.pdf, accessed 01.08.2020.
2. Bornat J. (2008) Biographical methods // *The Sage Handbook of Social Research Methods*. London, Sage, pp. 344—356 [in Engl].

3. Gaman-Golutvina O. V. (2000) *Polis*, no. 3, pp. 97—103 [in Rus].
4. Gel'man V.Ja. (1997) *Polis*, no. 3, pp. 188—191 [in Rus].
5. Golosov G.V., Lihtenshtejn A.V. (2001) *Polis*, no. 1, pp. 6—14 [in Rus].
6. Hale H. (2006) *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. New York, Cambridge university press, 288 p. [in Eng].
7. Hoffmann-Lange U. (1987) *Surveying National Elites in the Federal Republic of Germany // Research Methods for Elite Studies*. London and Boston, Allen & Unwin, pp. 27—47 [in Eng].
8. Hoffmann-Lange U. (2007) *Methods of Elite Research // The Oxford handbook of political behavior*. Oxford, Oxford University Press, pp. 911—927 [in Eng].
9. Hoffmann-Lange U. (2008) *Studying elite vs mass opinion // The SAGE handbook of public opinion research*. London, Sage, pp. 53—63 [in Eng].
10. Konovalov A.B. *Partijnaja nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945—1991) [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945—1991)]*. Kemerovo, 2006, 636 p.
11. Korgunjuk Ju. G. (2003) *Politija*, no. 1, pp. 165—192 [in Rus].
12. Mills R. *Vlastvujushhaja jelita [The ruling elite]*. Moscow, Direktmedia Publishing, 2007. 844 p. [in Rus].
13. Muhametov R.S. (2018) *Municipalitet: jekonomika i upravlenie*, no. 4, pp. 21—25 [in Rus].
14. Rimskij V. L. (2004) *Politicheskaja nauka*, no. 4, pp. 152-162 [in Rus].
15. Shames S. (2013) *Barriers and Solutions to Increasing Women's Political Power*, available at: https://scholars.org/sites/scholars/files/shauna_shames_-_barriers_and_solutions.pdf, accessed 01.08.2020 [in Eng].
16. Shashkova Ja.Ju. (2016) *Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 413, pp. 162—171 [in Rus].
17. Starkova M.A. *Reprezentacija glav rossijskih regionov i faktory ocenki ih dejatel'nosti v uslovijah novogo mehanizma nadejniya polnomochijami (2004—2008 gg.)*. Perm'. 2009, 21 p.
18. Sushkov A.V. *Rukovoditeli Sverdlovskoj oblasti: pervye sekretari obkoma VKP(b) — KPSS i predsedateli oblispolkoma: 1934—1991*. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informatsii, 2003. 288 p. [in Rus].
19. Teney S., Strijbis O., Carol S., Tepe S. (2018) *Elite survey of the Bridging Project. The Political Sociology of Cosmopolitanism and Communitarianism*. Technical Report Discussion Paper SP VI 2018—105. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/187801/1/1041042574.pdf>, accessed 01.08.2020 [in Eng].
20. Tev D.B. (2018) *Vlast' i jelity*, vol. 5, pp. 54—86 [in Rus].
21. Tev D.B. (2017) *Jekonomicheskaja sociologija*, no. 5, pp. 52—86 [in Rus].
22. Tev D.B. (2012) *Upravlencheskoe konsultirovanie*, no. 3, pp. 74—83 [in Rus].
23. Tev D. (2012) *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija»*, no. 1, pp. 98—111 [in Rus].
24. Umland A., Shehovcov A. (2011) *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskije i social'nye peremeny*, no. 5, pp. 123—127 [in Rus].
25. Uskornikova E.V. (2010) *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-2, pp. 229—232 [in Rus].
26. Vitkovskaja T.B. (2017) *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra*, no. 4, pp. 107—111 [in Rus].
27. Volosov, E.N. (2010) *Tehnokraticeskaja jelita Angaro-Enisejskogo regiona v 1964—1991 gg.: opyt istoricheskogo analiza*. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 433 p. [in Rus].
28. Voronkova O. A., Sidorova A. A., Kryshchanovskaja O. V. (2011) *Polis*, no. 1, pp. 66—79 [in Rus].
29. Wangnerud L. (2009) *Annual Review of Political Science*, no. 1, pp. 51—69 [in Eng].

For citing: Mukhametov R.S. Collective portrait of the leaders of regional branches of parliamentary political parties (on the example of the subjects of the Ural Federal District) // *Socium i vlast'*. 2020. № 6 (86). P. 17—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28

UDC 323.39

COLLECTIVE PORTRAIT OF THE LEADERS OF REGIONAL BRANCHES OF PARLIAMENTARY POLITICAL PARTIES (ON THE EXAMPLE OF THE SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)

Ruslan S. Mukhametov,

Ural Federal University,
Department of Political Science and Sociology,
Associate Professor of the Department
of Political Science,
Cand. Sc. (Political sciences).
The Russian Federation, 620000,
Yekaterinburg, prospect Lenina, 51
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Abstract

Introduction. In the political science literature, there are several main approaches that explain the weakness of the political parties' institution in Russia. These concepts point to reasons that are outside political parties. This study attempts to link

the low status of political parties in Russia with the quality of party top management, in particular, with the parties' regional leaders (United Russia, the Communist Party of the Russian Federation, the Liberal Democratic Party and A Just Russia).

The purpose of the study is to create a collective portrait of the heads of regional branches of parliamentary political parties.

Methods. The identification of elites in this work is carried out within the framework of the positional approach. The main method for collecting and analyzing data is the biographical approach.

Scientific novelty. An additional explanatory model of the weakness of political parties' institution in Russia is proposed - the quality of party leadership. The factors influencing the internal party processes are considered.

Results. A comparative analysis of the social and professional characteristics of the leaders of the parties' regional branches, as well as their career trajectories is carried out. The average statistical portrait of the regional leaders of parliamentary parties is revealed.

Conclusions. The head of the party's regional branch is a middle-aged man with a higher technical education who has not served in the Armed Forces of the Russian Federation and is a native of the deputy corps or the business community.

Key concepts:
political parties,
United Russia,
Communist Party,
LDPR,
A Just Russia,
regional elite,
party elite,
collective portrait.

Для цитирования: Лангинен А. В.
Малонаселённые и сельские территории
в Великобритании: меры по решению
проблем управления // *Социум и власть*. 2020. № 6 (86). С. 29—39.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-29-39.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-29-39

УДК 35.076.13

МАЛОНАСЕЛЁННЫЕ И СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: МЕРЫ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Лангинен Алексей Владимирович,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Пермский филиал?
доцент кафедры теории и практики управления,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 614060,
г. Пермь, бульвар Гагарина, 10
E-mail: langinen77@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблемы государственного и местного управления на малонаселённых и сельских территориях являются актуальными для Российской Федерации ввиду наличия депрессивных территорий, депопуляции села, малых городов, моногородов, миграции сельского населения в крупные города, региональные столицы, другие регионы и за рубеж. Данные процессы характерны для многих других современных государств. Решение проблем сельских и малонаселённых территорий включает обеспечение социально значимых услуг, защиту здоровья и безопасности жителей, развитие образования, создание и содержание социальной инфраструктуры, создание рабочих мест.

Цель. Выявить важнейшие проблемы управления сельскими и малозаселёнными территориями и раскрыть возможные пути их решения на примере Великобритании.

Методы. Основу исследования составляет системный подход к управлению на сельских

и малонаселённых территориях. Анализ фактических данных, правовых источников, опубликованных результатов опросов, зарубежных интернет-источников. Сравнительный анализ проблем и мер государственной политики в двух государствах.

Научная новизна исследования. Автором выделены направления государственной политики на центральном, местном уровнях в целях преодоления проблем сельских и малозаселённых территорий Великобритании. Данные мероприятия в качестве основы для выработки практических рекомендаций могут иметь значение для решения подобных проблем в российских регионах, в том числе в условиях эпидемии COVID-19 и экономических проблем в ближайшей перспективе.

Результаты. Результатом исследования являются выявленные проблемы в сфере управления на сельских и малозаселённых и труднодоступных территориях, а также возможные направления государственной политики в Великобритании по преодолению данных проблем.

Выводы. Важнейшее направление государственной политики по решению выделенных в исследовании проблем — развитие местных интересов сообщества, интеграция мер государственной поддержки и местных мероприятий. В качестве мер, направленных на решение социальных и инфраструктурных проблем малонаселённых территорий в Великобритании, можно выделить правительственные программы, реализуемые на национальном и региональном уровне при участии промышленных предприятий и бизнеса, грантовый механизм осуществления финансовой поддержки в сочетании с расширением прав и полномочий местных сообществ. В России примеров разработки и реализации подобной политики пока нет.

Ключевые понятия:

Великобритания,
малозаселённые территории,
сельские территории,
муниципальные услуги,
местная община,
пути решения проблем малозаселённых территорий.

Введение

Проблема публичного (государственного и местного) управления на малонаселённых и сельских территориях, включает обеспечение социально значимых услуг, защиту здоровья жителей, создание и содержание социальной инфраструктуры, создание рабочих мест. Всё это является актуальным для многих современных государств. В Российской Федерации, по данным Министерства регионального развития, в период с 1990—2010 г. по причине депопуляции количество населённых пунктов сократилось на 23 тысячи, в том числе около 20 тыс. сёл и деревень. В 2010 г. 19 тыс. населённых пунктов не имели постоянного населения, ежегодно с карты России исчезает около 1 тыс. сельских поселений [17; 18]. Из 130 тыс. сельских населённых пунктов в России медицинская помощь жителям может быть оказана в 45 тыс. из них. В 2000—2015 гг. количество больниц в России сократилось в два раза, с 10,7 тыс. до 5,4 тыс.¹ Закрытие объектов и учреждений социальной инфраструктуры (начальных и средних школ, детских садов, учреждений здравоохранения, домов культуры, библиотек) мотивируется соображениями «оптимизации». По программе оптимизации в 2010 г. на территориях Пермского края было закрыто 47 учреждений для детей и подростков. Из них в малонаселённых пунктах — 15 дошкольных учреждений, 25 общеобразовательных учреждений, 5 приютов, 1 учреждение для детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, 1 учреждение начального и среднего профессионального образования.² В 2014 г. в адрес Уполномоченного по правам человека в Пермском крае по проблемам территориальной доступности медицинской помощи для населения поступило 16 жалоб, в том числе 9 коллективных (подписали 1 325 человек). Из них 5 обращений связаны с проблемой географической удалённости ряда территорий и отсутствия транспортного сообщения, в связи с чем граждане практически полностью лишены возможности получения медицинского об-

служивания³. Данный процесс ведёт к дальнейшей депопуляции села, оттоку населения в райцентры, региональные столицы, другие регионы и за рубеж. [21]

Государственная политика в Великобритании и России

Анализ действующего федерального и регионального законодательства и подзаконных актов позволяет сделать вывод, что правовое регулирование и планирование развития малозаселённых территорий в России не имеет системного характера, достаточно фрагментарно и не учитывает масштаб проблем и возможные последствия в долгосрочной перспективе. В правительственных, региональных программных документах и стратегиях развития федеральных округов проблемы малонаселённых территорий, за исключением Дальнего Востока и Арктики, едва упомянуты, меры по решению проблем малонаселённых территорий фактически не выделены в отдельное направление⁴. В 2011 г. Правительство Пермского края утвердило список труднодоступных и малонаселённых территорий региона с целью обеспечения населения данных местностей услугами адвокатов⁵. Что, безусловно, важно, но не исчерпывает всех проблем жителей.

На первый взгляд, Великобритания является прямо противоположным примером. В сравнении с Россией, для данного государства свойственна очень небольшая территория при высокой плотности населения, численность которого увеличивается за счёт миграции (в 1994 г. — 58,3 млн, в 2017 г. — 66,02 млн).⁶ Развитая диверсифицированная

³ Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Пермском крае. 2014.

⁴ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р; Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р. URL: <http://pfo.gov.ru/district/projects/srategia> (дата обращения: 19.01.2019); Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2011 г. № 1757-р. URL: uralfo.gov.ru/media/files/file/dtBh5AxMmi0arGBIpCxm7nSSqH4F2wWA.pptx (дата обращения: 19.10.2019).

⁵ Об утверждении перечня труднодоступных и малонаселённых местностей Пермского края на 2011 год : Распоряжение Правительства Пермского края от 1 мая 2011 г. № 81-пп.

⁶ Office for National Statistics, General Register Office for Scotland, Northern Ireland Statistics and Research Agency. Census 2001 Definitions. London : The Sta-

¹ Оптимизация российской системы здравоохранения в действии : доклад Центра экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2017/04/> (дата обращения: 19.10.2019)

² О санитарно-эпидемиологической обстановке в Пермском крае в 2010 году : государственный доклад (подготовлен Управлением Роспотребнадзора по Пермскому краю и ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Пермском крае»).

экономика (включая высокотехнологичное производство, IT-отрасли, сферу услуг, туризм, малый и средний бизнес), современная дорожная и транспортная инфраструктура, — всё это должно было бы позволять жителям сельских территорий трудиться в малых и средних компаниях близко к месту жительства, добираться до места работы в городе или даже работать дистанционно [2]. Однако при более детальном изучении фактических сведений и прогнозов экспертов можно прийти к выводу, что в данном государстве имеют место проблемы, сходные с российскими. [3] Это связано с оттоком населения в крупные города, ростом урбанизации и депопуляцией сельских и труднодоступных территорий. Для системы государственного и местного управления данный процесс означает значительный дисбаланс между муниципалитетами в крупных городах и сельскими общинами в вопросах обеспечения населения социально значимыми благами и услугами здравоохранения, образования, культуры, общественного транспорта, жилья, ЖКХ, торговли, связи, трудоустройства молодёжи, налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов.

К концу XX в. стало очевидно, что данные проблемы невозможно решить бюджетными вливаниями, финансовым выравниванием, передачей соответствующих полномочий и финансовых обязательств «наверх», с местного на региональный или субрегиональный уровень [16]. С 1992 г. в Великобритании правительство было предпринято выделение из состава графств (counties) крупных городов с пригородами и спутниками (агломераций) в отдельные муниципальные единицы, унитарные советы (unitary authorities) со своими бюджетами и полномочиями¹. Путём внесения изменений в законодательство правительством неоднократно менялась территориальная основа местного управления, количество уровней управления, полномочия и компетенция местных органов [20]. Аналогичные административные мероприятия осуществляются со второй половины 2000-х гг. по настоящий момент в российских регионах в виде создания городских округов на основе «укрупнения» и присоединения более мелких, «финансово слабых» и «убыточных» муниципальных образований к более крупным, на первый взгляд, обеспеченным дохо-

¹ Local Government Act 1992. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1992/19/contents> (дата обращения: 20.10.2019 г.)

дами. Так, в Пермском крае за 2018 г. было создано шесть новых городских округов, к двум округам были присоединены новые поселения, в 2019—2020 гг. планируется создать одиннадцать округов.² Законодательное собрание Пермского края выступило с инициативой создания новых крупных единиц — сельских округов (что потребовало внесения соответствующих изменений в Федеральный закон № 131 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Особого положительного эффекта от политики «укрупнения» в данном регионе пока не наблюдается (например, повышение качества муниципальных услуг, развитие соответствующей социальной инфраструктуры, рост социально-экономических показателей новых единиц или приостановка темпов миграции населения из сельской местности в города и в другие регионы).

В Великобритании термин «сельская территория» определён Государственным департаментом по окружающей среде, продовольствию и сельским делам (DEFRA) в 2011 г. с использованием данных последней переписи населения Соединенного Королевства 2001 г. Это определение имеет разные точки отсчёта, но сельским считается любой район местного самоуправления, более 26 % населения которого проживает в сельском населённом пункте или торговом городе («рыночный город» определяется как любое поселение, имеющее разрешение на устройство уличного рынка). В свою очередь критерием определения сельского населённого пункта является численность населения, которая не должна превышать 10 тысяч жителей. Правительством был принят ряд мер для защиты британской сельской местности, в том числе «зеленые пояса» [6].

В течение первых десяти лет XXI в. комиссия Британского парламента по сельским общинам собирала сведения о состоянии малонаселённых сельских территорий Англии, крупнейшего из британских регионов. В итоге в 2010 г. был опубликован доклад, в котором выделены следующие ключевые показатели:

- 731 300 человек живут в малонаселённых районах по всей Англии (включая полуостров Корнуолл), что составляет 1,4 % населения. Рост

² Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2017 г. — начало 2018 г.) Министерство Юстиции РФ. URL: Официальный сайт https://minjust.ru/sites/default/files/monitoring-msu-2018_18.docx (дата обращения: 20.10.2019 г.)

населения (в период с 2001 по 2008 г.) в малонаселенных районах составил 4,3 %.

- Население в малонаселенных районах заметно старше, чем население в более населённых районах, особенно на востоке страны, где 31,1 % населения относится к возрастной группе «выхода на пенсию».
- Респонденты, проживающие в малонаселенных районах, отмечают, что их приоритетами для улучшения качества жизни в сельской местности являются общественный транспорт (15,9 %), доступное достойное жильё (10,6 %) и перспективы трудоустройства (10,3 %).
- Можно отметить высокие цены на жильё, более низкие доходы жителей и, как следствие, меньшую доступность жилья, причем на западе страны ситуация хуже всего. Домохозяйства в деревнях и изолированных жилищах в малонаселенных районах тратят на жильё в среднем значительно больше, чем те, кто живёт на более населённых территориях.
- Половина всех домохозяйств в малонаселенных районах не имеют доступа к сети газоснабжения; этот показатель составляет 12 % для домохозяйств, расположенных в более населенных районах. Почти 25 % домохозяйств в малонаселенных районах испытывают недостаток топлива («топливная бедность») по сравнению с 16 % в более населённых районах.
- Независимо от того, были ли они рассчитаны до или после затрат на жильё, четверть всех домохозяйств в малонаселенных районах живут за чертой бедности, составляющей менее 60 % национального медианного дохода.
- В малонаселенных районах на востоке уровень занятости заметно снизился, и в 2009 г. он упал ниже 60 %.
- В малонаселенных сельских районах больше работников работают в фирмах с 1—2 (18,9 %) и 3—9 работниками (29,7 %), чем в более населённых сельских районах. Малонаселенные районы также характеризуются более высокими доходами в государственном секторе, чем в частном секторе. Характерна пропорционально большая занятость населения в сельском хозяйстве и меньшая — в сфере услуг.

- Менее половины всех жителей малонаселенных сельских районов, имеют доступ к регулярным автобусным маршрутам с остановками в пределах 13 минут ходьбы от дома, в то время как в городских районах почти у всех есть такая возможность.
- В результате отдаленности и отсутствия общественного транспорта люди в малонаселенных сельских районах проезжают большие расстояния (на 56 % больше пробега в год) по сравнению со средним по Англии, особенно в качестве водителей или пассажиров.
- Приблизительно 50 тыс. домашних хозяйств, расположенных в самых малонаселенных частях сельской Англии, имеют скорость нисходящего потока ADSL-интернета менее двух мегабит в секунду и не имеют альтернативного доступа в сеть [7—9].

Согласно официальным данным, к малонаселённым территориям Англии относятся:

- на востоке: части графств Норфолк и Линкольншир, окружающие бухту Уош;
- на севере: большие части северо-востока, северо-запада Англии и Йоркшира и Хамбер;
- на западе: Корнуолл, Девон и Западный Сомерсет, а также территории вдоль англо-валлийской границы в Западном Мидленде.¹

Большая часть территории Уэльса также относится к категории малонаселённых земель, к которым вполне применимы перечисленные выше характеристики и проблемы.

Шотландия и Корнуолл: опыт решения проблем малонаселённых и сельских территорий

Шотландия — британский регион, занимающий второе место после Англии по размерам территории и численности населения (5 млн 347 тыс. человек). Общая численность населения сельских территорий и маленьких городков (towns) определяется в 240 458 человек. При этом выделяется девять труднодоступных районов с территориями и населёнными пунктами, население которых ограничено цифрой 100 человек, проживающих в 30 минутах транспортной доступности от ближайшего населённого

¹ State of the countryside update: Sparsely populated areas. November 2010. Commission for Rural Communities (CRC). URL: www.ruralcommunities.gov.uk (дата обращения: 19.10.2019)

пункта. В основном это небольшие острова в составе архипелагов Оркней и Шетланд, областей Аргайл и Бьют¹.

Исследователи Отдела социально-экономических и географических наук Института Джеймса Хаттона констатируют *сокращение населения* на малонаселённых территориях Шотландии [11; 12]. В среднесрочной и долгосрочной перспективе, по мнению исследователей, депопуляция грозит экономическими, социальными и даже экологическими проблемами и делает необходимым научный прогноз возможных последствий в следующих сферах:

- 1) последствия депопуляции для сельской экономики и для её ключевых секторов, таких как фермерство, земледелие и туризм;
- 2) исходя из этого, каковы могут быть последствия для землепользования и, следовательно, для окружающей среды и экосистем региона;
- 3) каковы будут последствия для экономики региона с точки зрения спроса и стоимости различных услуг, которые требуются населению и предприятиям;
- 4) в какой степени существует опасность того, что сокращение населения может ослаблять сельские общины и лишать их социального капитала, который определяет способность к самостоятельному развитию? [10]

Регион Корнуолл находится на юго-западе страны, при плотности населения 160 человек на км² относится к малонаселённым территориям². Средняя плотность населения Великобритании — 270,7 человек на км². По классификации британского Департамента Окружающей среды Корнуолл полностью относится к сельским территориям Англии (тип «Rural-80», в котором не менее 80 % населения живут в сельской местности)³.

¹ Population potential in Scotland: defining a Sparsely Populated Area. Demographic change in remote areas: Research Note 1 — August 2017. Jonathan Hopkins and Andrew Copus. The Social Economic and Geographical Sciences Group The James Hutton Institute. URL: https://www.hutton.ac.uk/sites/default/files/files/RD3_4_1%20Note%201.docx.pdf (дата обращения: 20.10.2019 г.)

² Office for national statistics. Estimates of the population for the UK, England and Wales, Scotland and Northern Ireland. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/populationestimatesforukenglandandwalesscotlandandnorthernireland> (дата обращения: 12.08.2020)

³ Defra Classification of Local Authority Districts and Unitary Authorities in England. URL: <https://assets>

Одной из проблем сельских малонаселённых и труднодоступных территорий является обеспечение для жителей медицинской помощи и услуг здравоохранения [13; 15]. На территории Корнуолла и Силли действует британская государственная Национальная система здравоохранения (NHS). При этом британское законодательство предусматривает такую категорию, как «сельский пациент». В Англии пациент NHS считается сельским, если он живет на расстоянии более 1 мили (1,6 км) от ближайшего врача или аптеки. В Шотландии действуют другие критерии [13]. Это важно для определения того, будет ли пациент с выписанным рецептом направлен в аптеку или имеет право получить набор лекарств непосредственно в том учреждении, где был осуществлён приём врача. В сельской местности власти в лице NHS обязаны обеспечить аптеку с рецептурными лекарствами при каждой больнице или кабинете врача общей практики⁴. В Шотландии набор необходимых лекарств, выписанных врачом, оплачивается государством.

Местная система здравоохранения включает три центральные Королевские больницы, двенадцать сельских (общинных) больниц⁵, одну детскую больницу и пять врачей общей практики, Колледж Медицины и стоматологии, Медицинская школа Университета Эксетера. Следует отметить, что три Королевских больницы являются основным поставщиком неотложной и специализированной помощи в Корнуолле. Они обслуживают население около 430 тыс. человек, и эта цифра может значительно увеличиться с посещением туристами в самые загруженные времена года. Больницы финансируются из регионального фонда (траста), принадлежащего NHS, в них работает около 5000 сотрудников, имеется 750 мест, а общий годовой бюджет составляет около 380 млн фунтов стерлингов⁶.

В целях обеспечения здравоохранения для жителей Совет Корнуолла осуществляют местное партнёрство при участии

publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/137661/la-class-updated-technical.pdf (дата обращения: 12.08.2020)

⁴ Improving access for all: reducing inequalities in access to general practice services. URL: <https://www.england.nhs.uk/wp-content/uploads/2017/07/inequalities-resource-sep-2018.pdf> (дата обращения: 12.08.2020)

⁵ На Островах Силли находится одна из сельских больниц, Больница Св. Марии.

⁶ The Royal Cornwall Hospitals NHS Trust. URL: <https://www.royalcornwall.nhs.uk/our-organisation/about/> (дата обращения: 12.07.2020)

коммерческих структур¹. После 2015 г., в рамках политики деволюции (предоставление регионам новых полномочий по решению центральных властей), оба совета должны были принять совместный план развития служб здравоохранения и социальной помощи, которые должны перейти под местный контроль. В ноябре 2016 г. все основные организации здравоохранения и здравоохранения государственного сектора опубликовали общий план по улучшению услуг, основанный на пятилетнем прогнозе NHS и соглашении о передаче полномочий в сфере здравоохранения Корнуоллу. Этот план известен как Партнерство в области здравоохранения и ухода Корнуолла и является приоритетом для всех, кто работает в сфере здравоохранения и социальной помощи. Программа мер в частности предусматривает создание местного совета по здравоохранению, местного медицинского фонда (траста), общей электронной базы пациентов.

Скорая медицинская помощь жителям обеспечивается вертолётом службы медицинской авиации Корнуолла (Cornwall Air Ambulance)². Важным является тот факт, что финансирование медицинской авиации на данной территории осуществляется на общественных началах из трастового фонда. Cornwall Air Ambulance — это благотворительная организация, которая поддерживается исключительно за счет пожертвований, поскольку не получает никакого официального финансирования. Представители общественности финансируют санитарную авиацию за счет пожертвований, различных мероприятий по сбору средств, покупки еженедельных лотерейных билетов и завещаний. За 2018 г. доход благотворительной организации составил 5,7 миллиона фунтов стерлингов, а расходы — 4,3 миллиона фунтов. Операционные расходы включают аренду вертолёта, пилотов, сервисных инженеров и страховку; а также почасовые расходы на полеты, включая топливо, запчасти и обслуживание техники. Стоимость услуг парамедиков интенсивной терапии оплачивается совместно с их работодателем, Юго-Западной Службой скорой медицинской помощи (SWASFT)³. За 2019 г.

служба медицинской авиации Корнуолла совершила 1144 вылета на территории Корнуолла. Каждый год в среднем парамедики оказывают скорую медпомощь более одной тысячи больных и пострадавших.

Проблема малокомплектности начальных и средних школ, что требует дополнительных расходов, также свойственна для малозаселённых сельских территорий [4]. «Академия Пяти островов», единственная школа на архипелаге, имеет отделения уровня начальных классов на островах Св. Агнессы, Св. Марии, Св. Мартина и Треско и отделение средней ступени до возраста 16 лет на острове Св. Марии. Общее количество обучающихся составляет 280 детей.⁴ Управление делами образования осуществляется не администрацией, а общественным Школьным советом Силли, одним из самых маленьких в Англии. В течение недели ученики средней школы, прибывшие с других островов, живут в интернате при школе. Среднее количество пансионеров (проживающих учеников) составляет 25—30 человек. Важнейшим показателем качества обучения в начальной школе считается средний балл, набранный учениками на экзаменах по пяти учебным дисциплинам в возрасте 11 лет (General Certificate of Secondary Education). Подростки в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет имеют право на бесплатное место в шестом классе государственной школы или шестого класса колледжа на «большой земле», а также на бесплатные перелеты и субсидию на проживание.

Развитие ситуации в 2020 г. и меры по решению проблем в Великобритании

Появление и распространение *вируса COVID-19* на Островах Силли произошло в 2020 г. относительно поздно в сравнении с «континентальными» регионами страны. Довольно быстро стало очевидно, что негативное воздействие вируса на экономику и общественную сферу окажет серьезное влияние на деятельность Совета, предприятия и жителей островов. Поскольку на Силли наблюдается высокий уровень развития туризма и количество посетителей, *меры по предотвращению распространения коронавируса* потенциально могут оказать значительное пагубное воздействие на экономику островов. Существует ряд механизмов центрального правительства для оказания поддержки местной общине во время кризиса,

⁴ Five Islands Academy. URL: <https://www.fiveislands.scilly.sch.uk> (дата обращения: 12.08.2020)

¹ The Cornwall and the Isles of Scilly Health and Care Partnership. URL: <https://cioshealthandcare.nhs.uk/about> (дата обращения: 12.07.2020)

² Cornwall Air Ambulance. URL: <https://cornwallairambulancetrust.org> (дата обращения: 12.07.2020)

³ South Western Ambulance Service — подразделение Национальной системы здравоохранения Великобритании. URL: <https://www.swast.nhs.uk/welcome> (дата обращения: 12.07.2020)

в том числе:

- Отсрочка платежей, осуществляемых Советом в государственный бюджет в первые три месяца для обеспечения временной поддержки движения денежных средств;
- Выделение дополнительного финансирования для компенсации увеличения затрат или потери дохода;
- Дополнительные гранты отдельным категориям бизнеса, действующего на островах.

Выход Великобритании из Евросоюза — ещё один негативный фактор, влияющий на управление на уровне сельских малозаселённых территорий. [14] По прогнозам все местные органы власти будут переживать несколько трудных лет с точки зрения доходов бюджета, т. к. неопределенность по поводу Brexit сохраняется, и Совет островов Силли будет вынужден работать над представлением услуг местному сообществу в условиях снижения финансовой поддержки со стороны центрального правительства. Это потребует внесения изменений в планы стратегического развития общин малозаселённых сельских территорий. В силу выделенных выше факторов в дальнейшей перспективе есть основания ожидать обострения социальных проблем на малозаселённых сельских территориях, рассмотренных в данном исследовании.

В данной ситуации государство и общество не могут ограничиваться одними научными прогнозами, необходимы системные меры по решению растущих проблем, учитывающие потребности жителей малонаселённых территорий. По результатам анкетирования, в малонаселённых сельских районах Англии жители ожидают, чтобы правительство принимало меры по конкретным направлениям:

- 1) сельское хозяйство, включая помощь фермерским хозяйствам, диверсификацию ферм, развитие рыболовства;
- 2) жилищное строительство;
- 3) развитие коммуникационных технологий (особенно в северных малонаселённых сельских районах);
- 4) дома престарелых (особенно на малонаселённом сельском востоке);
- 5) семь процентов жителей в малонаселённых сельских районах отмечают в качестве абсолютного приоритета «создание возможностей и проведение мероприятий для подростков»¹.

¹ State of the countryside update: Sparsely populated areas. November 2010. Commission for Rural Communities (CRC) C12. URL: www.ruralcommunities.gov.uk

В 2011 г. Британским парламентом был принят *Акт о местных интересах (The Localism Act 2011)*.² Данный правовой акт предусматривает значительное расширение полномочий и самостоятельности в принятии решений органов местного управления и местных общин, в том числе на сельских и малонаселённых территориях. Прежде всего, это касается сферы контроля над жилищной сферой, планирования территории, социальной политики местных органов, местных публичных услуг [19].

Закон предусматривает следующие ключевые права местных сообществ.

- *Право сообщества на участие в торгах* позволяет жителям выражать заинтересованность в приобретении собственности, такой как здания или земля, в интересах своего сообщества, если они будут выставлены на продажу.
- *Право сообщества на оспаривание* позволяет сообществам выразить заинтересованность в принятии на себя услуг, управляемых местными властями.
- *Право сообщества на строительство* нацелено на облегчение процедуры разрешения на строительство местными жителями небольших построек, включая жилые дома и общественные здания.

Согласно закону, жители получили право на референдумах определять структуру местных органов с выборным мэром, местные советы имеют право устанавливать систему комитетов, как исполнительных органов. Жители могут инициировать проведение референдума по любому вопросу, относящемуся к компетенции местных органов, в том числе имеют право вето на чрезмерное повышение муниципальных налогов. В свою очередь местные советы пользуются большей свободой снижения ставок налогов на бизнес.

В качестве мер, направленных на решение социальных и инфраструктурных проблем малонаселённых территорий в Великобритании, можно выделить правительственные программы, реализуемые на национальном и региональном уровне при участии промышленных предприятий и бизнеса. Прежде всего — программы *строительства и модернизации жилья*. Важной особенностью данных программ является

uk (дата обращения: 19.01.2019).

² Localism Act 2011 — UK Parliament. URL: <https://services.parliament.uk/bills/2010-11/localism.html> (дата обращения: 19.08.2020).

то, что их показатели должны учитывать потребности в жилье на малонаселённых территориях. Так, если в 2008 г. британское правительство планировало построить 150 тыс. доступных домов и квартир, потребности жителей удалённых деревень и изолированных населённых пунктов учитывались в объёме 0,1 % от общего количества возводимого жилья. Если к этому обязательству применить простые пропорции (1,4 % населения страны живёт на малонаселённых территориях), то в наиболее малонаселённых районах Англии следовало построить ещё 2100 новых домов, относящихся к категории доступного жилья¹.

Государственные *энергетические программы* дают возможность улучшить относительно низкие энергетические показатели жилья в малонаселённых районах и снизить уровень «топливной бедности» [7; 9]. Важными считаются такие меры, как сплошная тепловая изоляция стен домов и модернизация систем отопления. Программа стимулирования использования возобновляемых источников тепла и энергии также открывает возможности для многих удалённых домохозяйств, которые не имеют подключения к магистральному газу и могут извлечь выгоду из установки возобновляемых видов отопления. Для обеспечения того, чтобы эти программы и стимулы охватывали малонаселённые районы, для местных органов власти важно развивать партнерство на местах с энергетическими компаниями и поставщиками услуг.

Программы развития доступа населения малонаселённых территорий к *сети Интернет* требуют учёта фактора развития технологий: современные приложения и интернет сервисы, в том числе обеспечивающие дистанционный доступ к публичным (государственным и муниципальным) услугам становятся всё более требовательными к скорости и стабильности соединения. Практика дистанционного обучения школьников в период самоизоляции в условиях вируса COVID-19 также подтверждает необходимость обеспечения данного вида коммуникации для местных сообществ.

В британской практике, как и в российской, часто возникают ситуации, когда удалённые общины с малым количеством жителей теряют *доступ к социально значимым сервисам*, которые традиционно обеспечивались и обеспечиваются част-

ным сектором экономики. Например, по причине нерентабельности закрывается единственный сельский магазин (аптека, почта, кафе). Что приводит к обострению социальной ситуации в подобных сообществах. Британский опыт социального партнёрства предлагает ряд вариантов решения подобной проблемы, в том числе обеспечение предоставления данных услуг предприятием, находящимся в общественной собственности. Это требует от местного сообщества и публичных властей совместных усилий по обеспечению его успешного функционирования.

Выводы

Проблема малозаселённых и сельских территорий свойственна для Великобритании и России. Модели её решения в этих странах представляют различными. В качестве подходов, направленных на решение социальных и инфраструктурных проблем малонаселённых территорий в Великобритании, можно выделить правительственные программы, реализуемые на национальном и региональном уровне при участии промышленных предприятий и бизнеса. В качестве основного направления финансовой поддержки местных сообществ применяются гранты, в том числе как механизм поддержки местных проектов и инициатив. В законодательстве следует отметить такое направление, как *деволюция*, то есть передача ряда полномочий от центра на региональный и местный уровень, расширение прав местных сообществ, в том числе по осуществлению общественного контроля над действиями местных органов. Важным направлением является горизонтальная интеграция и сотрудничество жителей местных сообществ, механизм сбора добровольных пожертвований (пример Корнуолла). В России подобные тенденции выражены гораздо меньше в силу господствующих «вертикальных связей» и проблемы недоверия в обществе. В то же время, британским центральным властям, как и российским, свойственно стремление решать проблемы местных сообществ посредством административной политики «укрупнения» территориальных единиц и централизации, которая периодически сменяется обратной тенденцией «разукрупнения» и децентрализации отдельных функций (например, управление здравоохранением и образованием). В Британии данные тренды ограничиваются в силу действующих институтов (например, представительство, местные референдумы,

¹ State of the countryside update: Sparsely populated areas. November 2010. Commission for Rural Communities ...

петиции жителей, независимый суд), но смена этих циклов территориальной политики происходит чаще, чем в России.

Особенности самоорганизации населения, взаимодействия местных сообществ с органами публичной власти Великобритании в целях решения проблем малонаселённых территорий, в том числе в условиях эпидемии 2020 г. и её последствий для экономики, здравоохранения, образования и прочих сфер исследованы недостаточно. Специфика проблем малонаселённых и сельских территорий в различных регионах Великобритании (Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия) — это вопрос, также требующий дальнейшего исследования. Представляется, что важнейшее направление государственной политики по решению выделенных в данном исследовании проблем — развитие местных интересов сообщества, интеграция мер государственной поддержки и местных мероприятий. В качестве мер, направленных на решение социальных и инфраструктурных проблем малонаселённых территорий в Великобритании, можно выделить правительственные программы, реализуемые на национальном и региональном уровне при участии промышленных предприятий и бизнеса, грантовый механизм осуществления финансовой поддержки в сочетании с расширением прав и полномочий местных сообществ. В России примеров разработки и реализации подобной политики пока нет.

1. Adams T. Countryside in crisis: why rural Britain needs a new deal // *The Guardian*. Sun 16 Jul 2017. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jul/15/countryside-crisis-rural-britain-north-yorkshire> (дата обращения: 12.08.2020).

2. Burgess S. Social isolation experienced by older people in rural communities. 2012. URL: https://www.basw.co.uk/system/files/resources/basw_111815-1_0.pdf (дата обращения: 12.08.2020).

3. Buske L. Availability of services in rural areas // *CMAJ: Canadian Medical Association Journal*. 2000. T. 162. № 8. С. 1193.

4. Chapman P., Phimister E., Shucksmith M., Upward R. And Veratoscano, E. Poverty and Exclusion in Rural Britain: The Dynamics of Low Income and Employment. *Yor : York Publishing Services*, 1998.

5. Cox J. Poverty in rural areas // *BMJ: British medical journal: International edition*. 1998. Vol. 316. No. 7133. P. 722.

6. Fahmy E., Cemlyn S., Gordon D. Rural proofing and best practice in neighbourhood renewal. 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/228869709_Rural_proofing_and_best_practice_in_neighbourhood_renewal (дата обращения: 20.10.2019).

7. Gordon D. et al. Poverty and Social Exclusion in Britain, Joseph Rowntree Foundation. 2000. URL: // <https://www.openedition.org/catalogue-journals> (дата обращения: 20.10.2019).

8. Green R. Social work in rural areas: a personal and professional challenge // *Australian Social Work*. 2003. Vol. 56. No. 3. P. 209—219.

9. Hart J., Lavis J. Issues Facing Providers of Social Care at Home to Older Residents in Rural England // *Rural England CIC*, November 2017. URL: <https://ruralengland.org/wp-content/uploads/2018/01/Launch-Report-Issues-Facing-Providers-Social-Care-in-Rural-England.pdf> (дата обращения: 12.08.2020)

10. Hopkins J., Copus A. The Scottish Sparsely Populated Area (SPA): Agricultural and key rural industry trends. URL: https://www.hutton.ac.uk/sites/default/files/files/RD%203_4_1%20O2_2ii%20WP5%20October%202018%20-%20publish.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

11. Hopkins J., Copus A. Population potential in Scotland: defining a Sparsely Populated Area. The James Hutton Institute. URL: <https://www.hutton.ac.uk/publications/publications-list> (дата обращения: 20.10.2019).

12. Hopkins J., Copus A. The Social Economic and Geographical Sciences Group. The James Hutton Institute URL: https://www.hutton.ac.uk/sites/default/files/files/RD3_4_1%20Note%201.docx.pdf (дата обращения: 20.10.2019 г.)

13. Reardon J. The presence of hospital systems in rural areas // *Journal of Economic Issues*. 1996. Vol. 30. No. 3. P. 859—876.

14. Shucksmith M. Social Exclusion and Poverty in Rural Areas of Britain // *Belgeo*. 2001. No. 3. URL: <https://journals.openedition.org/belgeo/15081> (дата обращения: 10.08.2019).

15. Smith J. P. Rural communities feel isolated from health care in England // *Journal of Advanced Nursing*. 1991. Vol. 16. No. 1. P. 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=4988113> (дата обращения: 10.08.2019).

16. Ward N., Lowe Ph., Bridges T. Rural and regional development: the role of the regional development agencies in England // *Regional Studies*. 2003. Vol. 37. No. 2. P. 201.

17. Карцев И. С. Возможности сохранения и развития сельских поселений Российской Федерации // *Государственная служба*. 2017. № 3. С. 94—100.

18. Огарков А. П. Модель-методика обоснования выбора местных центров жизнеустройства на малозаселенных сельских

территориях, обеспечивающая управление их устойчивым социально-экономическим развитием // Финансы: международный опыт и российские реалии : сб. науч. тр. по материалам междунар. оч.-заоч. науч.-практ. онлайн-конф. М., 2016. С. 237—239.

19. Лангинен А. В. Государственное управление в Великобритании: функции и услуги // Современное управление: векторы развития : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 15—16 нояб. 2018 г. Саратов : Амирит, 2018. С. 254—256.

20. Лангинен А. В. Основные результаты реформы местного государственного управления и самоуправления в Великобритании // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2009. № 4. С. 48—52.

21. Чужмаров А. И., Чужмарова А. А. Инновационные модели развития инфраструктуры слабоосвоенных и малозаселенных территорий // Экономика и управление: теория и практика. 2018. Т. 4. № 2. С. 58—65.

References

1. Adams T. (2017) Countryside in crisis: why rural Britain needs a new deal. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jul/15/countryside-crisis-rural-britain-north-yorkshire> [in Eng].
2. Burgess S. (2012) Social isolation experienced by older people in rural communities. Available at: https://www.basw.co.uk/system/files/resources/basw_111815-1_0.pdf [in Eng].
3. Buske L. (2000) *CMAJ: Canadian Medical Association Journal*, vol. 162, no. 8, pp. 1193 [in Eng].
4. Chapman P., Phimister E., Shucksmith M., Upward R. And Veratoscano, E. (1998) *Poverty and Exclusion in Rural Britain: The Dynamics of Low Income and Employment*. York, York Publishing Services [in Eng].
5. Cox J. (1998) *BMJ: British medical journal: International edition*, vol. 316, no. 7133, pp. 722 [in Eng].
6. Fahmy E., Cemlyn S., Gordon D. (2004) Rural proofing and best practice in neighbourhood renewal. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228869709_Rural_proofing_and_best_practice_in_neighbourhood_renewal [in Eng].
7. Gordon D. et al. (2000) *Poverty and Social Exclusion in Britain*, Joseph Rowntree Foundation. Available at: <https://www.openedition.org/catalogue-journals> [in Eng].
8. Green R. (2003) *Australian Social Work*, vol. 56, no. 3, pp. 209—219 [in Eng].
9. Hart J., Lavis J. (2017) *Issues Facing Providers of Social Care at Home to Older Residents in Rural England*. Available at: <https://ruralengland.org/wp-content/uploads/2018/01/Launch-Report-Issues-Facing-Providers-Social-Care-in-Rural-England.pdf> [in Eng].
10. Hopkins J., Copus A. (2018) *The Scottish Sparsely Populated Area (SPA): Agricultural and key rural industry trends*. Available at: https://www.hutton.ac.uk/sites/default/files/files/RD%203_4_1%20O2_2ii%20WP5%20October%202018%20-%20publish.pdf [in Eng].
11. Hopkins J. and Copus A. (2017) *Population potential in Scotland: defining a Sparsely Populated Area*. The James Hutton Institute. Available at: <https://www.hutton.ac.uk/publications/publications-list> [in Eng].
12. Hopkins J., Copus A. (2018) *The Social Economic and Geographical Sciences Group*. The James Hutton Institute. Available at: https://www.hutton.ac.uk/sites/default/files/files/RD3_4_1%20Note%201.docx.pdf [in Eng].
13. Reardon J. (1996) *Journal of Economic Issues*, vol. 30, no. 3, pp. 859—876 [in Eng].
14. Shucksmith M. (2001) *Belgeo*, no. 3. Available at: <https://journals.openedition.org/belgeo/15081> [in Eng].
15. Smith J.P. (1991) *Journal of Advanced Nursing*, vol. 16, no. 1, p. 1. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=4988113> [in Eng].
16. Ward N., Lowe Ph., Bridges T. (2003) *Regional Studies*, vol. 37, no. 2, p. 201 [in Eng].
17. Karcev I.S. (2017) *Gosudarstvennaja sluzhba*, no. 3, pp. 94—100 [in Rus].
18. Ogarkov A.P. (2016) *Model'-metodika obosnovaniya vybora mestnyh centrov zhizneustrojstva na malozaselennyh sel'skih territorijah, obespechivajushhaja upravlenie ih ustojchivym social'no-jekonomicheskim razvitiem* // *Finansy: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie realii*. Moscow, pp. 237—239 [in Rus].
19. Langinen A.V. (2018) *Gosudarstvennoe upravlenie v Velikobritanii: funkcii i uslugi* // *Sovremennoe upravlenie: vektory razvitiya*. Saratov, Amirit, pp. 254—256 [in Rus].
20. Langinen A.V. (2009) *Nauchnyj vestnik Ural'skoj akademii gosudarstvennoj sluzhby: politologija, jekonomika, sociologija, pravo*, no. 4, pp. 48—52 [in Rus].
21. Chuzhmarov A.I., Chuzhmarova A.A. (2018) *Jekonomika i upravlenie: teorija i praktika*, vol. 4, no. 2, pp. 58—65 [in Rus].

For citing: Langinen A.V.
Sparsely populated and rural areas
in the United Kingdom: measures
to solve governance challenges //
Socium i vlast'. 2020. № 6 (86). P. 29—39.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-29-39.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-29-39

UDC 35.076.13

SPARSELY POPULATED AND RURAL AREAS IN THE UNITED KINGDOM: MEASURES TO SOLVE GOVERNANCE CHALLENGES

Alexei V. Langinen,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Perm branch,
Associate professor of the Department
of Management Theory and Practice
Cand.Sc. (Philosophy)
The Russian Federation, 614060,
Perm, Gagarina boulevard, 10
E-mail: langinen77@mail.ru

Abstract

Introduction. The problems of state and local governance in sparsely populated and rural areas is relevant for the Russian Federation due to the presence of depressed areas, depopulation of the countryside, small towns, monotowns, migration of the rural population to large cities, regional capitals, other regions and abroad. These processes are typical for many other modern states. Solving the problems of rural and sparsely populated areas includes providing socially significant services, protecting the health and safety of residents, developing education, creating and maintaining social infrastructure, and creating jobs.

The purpose of the article is to identify the most important management problems in rural and sparsely populated areas and reveal possible solutions to these problems using the example of Great Britain.

Methods. The research is based on a systematic approach to management in rural and sparsely populated areas. Analysis of factual data, legal sources, published survey results, foreign Internet sources. Comparative analysis of problems and measures of state policy in different states.

Scientific novelty of the research. The author highlights the current measures taken in the UK at the central, local levels in order to overcome the problems of rural and sparsely populated areas. These activities as a basis for developing practical recommendations may be important for solving similar problems in Russian regions, including in the context of the COVID-19 epidemic and economic problems in the near future.

Results. As a result the author identifies problems in the field of management in rural and sparsely populated and hard-to-reach areas, as well as possible directions of state policy in the UK and Russia to overcome these problems.

Conclusions. The most important direction of state policy for solving the problems highlighted in the study is the development of local interests of the community, the integration of state support measures and local events. As measures aimed at solving social and infrastructural problems of sparsely populated areas in the UK, one can single out government programs implemented at the national and regional levels with the participation of industrial enterprises and businesses, a grant mechanism for the implementation of financial support, combined with the empowerment of local communities. There is no such policy in Russia yet.

Key concepts:

The United Kingdom,
rural areas,
sparsely populated areas,
services,
community,
measures to solve governance challenges.

Для цитирования: Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Комплексная оценка результативности и эффективности санитарно-эпидемиологического надзора // Социум и власть. 2020. № 6 (86). С. 40—54. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-40-54.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-40-54

УДК 351/354

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ САНИТАРНО- ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА

Добролюбова Елена Игоревна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 119571,
Москва, пр. Вернадского, д. 82.
E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru

Южаков Владимир Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Рос-
сийской Федерации,
директор научно-исследовательского центра
«Центр технологий государственного
управления» ИПЭИ,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119571,
Москва, пр. Вернадского, д. 82.
E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности на основе внедрения риск-ориентированных подходов является актуальным направлением реформ государственного управления как в России, так и за рубежом. Традиционно оценка результативности данного направления проводится исходя из показателей интенсивности государственного контроля (количества проверок), а оценка рисков в подконтрольных сферах проводится на основе статистических показателей, частично зависящих от органов государственного контроля. Для получения сбалансированной оценки

результативности и эффективности государственного контроля важно учитывать и иные источники данных, отражающие позицию граждан и предпринимательского сообщества.

Цель. Целью исследования является проведение комплексной оценки результативности и эффективности санитарно-эпидемиологического надзора на основе использования как статистических данных, так и результатов социологических исследований, отражающих позицию граждан и бизнеса.

Методы. В исследовании использована авторская методика комплексной оценки результативности и эффективности государственного контроля.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования состоит в комплексной оценке результативности и эффективности санитарно-эпидемиологического надзора, учитывающая различные источники данных и позволяющая оценить прогресс реализации реформы государственного контроля в данной сфере.

Результаты. Итоги исследования свидетельствуют в целом о росте результативности и бюджетной эффективности санитарно-эпидемиологического надзора за последние годы реализации реформы. При этом на уровне промежуточных и непосредственных результатов отмечаются разнонаправленные тенденции, а рост совокупных издержек бизнеса и государства опережает рост достигаемых результатов.

Выводы. Применение комплексной методики оценки результативности и эффективности государственного контроля позволяет получить надежные данные, характеризующие реальное положение дел в рассматриваемой сфере. Дальнейшее повышение результативности и эффективности санитарно-эпидемиологического надзора требует расширения сферы применения риск-ориентированных подходов и повышения качества рассмотрения обращений граждан, столкнувшихся с рисками причинения вреда.

Ключевые понятия:

государственное управление,
контрольно-надзорная деятельность,
результативность,
санитарно-эпидемиологический надзор,
социологические исследования,
эффективность.

Введение

Совершенствование контрольно-надзорной деятельности (далее — КНД) государства, направленное на минимизацию рисков причинения вреда в связи с хозяйственной деятельностью, занимает важное место в повестке реформ государственного управления как в России¹, так и в зарубежных странах [15]. Для обеспечения мониторинга и оценки как КНД, так и ее реформы была утверждена Базовая модель определения показателей результативности и эффективности КНД² (далее — Базовая модель), предполагающая использование статистических показателей о количестве случаев причинения вреда охраняемым законом ценностям (смертности, заболеваемости, объема материального ущерба от контролируемых причин).

Первые итоги применения данной модели свидетельствуют о ее значимых недостатках [2]. Так, органы власти столкнулись со сложностями при определении конкретных охраняемых законом ценностей, на защиту которых направлены конкретные виды КНД, а также при формировании измеряемых показателей результативности для характеристики степени защищенности таких ценностей [13]. В тех случаях, когда показатели результативности были определены и утверждены контрольно-надзорными органами (далее — КНО), при последующей оценке их достижения отмечались значительные разрывы между данными ведомственной статистики и иными источниками информации о частоте случаев причинения вреда в соответствующих сферах, что связано с «латентным» характером данных показателей: случаи причинения вреда выявляются непосредственно в рамках проверочных мероприятий, и частота их фиксации непосредственно зависит от деятельности органов контроля [12].

Важным недостатком базовой модели является и отсутствие показателей, позволяющих оценивать профилактическую деятельность КНО по

предотвращению угроз причинения вреда охраняемым законом ценностям [7]. Следует также отметить, что несмотря на значительное число показателей, включенных в Базовую модель, она слабо учитывает деятельность КНО, связанную с взаимодействием с гражданами, обращающимися в эти органы за защитой от рисков: хотя модель предусматривает использование показателей, отражающих восприятие КНД обществом, такие показатели отнесены к индикативным (в отличие, например, от показателей, характеризующих уровень административной нагрузки на бизнес и оцениваемых в целом для всех видов КНД), а единая методология их расчета отсутствует.

Анализ материалов официального мониторинга реформы КНД [1; 10] и дополняющих его исследований [4; 8] показывает, что основное внимание уделяется вопросам влияния КНД государства на бизнес, тогда как реальная оценка снижения рисков причинения вреда в подконтрольных сферах не проводится.

Эта проблема особенно значима для сферы санитарно-эпидемиологического надзора, направленного на минимизацию рисков причинения вреда жизни и здоровью граждан в сфере продовольственной безопасности, снижение заболеваемости и смертности от паразитарных и инфекционных заболеваний, а также сокращение пищевых отравлений. Отраслевые исследования результативности данного вида надзора показывают значимость учета показателей предотвращенного в результате деятельности Роспотребнадзора ущерба [9; 11], развитие системы санитарно-гигиенического мониторинга и ее использования в рамках внедрения риск-ориентированных подходов к КНД государства [5; 6]. Однако указанные исследования основываются на анализе и моделировании статистических данных и в этой связи не позволяют решить проблему «латентных» показателей при проведении оценки.

Одним из возможных путей решения рассматриваемой проблемы является дополнение анализа статистических данных инструментами внешней оценки КНД государства, позволяющей оценивать результативность госконтроля с позиции внешних по отношению к КНО субъектов — граждан и бизнеса.

Важность проведения внешней оценки, позволяющей увидеть реальное положение дел, признается на уровне международных организаций [24] и находит практическое применение в зарубежных странах, в том

¹ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года : утверждены 30.09.2018. URL: <http://government.ru/news/34168> (дата обращения 06.11.2020).

² Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности : Распоряжение Правительства РФ от 17.05.2016 № 934-р (ред. от 07.10.2019). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198076 (дата обращения: 06.11.2020).

числе в сфере безопасности продуктов питания и санитарно-эпидемиологического надзора.

Так, значительное внимание подобным исследованиям уделяется в Китае, в том числе, для оценки необходимости отслеживания источников происхождения продукции [27], сертификации продовольствия [23], в Словакии и Японии для оценки восприятия потребителями безопасности продуктов питания [22; 25] в Бразилии — для оценки качества скоринговой системы, внедренной для оценки безопасности объектов общественного питания в преддверии Чемпионата мира по футболу 2014 г. [17]. Помимо оценки конкретных инициатив проводятся также исследования, направленные на выявление взаимосвязи между ресурсным обеспечением КНО и удовлетворенностью граждан уровнем безопасности продуктов питания [20]. Важным направлением исследований является и оценка взаимосвязи между оценкой безопасности продуктов питания гражданами и их готовности к дополнительным расходам на повышение уровня безопасности [14].

Целью настоящего исследования является проведение комплексной оценки результативности и эффективности санитарно-эпидемиологического надзора на основе использования как статистических данных, так и результатов социологических исследований, отражающих позицию граждан и бизнеса. Ключевой гипотезой исследования является повышение результативности и эффективности данного вида надзора по итогам реализации мер по реформированию и совершенствованию КНД государства.

Методы и материалы

Методика комплексной оценки результативности и эффективности КНД государства (далее — комплексная методика) была разработана авторами [3] и апробирована на старте реформы КНД [19]. Комплексная методика предусматривает оценку конечных общественно значимых, промежуточных и непосредственных результатов КНД государства, а также оценку эффективности государственного контроля на основе соотнесения достигаемых результатов и затрачиваемых ресурсов.

Конечные результаты КНД, закрепленные в законодательстве о государственном контроле (надзоре), связаны с минимизацией рисков причинения вреда общественно значимым (охраняемым законом) ценностям.

Безусловно, на динамику конечных результатов КНД влияют различные факторы. Так, заболеваемость инфекционными и паразитарными заболеваниями зависит не только от соблюдения санитарных требований производителями, поставщиками и продавцами продукции, но и от условий хранения приобретенных продуктов, соблюдения гражданами гигиенических и санитарных требований.

В этой связи важно выделять и группу промежуточных результатов, отражающих вклад КНД в достижение конечных результатов по минимизации рисков, связанных с хозяйственной деятельностью граждан и организаций.

Наконец, для оценки результативности КНД важны и непосредственные результаты, отражающие информированность хозяйствующих субъектов об установленных обязательных требованиях, степень соблюдения таких требований и устранения выявленных нарушений, согласия с результатами проверок и законности КНД. Важно учитывать, что с КНО взаимодействуют не только хозяйствующие субъекты, но и граждане, обращающиеся в органы государственной власти для защиты от различных рисков.

Количественная оценка конечных, промежуточных и непосредственных результатов осуществляется на основе расчета индексов результативности по формуле (1)

$$I_R = \sum r_i \times k_i \quad (1)$$

где r_i — индекс динамики i -го показателя, отражающего, соответственно, конечные, промежуточные или непосредственные k_i — удельный вес данного показателя в общем индексе результативности.

При этом индекс динамики показателей рассчитывается с учетом желаемой тенденции развития показателя. Так, если желаемой тенденцией развития показателя является снижение его значений (например, заболеваемости, смертности и т. д.), индекс динамики показателя рассчитывается по формуле (2)

$$r_i = p_0 / p_t \times 100 \%, \quad (2)$$

где p_0 — значение показателя в базовом периоде, p_t — значение показателя в отчетном периоде.

Если желаемой тенденцией развития показателя является рост значений (например, показатели, характеризующие оценку гражданами уровня защищенности от контролируемых рисков или степень согласия

хозяйствующих субъектов с результатами проверки), индекс динамики показателя рассчитывается по формуле (3)

$$r_i = p_t / p_0 \times 100 \%, \quad (3)$$

где p_0 — значение показателя в базовом периоде, p_t — значение показателя в отчетном периоде.

Для получения интегральной оценки учитываются все уровни результатов (конечные, промежуточные и непосредственные) с соответствующими удельными весами (рис. 1).

Интегральный индекс результативности рассчитывается по формуле (4)

$$R = I_o \times 0,5 + I_i \times 0,3 + I_n \times 0,2, \quad (4)$$

где I_o — индекс конечных общественно значимых результатов, I_i — индекс промежуточных результатов и I_n — индекс непосредственных результатов (все индексы рассчитываются по формуле (1), приведенной выше).

В составе каждой группы результатов (конечные, промежуточные, непосредственные) в рамках комплексной оценки результативности КНД используются несколько показателей результативности. Для оценки результативности по уровням результатов учитываются удельные веса данных показателей в общей оценке, определяемые с учетом значимости соответствующих показателей и оценки надежности источников данных, используемых для расчета.

Значимость определяется с учетом масштабов (характера) и частоты причинения вреда. Например, при прочих равных пока-

затели смертности учитываются в составе показателей конечных результатов с большим удельным весом, чем показатели заболеваемости. Показатели, рассчитываемые на основе источников данных, независимых от КНО, принимаются с более высоким удельным весом, чем показатели, источниками которых является административная информация КНО.

В соответствии с первоначальной методикой, результативность КНД государства оценивалась только на основе статистических данных (данных государственной отраслевой статистики и данных КНО, представляемых по форме «1-контроль») и результатов опросов хозяйствующих субъектов. Введение с 2018 г. практики проведения опросов граждан позволяет учесть и их позицию при оценке конечных, промежуточных и непосредственных результатов КНД государства (рис. 2).

Комплексный характер оценки результативности и эффективности связан с учетом в рамках оценки интересов всех заинтересованных сторон КНД (граждан, бизнеса и государства).

Комплексная методика учитывает и дополняет подходы, определенные в Базовой модели. Так, ключевые показатели результативности КНД группы А, определенные в соответствии с этой моделью, учитываются в составе показателей конечных результатов в рамках комплексной методики оценки. При этом состав показателей конечных результатов дополнен данными, полученными на основе социологических исследований¹.

¹ Использованы результаты социологических исследований представителей хозяйствующих субъектов и граждан. Социологические исследования

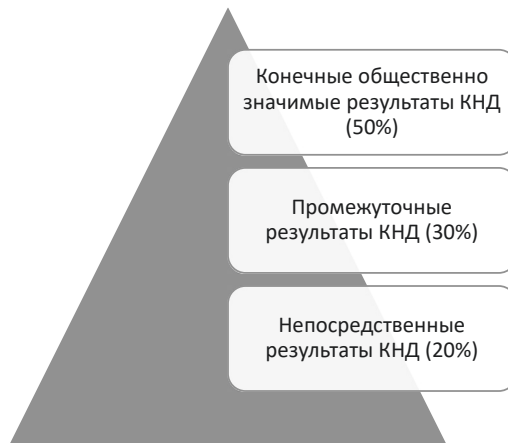

Рис. 1. Вклад различных уровней результатов в интегральную оценку результативности КНД

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Комплексная оценка результативности КНД государства с учетом социологических данных
Источник: составлено авторами.

При оценке эффективности КНД государства, в отличие от Базовой модели, в комплексной методике учитывается соотношение не абсолютных, а относительных представителей хозяйствующих субъектов проводились в 2017 г. и 2020 г. в 28 субъектах РФ. Выборка составила 1000 представителей частных хозяйствующих субъектов, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (руководителей, их заместителей, руководителей структурных подразделений по взаимодействию с государственными органами, финансовых директоров и бухгалтеров организаций, индивидуальных предпринимателей), осуществляющих свою деятельность в течение не менее 3 лет, в отношении которых за последние 2 года проводились проверки КНО (за исключением налоговых). Используемые в рамках комплексной оценки социологические исследования граждан проводились в 2018—2020 гг. среди респондентов старше 18 лет вне зависимости от факта их столкновения с рисками причинения вреда и обращения в КНО для защиты от таких рисков. Объем выборки составил 1000 человек в 2018 г. и 2000 человек в 2019 г. и 2020 г. Опрос проводился во всех федеральных округах. Для обоих типов опросов использовалась многоступенчатая квотная выборка с вероятностным характером отбора респондентов на последнем этапе.

приростов показателей результативности и показателей, характеризующих издержки. При этом учитывается динамика показателей всех уровней результатов (конечных, промежуточных и непосредственных, с соответствующими удельными весами), а также динамика издержек (в реальном выражении).

Для оценки результативности в настоящем исследовании проанализирована динамика показателей (по сравнению с базовым периодом, соответствующим 2016 г.¹).

В рамках настоящего исследования также расширены подходы к оценке эффективности государства путем учета как бюджетной эффективности (соотнесения интегрального индекса результативности КНД с динамикой бюджетных расходов на КНД), так и совокупной эффективности (соотнесения интегрального индекса результативности

¹ Базовые значения для показателей, рассчитываемых по итогам социологических опросов граждан, определены по итогам опроса 2018 г. Базовые значения для показателей, рассчитываемых по итогам социологических опросов бизнеса, определены по итогам опроса 2017 г., что характеризует опыт предпринимателей в 2015—2016 гг.

сти КНД с динамикой совокупных расходов бизнеса и государства, связанных с КНД).

Результаты

КНД государства в сфере санитарно-эпидемиологического надзора прежде всего направлена на минимизацию рисков причинения вреда жизни и здоровью в сфере продовольственной безопасности. Конечным общественно значимым результатом осуществления госконтроля в данной сфере является снижение заболеваемости и смертности от паразитарных и инфекционных заболеваний, а также сокращение пищевых отравлений. Показатели результативности в данной сфере утверждены приказом Роспотребнадзора от 31.10.2017 г. № 1044 и рассчитываются на основе статистических данных. В рамках приказа установлены и базовые значения показателей (соответствующие уровню 2016 г.), а в Докладе Минэкономразвития России [10] обобщены фактические значения данных показателей за 2019 г.

Проведенные социологические исследования позволяют дополнить данные статистические показатели оценкой гражданами уровня защищенности от соответствующих рисков и частотой столкновения с такими рисками в течение 2 лет, предшествовавших опросу.

Таким образом, конечные результаты осуществления санитарно-эпидемиологического надзора могут быть оценены с использованием 4 статистических показателей и 2 показателей, полученных на основе данных социологических опросов (табл. 1). Удельные веса показателей определены с учетом масштаба и значимости проблем, которые они отражают. В частности, наибольший удельный вес присвоен показателю инфекционной заболеваемости (поскольку частота данного риска почти в 9 раз превышает частоту рисков по паразитарной заболеваемости).

Как показывает проведенная оценка, значения большинства показателей конечных результатов по данным за 2019—2020 гг. улучшились по сравнению с базовым периодом. Индекс результативности данного вида КНД по динамике составил 123,55 %. Наиболее значимые улучшения отмечаются в сфере пищевых отравлений: число пострадавших от таких отравлений и число летальных исходов в 2019 г. снизилось по сравнению с базовым периодом (2016 г.) на 35 %. Такая динамика соотносится и с оценкой граждан: по итогам опроса 2020 г. за-

фиксировано снижение частоты с рисками, связанными с потреблением некачественных продуктов питания и услуг общепита на 27,5%. Соответственно, оценка уровня защищенности от данного вида рисков возросла в 2020 г. на 32,3% по сравнению с базовым 2018 годом.

При этом обращает на себя внимание ухудшение ситуации с инфекционной заболеваемостью. Если базовое значение показателя за 2016 г. составляло 1422,23 случаев на 100 тыс. населения, то в 2019 г. было зафиксировано 1795,03 случаев на 100 тыс. населения.

Для оценки промежуточных результатов осуществления санитарно-эпидемиологического надзора использованы показатели результативности, отражающие частоту выявления случаев причинения вреда жизни и здоровью, а также нарушений обязательных требований, представляющих угрозу причинения такого вреда; общую оценку хозяйствующими субъектами влияния санитарно-эпидемиологического надзора на минимизацию рисков причинения вреда, а также оценку влияния контрольно-надзорных мероприятий на повышение безопасности продукции; индекс результативности обращения граждан в КНО за защитой от соответствующего риска (табл. 2).

Анализ промежуточных результатов осуществления санитарно-эпидемиологического надзора позволяет прийти к нетривиальным выводам. В целом индексы результативности как по динамике показателей, так и по пороговым значениям существенно превышают 100 %. Таким образом, в среднем можно говорить о росте результативности данного вида КНД на уровне промежуточных результатов.

В то же время индексы результативности отдельных включенных в состав системы показателей существенно различаются. Так, по двум показателям, рассчитываемым на основе формы «1-контроль», наблюдаются значительные улучшения значений. По сравнению с 2016 г. в 2019 г. количество зафиксированных фактов причинения вреда жизни и здоровью сократилось в 4 раза; на 40,9 % выросло отношение предотвращенного ущерба к причиненному. При этом, динамика числа зафиксированных фактов причинения вреда жизни и здоровью слабо коррелирует с динамикой заболеваемости за аналогичный период: снижение частоты паразитарных заболеваний и отравлений не настолько велико, чтобы объяснить 4-кратное сокращение числа зафиксированных фактов причинения вреда. Заболеваемость

Таблица 1

**Оценка показателей конечных общественно-значимых результатов
осуществления санитарно-эпидемиологического надзора**

Наименование показателя	Источник данных	Удельный вес	Базовое значение	Значение в отчетном периоде	Индекс динамики (r_t)
Инфекционная заболеваемость (за исключением хронических гепатитов, укусов, ослонения животными, туберкулеза, сифилиса, гонококковой инфекции, ВИЧ-инфекции, ОРВИ, гриппа, пневмоний) случаев, на 100 тыс. населения)	Статистические данные	0,25	1422,23	1795,03	79,23
Заболеваемость паразитарными заболеваниями, на 100 тыс. населения	Статистические данные	0,15	233,42	201,42	115,89
Число пострадавших при пищевых отравлениях, за исключением бытовых пищевых отравлений, на 100 тыс. населения	Статистические данные	0,1	2,24	1,46	153,42
Число летальных исходов при пищевых отравлениях, за исключением бытовых пищевых отравлений, на 100 тыс. населения	Статистические данные	0,2	0,04	0,026	153,85
Оценка гражданами уровня защищенности жизни и здоровья от рисков причинения вреда при потреблении некачественных продуктов питания и услуг общепита, %	Результаты социологического опроса граждан	0,2	28,2	37,3	132,27
Доля граждан, сталкивавшихся за последние 2 года с необходимостью защиты жизни и здоровья от рисков причинения вреда в связи с потреблением некачественных продуктов питания и услуг общепита, %	Результаты социологического опроса граждан	0,1	25,1	18,2	137,91
Индекс конечных общественно значимых результатов (I_o)					123,55

Источник: рассчитано авторами по данным Роспотребнадзора и результатам социологических исследований.

инфекционными заболеваниями и вовсе возросла за рассматриваемый период.

При этом оценки хозяйствующих субъектов в отношении влияния КНД государства на снижение рисков в рассматриваемой сфере также имеют тенденцию к снижению. Если по итогам опроса, проведенного в 2017 г., 45,6 % респондентов отметили, что санитарно-эпидемиологический надзор способствует снижению рисков причинения вреда жизни и здоровью граждан, по итогам исследования 2020 г. такую оценку дали 41,7 %. Снижение оценки результативности конкретных контрольно-надзорных мероприятий в данной сфере еще замет-

нее. Если в 2017 г. 35,2 % респондентов отметили повышение безопасности продукции по результатам проверки, проведенной в рамках санитарно-эпидемиологического надзора, то в 2020 г. таких стало лишь 23,9 %.

Индекс результативности обращений в КНО за доступный период (по итогам опросов граждан в 2019 г. и 2020 г.) не претерпел существенных изменений. Достигнутое значение индекса (57,7 %) свидетельствует о том, что необходимы дальнейшие усилия по обеспечению роста результативности рассмотрения обращений граждан, сталкивающихся с рисками причинения вреда,

Таблица 2

Оценка показателей промежуточных результатов осуществления санитарно-эпидемиологического надзора

Наименование показателя	Источник данных для расчета показателя	Удельный вес	Базовый период	Отчетный период	Индекс динамики (г)
Количество случаев причинения вреда здоровью в подконтрольной сфере, ед.	Роспотребнадзор (форма 1-контроль)	0,1	852	215	396,3 (150)
Отношение предотвращенного вреда к причиненному (отношение числа юридических лиц, в деятельности которых выявлена угроза причинения вреда охраняемым ценностям к числу юридических лиц, в деятельности которых выявлены нарушения, являющиеся причиной причинения вреда), %	Роспотребнадзор (форма 1-контроль)	0,2	14,7	20,7	140,9
Доля хозяйствующих субъектов, отмечающих, что осуществление санитарно-эпидемиологического контроля снижает риски причинения вреда жизни и здоровью граждан, %	Социологический опрос хозяйствующих субъектов	0,2	45,6	41,7	91,45
Доля хозяйствующих субъектов, отмечающих повышение уровня безопасности продукции по итогам последней проверки, %	Социологический опрос хозяйствующих субъектов	0,3	35,2	23,9	67,90
Индекс результативности обращения граждан в КНО, %	Социологический опрос граждан	0,2	57,4	57,7	100,52
Индекс промежуточных результатов (г)					126,57 (100,45)

Источник: расчеты авторов на основе статистических данных, опубликованных в ГАС «Управление», и итогов социологических опросов.

а также оказания им поддержки в возмещении причиненного ущерба.

В целом выявленные тенденции свидетельствуют о том, что улучшение показателей, фиксируемых непосредственно КНО, не соответствует динамике статистических показателей и результатам социологических опросов: темпы снижения фиксируемых фактов причинения вреда существенно выше, чем темпы снижения заболеваемости и смертности, а также темпы роста оценок уровня защищенности жизни и здоровья граждан. Это может свидетельствовать о снижении вклада КНД государства в достижение конечных общественно значимых результатов в рассматриваемой сфере.

Поэтому для целей расчета общего индекса результативности вида КНД по динамике индекс результативности по показателю «количество случаев причинения вреда здоровью в подконтрольной сфере» был

принят равным 135 % (с учетом динамики снижения случаев отравлений и соответствующих летальных исходов). В этом случае индекс результативности санитарно-эпидемиологического надзора по динамике (в части промежуточных результатов) составит 100,45 %, что представляется более адекватной оценкой с учетом разнонаправленного характера изменения показателей промежуточных результатов.

Для более детального анализа ситуации рассмотрим динамику показателей, характеризующих непосредственные результаты санитарно-эпидемиологического надзора (табл. 3). В состав показателей включены как данные статистического наблюдения по форме «1-контроль», характеризующие частоту выявления грубых нарушений и законность проводимых проверок; показатели опросов хозяйствующих субъектов, отражающие уровень их информированности, устранение

Таблица 3

Оценка показателей непосредственных результатов осуществления санитарно-эпидемиологического надзора

Наименование показателя	Источник данных для расчета показателя	Удельный вес	Базовый период	Отчетный период	Индекс динамики (r_t)
Доля хозяйствующих субъектов, оценивающих уровень своей информированности об обязательных требованиях в сфере потребительского и санитарно-эпидемиологического контроля как высокий и очень высокий	Социологический опрос хозяйствующих субъектов	0,1	60,5	65,3	107,93
Доля проверенных хозяйствующих субъектов, в деятельности которых не выявлены грубые нарушения (грубые — представляющие угрозу и/или явившиеся причиной причинения вреда охраняемым ценностям)	Роспотребнадзор (форма 1-контроль)	0,3	79,6	79,3	99,62
Доля хозяйствующих субъектов, устранивших все нарушения (в общем числе хозяйствующих субъектов, в деятельности которых выявлены нарушения)	Социологический опрос хозяйствующих субъектов	0,2	83,0	71,5	86,14
Доля хозяйствующих субъектов, согласных с результатами проверки	Социологический опрос хозяйствующих субъектов	0,1	90,4	81,2	89,82
Доля проверок, результаты которых были признаны недействительными в общем количестве проверок	Роспотребнадзор (форма 1-контроль)	0,1	0,01	0,01	100,00
Уровень востребованности КНО для защиты охраняемых законом ценностей	Социологический опрос граждан	0,2	10,4	14,3	137,50
Индекс непосредственных результатов (I_n)					104,39

Источник: расчеты авторов на основе данных формы 1-контроль, опубликованных в ГАС «Управление» и социологических опросов.

выявленных нарушений и общее согласие с результатами проведенных проверок, а также данные опросов граждан, отражающих востребованность обращений в КНО при столкновении с риском причинения вреда жизни и здоровью в связи с потреблением некачественных продуктов питания.

Приведенные в табл. 3 расчеты показывают, что динамика результативности на уровне непосредственных результатов санитарно-эпидемиологического надзора существенно уступает индексам результативности, полученным для конечных и промежуточных результатов. По сравнению с базовым периодом уровень результативности вырос лишь на 4,39 %.

Особенно тревожны тенденции снижения доли хозяйствующих субъектов, соглас-

ных с результатами проведенных проверок, а также доли предпринимателей, устранивших все выявленные нарушения. Снижение значений по данным показателям одновременно с сокращением доли хозяйствующих субъектов, отмечающих влияние санитарно-эпидемиологического надзора на уровень рисков в подконтрольной сфере, свидетельствует о недостаточной ориентации деятельности КНО на минимизацию рисков причинения вреда.

На основе оценки конечных, промежуточных и непосредственных результатов может быть рассчитан интегральный индекс результативности санитарно-эпидемиологического надзора (табл. 4).

По результатам проведенных расчетов, интегральный индекс результативности

Таблица 4

**Расчет интегрального индекса результативности
санитарно-эпидемиологического надзора**

Уровень результатов	Удельный вес	Индекс результативности (%)
Конечные результаты (I_n)	0,5	123,55
Промежуточные результаты (I_p)	0,3	100,45
Непосредственные результаты (I_n)	0,2	104,39
Интегральный индекс результативности		112,79

Источник: расчеты авторов.

составляет 112,79 %. Значение показателя, превышающего 100 %, свидетельствует в целом о росте результативности санитарно-эпидемиологического надзора за период реформы КНД. Однако важно учитывать, что такой рост достигнут в основном за счет улучшения конечных общественно значимых результатов.

Объем бюджетных расходов на осуществление КНД рассчитывается в разрезе КНО и ежегодно обобщается в составе докладов Минэкономразвития России. Так, в 2016 г. объем расходов на осуществление КНД в Роспотребнадзоре составил 7795,6 млн руб., в 2019 г. — 8775,7 млн руб. С учетом индекса-дефлятора (1,249), отмечается снижение объема бюджетных расходов на осуществление КНД в реальном выражении на 9,9 п.п. (индекс роста бюджетных расходов составляет 90,1 %).

Для оценки эффективности санитарно-эпидемиологического надзора необходимо рассмотреть динамику расходов бизнеса и государства, связанных с КНД.

Для оценки административных расходов бизнеса учитываются:

- трудозатраты персонала, связанные с проведением проверок;
- материальные затраты, связанные с проведением проверок (с учетом доли хозяйствующих субъектов, которые понесли значительные материальные затраты при проведении проверок);
- неформальные платежи в рамках проведения проверок (с учетом частоты неформальных платежей).

Результаты расчета административных издержек бизнеса приведены в табл. 5.

Как показывают результаты расчетов, по итогам опроса 2020 г. оценка уровня административных издержек бизнеса, связанных с осуществлением санитарно-эпидемиологического надзора, существенно возросла. Причем рост отмечается по всем компонентам административных расходов: и по тру-

дозатратам, и по материальным затратам, и по неформальным платежам (даже с учетом некоторого снижения их частоты). С учетом индекса-дефлятора, индекс роста административных расходов бизнеса, связанных с осуществлением санитарно-эпидемиологического надзора, составил 274,3 %. Если учитывать совокупные расходы государства и бизнеса на осуществление КНД, индекс роста расходов составит 131,7 %.

Соответственно, оценка эффективности санитарно-эпидемиологического надзора на основе сопоставления динамики результатов и расходов зависит от того, учитываются ли в составе расходов только бюджетные расходы или принимаются во внимание и затраты бизнеса. При учете только бюджетных расходов отмечается опережающий рост результативности (интегральный показатель результативности составляет 112,79 %) по сравнению с изменением объема бюджетных расходов (с учетом инфляции индекс роста расходов составляет 90,1 %). При таком соотношении можно говорить о росте эффективности санитарно-эпидемиологического надзора на 25,2 %.

Однако если принять во внимание и расходы бизнеса, связанные с данным видом КНД, оценка принципиально меняется. Индекс роста совокупных расходов составляет 131,7 %, что выше, чем интегральный индекс результативности (112,79 %). Как следствие, эффективность КНД при учете динамики расходов государства и бизнеса составляет 85,64 %, что показывает ее снижение на 14,4 п.п.

Обсуждение

В целом, по итогам комплексной оценки результативности санитарно-эпидемиологического надзора можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рассматриваемый вид КНД слабо влияет на реальный уровень рисков в подконтрольной сфере: риск причинения

Таблица 5

**Административные издержки бизнеса,
связанные с санитарно-эпидемиологическим надзором**

Наименование показателя	Опрос 2017 г.	Опрос 2020 г.
Средние материальные затраты бизнеса на 1 проверку (в рамках санитарно-эпидемиологического надзора)	34,4	85,5
Доля хозяйствующих субъектов, которые понесли материальные затраты, %	8,9	13,6
Трудозатраты хозяйствующих субъектов на 1 проверку, чел.-дней	2,7	5,9
Средняя заработная плата	36,7	47,5
Стоимостная оценка трудозатрат (тыс. руб. на 1 проверку)	4,7	13,3
Материальные затраты (с учетом доли хозяйствующих субъектов, которые понесли значительные материальные затраты), тыс. руб. на 1 проверку	3,1	11,6
Средние неформальные платежи, тыс. руб. на 1 проверку	11,2	32,6
Частота неформальных платежей, %*	16,7	12,0
Средний уровень неформальных платежей (с учетом частоты), тыс. руб. на 1 проверку	1,9	3,9
Средние административные расходы бизнеса на 1 проверку, тыс. руб.	9,7	28,9
Количество проверок, ед.**	235 629	269 888
Объем административных расходов бизнеса, связанных с осуществлением КНД, млн руб.	2274,2	7793,4

* Под частотой неформальных платежей понимается доля хозяйствующих субъектов, которым приходилось при проведении проверок дарить подарки либо передавать иное вознаграждение представителям КНО. Показатель получен на основе социологических опросов хозяйствующих субъектов.

** Использовано количество проверок Роспотребнадзора в году, предшествующем году проведения опроса (т. е. соответственно в 2016 г. и 2019 г.).

Источник: расчеты авторов по данным Росстата и социологических опросов хозяйствующих субъектов.

вреда здоровью по причинам, на минимизацию которых направлен санитарно-эпидемиологический надзор, во много раз превышает число зафиксированных Роспотребнадзором случаев причинения вреда жизни и здоровью граждан. Более того, разрыв между данными показателями увеличивается.

Во-вторых, при в целом положительной динамике показателей конечных результатов, рассчитанных как на основе статистических данных, так и на основе данных социологических исследований граждан, анализ динамики промежуточных и непосредственных результатов демонстрирует разнонаправленные тенденции. Оценка бизнесом влияния санитарно-эпидемиологического надзора на снижение рисков жизни и здоровью граждан снижается вместе со снижением уровня устранения выявленных нарушений и согласия с результатами проверок.

Данная тенденция контрастирует с результатами аналогичных зарубежных исследований.

Так, если в России лишь 23,9 % опрошенных предпринимателей отмечают, что по итогам проверок Роспотребнадзора

безопасность их продукции повысилась, в Финляндии 78,8 % проверенных предприятий пищевой промышленности указывают на наличие влияния проверок и реализованных по их итогам мер на рост безопасности продукции [21]. Примеры внедрения практик оценки рисков в сфере общественного питания в зарубежных странах также показывают более значительный рост соблюдения обязательных требований [26] по сравнению с результатами, полученными по итогам комплексной оценки в России.

Результаты комплексной оценки свидетельствуют о том, что применение риск-ориентированного подхода исключительно для установления периодичности плановых проверок может быть недостаточно. Практика деятельности аналогичных КНО в зарубежных странах, использующих для оценки рисков и осуществления внеплановых проверок бизнеса отзывы потребителей на основе анализа данных социальных сетей с применением технологий искусственного интеллекта [18], показывает, что такой более комплексный подход к оценке рисков дает положительные результаты. О важности применения риск-ориентированных подходов и непосредственно при

проведении проверки для контроля исполнения наиболее значимых с точки зрения безопасности обязательных требований законодательства и при принятии решений о применении санкций свидетельствует и опыт европейских стран [16].

Частота обращений граждан в Роспотребнадзор при столкновении с необходимостью защиты от рисков в сфере безопасности продуктов питания остается низкой; результативность таких обращений за последние годы не претерпела существенных изменений.

В целом результаты комплексной оценки свидетельствуют о росте результативности санитарно-эпидемиологического надзора по сравнению с базовым периодом до начала реформы. Однако такие результаты достигнуты в основном за счет снижения заболеваемости паразитарными заболеваниями и частоты пищевых отравлений, а также за счет снижения частоты столкновения граждан с рисками и с ростом оценки уровня защищенности в сфере продовольственной безопасности. При этом динамика результативности промежуточных и непосредственных результатов незначительна.

В-третьих, при снижении (в реальном выражении) бюджетных расходов на осуществление санитарно-эпидемиологического надзора административные расходы бизнеса, связанные с данным видом КНД существенно выросли. Если учитывать динамику совокупных расходов государства и бизнеса можно говорить о снижении эффективности осуществления санитарно-эпидемиологического надзора: рост совокупных расходов на данный вид КНД опережает рост его результативности.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует важность комплексного подхода к мониторингу и оценке результативности и эффективности КНД государства и необходимость использования различных источников информации для проведения такой оценки.

Если динамика статистических данных о заболеваемости и смертности, а также оценок гражданами уровня защищенности от рисков в сфере продовольственной безопасности в целом свидетельствуют в пользу роста результативности санитарно-эпидемиологического надзора, то результаты опросов хозяйствующих субъектов, напротив, свидетельствуют о снижении оценки влияния санитарно-эпидемиологического надзора на безопасность продукции и риски

причинения вреда в связи с осуществлением хозяйственной деятельности. Таким образом, можно предположить, что повышение уровня защищенности в подконтрольной сфере происходит в основном за счет факторов, не связанных непосредственно с деятельностью Роспотребнадзора.

Реформа КНД оказала положительное влияние на повышение бюджетной эффективности санитарно-эпидемиологического надзора за последние годы, однако снижение издержек государства происходит на фоне роста административных издержек бизнеса. При учете совокупной динамики расходов государства и бизнеса, связанных с санитарно-эпидемиологическим надзором, отмечается опережающий рост издержек по сравнению с ростом результативности КНД. Таким образом, совокупная эффективность санитарно-эпидемиологического надзора за последние три года снизилась.

Повышение результативности санитарно-эпидемиологического надзора связано как с дальнейшим внедрением риск-ориентированных подходов, так и с повышением результативности рассмотрения обращений граждан при их столкновении с рисками.

1. Результаты оценки административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность (второй замер, 2018) // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/content/20043/ad-nagruzka-knd-pdf.pdf> (дата обращения: 01.10.2020)

2. Ганус А. А. Реформа контрольно-надзорной деятельности государственной власти в России и оценка ее эффективности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3 (40). С. 15—19.

3. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Оценка результативности контрольно-надзорной деятельности: анализ практики и методические рекомендации. М. : Дело, 2017. 174 с.

4. Доклад Уполномоченного Президента РФ по защите прав предпринимателей 2018 г. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2018.html (дата обращения: 01.10.2020)

5. Зайцева Н. В., Попова А. Ю., Май И. В., Шур П. З. Методы и технологии анализа риска здоровью в системе государственного управления при обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Гигиена и санитария. 2015. Т. 94. № 2. С. 93—98.

6. Зайцева Н. В., Май И. В., Кирьянов Д. А., Горяев Д. В., Клейн С. В. Социально-гигиенический мониторинг на современном этапе: состояние и перспективы развития в сопряжении с риск-ориентированным надзором // Анализ риска здоровью. 2016. № 4. С. 4—16.
7. Зырянов С. М., Калмыкова А. В. Подходы к оценке эффективности деятельности контрольно-надзорных органов по предупреждению нарушений обязательных требований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 31—66.
8. Кучаков Р. К. Реформа контрольно-надзорной деятельности России в 2016—2019 гг. Промежуточные итоги / под ред. Д. А. Скугаревского. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2020.
9. Механтьев И. И., Масайлова Л. А., Цинкер М. Ю., Ласточкина К. С. Определение эффективности контрольно-надзорной деятельности Роспотребнадзора на основе расчета рисков медико-демографических потерь на примере Воронежской области // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2017. № 70. С. 95—99.
10. Минэкономразвития России. Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля (надзора) в 2019 году. URL: <https://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/614> (дата обращения: 06.11.2020)
11. Попова А. Ю., Брагина И. В., Зайцева Н. В., Май И. В., Шур П. З., Митрохин О. В., Горяев Д. В. О научно-методическом обеспечении оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности федеральной службы в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96. № 1. С. 5—9.
12. РСПП. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Аналитический доклад 2018. URL <http://www.goskontrol-rspp.ru/docladykomiteta> (дата обращения: 21.04.2020).
13. Шепелев Д. В. Проблемы повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации в контексте реализации функций государства // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 57—60.
14. Alphonse R., Alfnes F., Sharma A. Consumer vs. citizen willingness to pay for restaurant food safety // Food Policy. 2014. № 49 (P1). P. 160—166.
15. Blanc F., Faure M. Smart enforcement in the EU // Journal of Risk Research. 2020. DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800
16. Blanc F. From Chasing Violations to Managing Risks. Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2018.
17. da Cunha D. T., Saccol A. L. F., Ton-do, E. C., de Oliveira A. B. A., Ginani V. C., Araújo C. V., Lima T. A. S., de Castro A. K. F., Stedefeldt E. Inspection score and grading system for food services in Brazil: The results of a food safety strategy to reduce the risk of foodborne diseases during the 2014 FIFA World Cup. Frontiers in Microbiology. 2016. 7(APR). DOI: 10.3389/fmicb.2016.00614.
18. Deloitte Centre for Government Insights. Artificial Intelligence in Government. Using cognitive technologies to redesign public sector work — a Global Perspective. 2017. URL: <https://www2.deloitte.com/uk/en/pages/public-sector/articles/artificial-intelligence-in-government.html> (дата обращения: 01.10.2020)
19. Dobrolyubova E.I. Evaluating Performance of Government Inspection Bodies: Evolving Approaches // The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. 2017. Vol. 10, iss. 2. Pp. 49—72.
20. Ma L., Liu P. Missing links between regulatory resources and risk concerns: Evidence from the case of food safety in China // Regulation and Governance. 2019. Vol. 13, no. 1. P. 35—50.
21. Mari N., Saija K., Janne L. Significance of official food control in food safety: Food business operators' perceptions // Food Control. 2013. Vol. 31, no. 1. P. 59—64. DOI: 10.1016/j.foodcont.2012.09.041
22. Nagyová L., Andocsová A., Géci A., Zajác P., Palkovič J., Košičiarová I., Golian J. Consumers' awareness of food safety // Potravinarstvo Slovak Journal of Food Sciences, 2019. No. 13 (1). P. 8—17.
23. Nie W., Abler D., Zhu L., Li T., Lin G. Consumer preferences and welfare evaluation under current food inspection measures in China: Evidence from real experiment choice of rice labels // Sustainability (Switzerland). 2018. No. 10 (11): 4003. DOI: 10.3390/su10114003.
24. OECD Regulatory Enforcement and Inspections Toolkit. Paris : OECD Publishing, 2018.
25. Reiher C. Food safety and consumer trust in post-Fukushima Japan // Japan Forum. 2017. No. 29 (1). P. 53—76.
26. Wong M. R., McKelvey W., Ito K., Schiff C., Jacobson J. B., Kass D. Impact of a letter-grade program on restaurant sanitary conditions and diner behavior in New York City //

American Journal of Public Health. 2015. No. 105 (3). P. e81—e87.

27. Xu L., Wu L. Food safety and consumer willingness to pay for certified traceable food in China // *Journal of the Science of Food and Agriculture*. 2010. No. 90 (8). Pp. 1368—1373. DOI: 10.1002/jsfa.3985.

References

1. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii (2018). Rezul'taty ocenki administrativnoj nagruzki na organizacii i grazhdan, osushhestvljajushhih predprinimatel'skuju dejatel'nost' (vtoroj zamer, 2018). Available at: <https://ac.gov.ru/archive/files/content/20043/ad-nagruzka-knd-pdf.pdf>, accessed 01.10.2020 [in Rus].

2. Ganus A.A. (2018) *Vestnik Sankt-Peterburgskoj juridicheskoy akademii*, no. 3 (40), pp. 15—19 [in Rus].

3. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. (2017) *Ocenka rezul'tativnosti kontrol'no-nadzornoj dejatel'nosti: analiz praktiki i metodicheskie rekomendacii*. Moscow, Delo», 174 p. [in Rus].

4. *Doklad Upolnomochennogo Prezidenta RF po zashhite prav predprinimatelej 2018 g.* (2019) Available at: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2018.html, accessed 01.10.2020 [in Rus].

5. Zaitseva N.V., Popova A.Ju., May I.V., Shur P.Z. (2015) *Gigiena i sanitarija*, vol. 94, no. 2, pp. 93—98 [in Rus].

6. Zaitseva N.V., May I.V., Kir'janov D.A., Gorjaev D.V., Klejn, S.V. (2016) *Analiz riska zdorov'ju*, no. 4, pp. 4—16 [in Rus].

7. Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. (2019) *Public Administration Issues*, no. 3, pp. 31—66 [in Rus].

8. Kuchakov R.K. (2020). *Reforma kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti Rossii v 2016—2019 gg. Promezhutochnye itogi*. St. Petersburg, Institut problem pravoprimeneniya pri Evropejskom universitete v Sankt-Peterburge [in Rus].

9. Mehantiev I.I., Masaylova L.A., Tsinker M.Yu., Lastochkina K.S. (2017) *Nauchno-medicinskij vestnik Central'nogo Chernozem'ja*, no. 70, pp. 95—99 [in Rus].

10. Minjekonomrazvitija Rossii [Ministry of economic development of Russia] (2020). *Doklad ob osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolja (nadzora), municipal'nogo kontrolja v sootvetstvujushhih sferah dejatel'nosti i ob jeffektivnosti takogo kontrolja (nadzora) v 2019 godu*. Available at: <https://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/614>, accessed 06.11.2020 [in Rus].

11. Popova A.Ju., Bragina I.V., Zaitseva N.V., May I.V., Shur P.Z., Mitrohin O.V., Goryaev D.V. (2017) *Gigiena i sanitarija*, vol. 96, no. 1,

pp. 5—9 [in Rus].

12. RSPP (2019) Kontrol'no-nadzornaja i razreshitel'naja dejatel'nost' v Rossijskoj Federacii. Available at: <http://www.goskontrol-rspp.ru/docladykomiteta>, accessed 21.04.2020 [in Rus].

13. Shepelev D.V. (2019) *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*, no. 7 (175), pp. 57—60 [in Rus].

14. Alphonse R., Alfnes F., Sharma A. (2014) *Food Policy*, vol. 49 (P1), pp. 160—166 [in Eng].

15. Blanc F., Faure M. (2020) *Journal of Risk Research*. DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800 [in Eng].

16. Blanc F. (2018). *From Chasing Violations to Managing Risks*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing [in Eng].

17. da Cunha, D.T., Saccol, A.L.F., Tondo, E.C., de Oliveira, A.B.A., Ginani, V.C., Araújo C.V., Lima, T.A.S., de Castro, A.K.F., Stedefeldt, E. (2016) Inspection score and grading system for food services in Brazil: The results of a food safety strategy to reduce the risk of foodborne diseases during the 2014 FIFA World Cup. *Frontiers in Microbiology*, vol. 7(APR). DOI: 10.3389/fmicb.2016.00614. [in Eng].

18. Deloitte Centre for Government Insights (2017). *Artificial Intelligence in Government. Using cognitive technologies to redesign public sector work — A Global Perspective*. Available at: <https://www2.deloitte.com/uk/en/pages/public-sector/articles/artificial-intelligence-in-government.html>, accessed 01.10.2020 [in Eng].

19. Dobrolyubova E.I. (2017) *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, vol. 10, no. 2, pp. 49—72 [in Eng].

20. Ma L., Liu P. (2019) *Regulation and Governance*, vol. 13, no. 1, pp. 35—50 [in Eng].

21. Mari N., Saija K., Janne L. (2013) *Food Control*, vol. 31, no. 1, pp. 59—64. DOI: 10.1016/j.foodcont.2012.09.041 [in Eng].

22. Nagyová L., Andocsová A., Géci A., Zajác P., Palkovič J., Košičiarová I., Golian J. (2019) *Potravinárstvo Slovak Journal of Food Sciences*, vol. 13 (1), pp. 8—17 [in Eng].

23. Nie W., Abler D., Zhu L., Li T., Lin G. (2018) *Sustainability (Switzerland)*, vol. 10(11):4003. DOI: 10.3390/su10114003 [in Eng].

24. OECD Regulatory Enforcement and Inspections Toolkit (2018). *Paris, OECD Publishing* [in Eng].

25. Reiher C. (2017) *Japan Forum*, vol. 29 (1), pp. 53—76 [in Eng].

26. Wong M.R., McKelvey W., Ito K., Schiff C., Jacobson J.B., Kass D. (2015) *American Journal of Public Health*, vol. 105 (3), pp. e81—e87 [in Eng].

27. Xu L., Wu L. (2010) *Journal of the Science of Food and Agriculture*, vol. 90 (8), pp. 1368—1373. DOI: 10.1002/jsfa.3985 [in Eng].

For citing: Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N.
Comprehensive assessment
of the effectiveness and efficiency
of sanitary and epidemiological surveillance //
Socium i vlast'. 2020. № 6 (86). P. 40—54.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-40-54.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-40-54

UDC 351/354

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS AND EFFICIENCY OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL SURVEILLANCE

Elena I. Dobrolyubova,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Leading Researcher, Cand.Sc. (Economics).

The Russian Federation, 119571,
Moscow, prospect Vernadskogo, 82.
E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru

Vladimir N. Yuzhakov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Director of the Research Center "Center for Public
Administration Technologies" Institute

for Applied Economic Research,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119571,
Moscow, prospect Vernadskogo, 82.
E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Improving control and supervisory activities on the basis of introducing risk-oriented approaches is an urgent area of public administration reforms both in Russia and abroad. Traditionally, assessing the effectiveness of this area is carried out on the basis of the state control intensity indicators (the number of inspections), and assessing risks in controlled areas is carried out on the basis of statistical indicators, partially dependent on state control bodies. To obtain a balanced assessment of the state control effectiveness and efficiency, it is important to take into account

other data sources reflecting the citizens' and the business community position.

The purpose of the study is to conduct a comprehensive assessment of the effectiveness and efficiency of sanitary and epidemiological surveillance on the basis of both statistical data and the results of sociological studies reflecting the position of citizens and business.

Methods. The authors suggest their own methods for comprehensive assessment of the effectiveness and efficiency of state control.

The scientific novelty of the study consists in a comprehensive assessment of the effectiveness and efficiency of sanitary and epidemiological surveillance, taking into account various data sources and making it possible to assess the progress of implementing the reform of state control in this area.

Results. The results of the study indicate, in general, an increase in the effectiveness and budgetary efficiency of sanitary and epidemiological surveillance over the last years of the reform implementation. At the same time, at the level of intermediate and immediate results, there are multidirectional trends, and the growth in the total costs of business and the state is ahead of the growth in the results achieved.

Conclusions. The use of the authors' comprehensive methodology for assessing the effectiveness and efficiency of state control makes it possible to obtain reliable data characterizing the actual state of things in the area under consideration. Further improving the efficiency and effectiveness of sanitary and epidemiological surveillance requires expanding the scope of applying risk-oriented approaches and improving the quality of considering the appeals of the citizens who faced with risks of wrongdoing.

Key concepts:

public administration,
control and supervisory activities,
effectiveness,
sanitary and epidemiological surveillance,
sociological research,
efficiency.

Для цитирования: Терещук Е. А.
Вопросы измерения эффективности
организационной культуры
в контексте управления персоналом // *Социум и власть*. 2020. № 6 (86). С. 55—66.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-55-66.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-55-66

УДК 331.101; 331.104

ВОПРОСЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Терещук Екатерина Александровна,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
кандидат социологических наук,
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: etereshook@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена возможности измерения эффективности организационной культуры, что актуально при планировании и обосновании затрат на управление персоналом.
Цель. Сформулировать алгоритм действий, который позволяет перейти от оценки сложившейся организационной культуры к измерению ожидаемых экономических эффектов от мероприятий по ее поддержанию или развитию.
Методы. В процессе исследования использовались методы компаративного анализа, системного анализа, функционального анализа, desk research.

Научная новизна исследования. В работах, посвященных вопросам измерения организационной культуры, акцент делается на диагностике ее состояния, ее особенностях в каких-либо конкретных организациях, зафиксированных, как правило, на основании ряда известных авторских методик. Исследования по HR-аналитике и рекомендации практиков в этой сфере ориентированы на построение системы HR-метрик и выявление их корреляции с экономическими показателями деятельности организации с целью увидеть решения — «инсайты» в управлении человеческими ресурсами.

При этом фактически отсутствуют работы, отражающие взаимосвязь между особенностями организационной культуры и ожидаемыми экономическими эффектами ее функционирования, что позволило бы обосновать для каждой конкретной организации необходимость затрат на управление организационной культурой. В статье представлено описание возможности перехода от измерения особенностей культуры к показателю возврата инвестиций в человеческий капитал.

Выводы. Практика оценки экономической эффективности решений, связанных с затратами на организационную культуру, сопровождается рядом трудностей по обоснованию ожидаемых результатов. Изложенный в статье вариант измерения эффективности организационной культуры, на наш взгляд, имеет право на существование. При этом нужно отметить, что корреляции между индикаторами культуры, HR-метриками и экономическими эффектами могут варьироваться для разных организаций, что устанавливается опытным путем при наблюдении изменений всех показателей и их взаимосвязей в динамике.

Ключевые понятия:

организационная культура,
диагностика организационной культуры,
HR-метрики,
экономическая эффективность,
управление персоналом.

Введение

В современных условиях службы управления персоналом активно расширяют информационные базы принятия управленческих решений, включающие прежде всего «видимые» компетенции сотрудников, за счет таких не всегда осязаемых компетенций, как командная работа, организационная культура, хобби, которые могут стать конкурентными преимуществами организации [26]. Остановимся на организационной культуре, поскольку при должном к ней внимании со стороны руководства организации она формирует благоприятные условия для развития персонала, и как следствие, возможности для повышения эффективности деятельности организации.

Организационная культура представляет собой совокупность ценностей, норм и моделей поведения, принимаемых и разделяемых членами организации.

Исследования, посвященные вопросам организационной культуры, в целом позволяют выработать общий подход к определению данного феномена. Однако вопросы измерения организационной культуры, инструментария и интерпретации результатов вызывают полемику [14].

Значимость измерений в сфере управления персоналом подтверждается развитием такого перспективного направления, как HR-аналитика, которая предполагает системный сбор и анализ информации о персонале для выработки управленческих решений [32]. Исследователи и практики обычно соотносят HR-аналитику с расчетом HR-метрик, их корреляции с показателями деятельности организации. Визуализация показателей и взаимосвязей позволяет осознать смысл процессов, происходящих в социальной подсистеме организации, и находить новые решения в управлении человеческими ресурсами организации [3; 29].

Анализ корреляций данных о персонале и бизнес-метрик дает возможность принимать решения в отношении личностных и профессиональных характеристик сотрудников и их поведения, которые оказывают влияние на ключевые показатели эффективности бизнеса, и воздействовать на их выполнение. Самыми важными часто называют показатели производительности труда и лояльности персонала [9].

В связи с этим повышается и актуальность измерения организационной культуры с целью дальнейшего выявления ее влияния на показатели деятельности организации.

Методы и методики

Существующие подходы к пониманию организационной культуры можно условно сгруппировать в три (L. Smircich): культура как составляющая организации, внесенная извне; культура как внутренняя составляющая организации; культура как сущность организации, как ее «корневая метафора».

В соответствии с первым подходом, организация — это контекст для проявления ценностей национальной культуры. Второй подход признает за организацией способность создавать свою культуру, которая рассматривается как атрибут организации, как составляющая ее внутренней среды, как феномен, доступный изменениям [41]. При этом фиксируются более-менее четкие признаки организационной культуры (ценности, нормы поведения, ритуалы и т. д.), которые оказывают влияние на поведение персонала. С. Щербина объединяет два этих подхода в рационально-прагматический, позволяющий в конечном счете культуру измерить [38].

Третий подход трактует организационную культуру как нечто тождественное организации в целом («культура как корневая метафора», феноменологический подход), а не как составляющую ее внутренней среды. При этом фактически отрицается возможность управления культурой.

С точки зрения прикладных, утилитарных целей управления персоналом в организации ее культуру целесообразнее описать через конкретные элементы, на основе которых мы идентифицируем культуру, исследуем ее, и на которые мы можем воздействовать. Для решения задачи формирования и изменения культуры в соответствии с этим подходом, по мнению Г. Мкртчяна и О. Петровой, нужен диагностический инструментарий, который позволит не только описать культуру с использованием качественных индикаторов, но и измерить ее в количественных показателях [23].

К настоящему моменту накоплена достаточно большая база методик исследования организационной культуры как зарубежных, так и отечественных исследователей. Количественные методики можно условно сгруппировать в несколько направлений. Во-первых, это методики, позволяющие провести диагностику организационной культуры в терминах той или иной типологии, рамочной конструкции: OCAI К. Камерона и Р. Куинна [13], методика Р. Харрисона — Ч. Ханди [31, с. 245], методика OPS Л. Константина (шкала организационных парадигм) [16].

Во-вторых, это методики, описывающие особенности организационной культуры на основе ряда критериев: модель Д. Дэнисона (опросник организационной культуры, влияние культуры на экономическую эффективность) [24; 39]; опросный лист Р. Дафта (сила организационной культуры) [30, с. 14—15], опросник Р. Паскаля (сила организационной культуры) [20], опросник Р. Гэлэгера (оценка бизнес-культуры организации) [28] и другие опросники [30, с. 17—19].

В-третьих, это методики, которые изучают отдельные составляющие организационной культуры или «околокультурные» вопросы: методика ценностных ориентаций М. Рокича, методика А. Фидлера (социально-психологическая атмосфера) [34], вопросник М. Сашкина (вопросник организационных убеждений), анкета культурного разрыва Р. Килманна и М. Сакстона [40], методика КРАБ Ю. Красовского (управленческие ориентации руководителей) [15].

Качественные методы исследования организационной культуры обычно реализуются в рамках так называемых холистического и метафорического подходов. Холистический подход предполагает погружение исследователя в культуру в попытке стать неотъемлемой частью организации и понять ее «исходный код». Наиболее значимым представителем этого подхода по праву считается Э. Шейн, предложивший модель клинического исследования культуры организации [36, с. 45—60]. По его мнению, исследование и интерпретация поверхностных индикаторов и декларируемых ценностей организационной культуры не позволяет в полной мере объяснить особенности культуры конкретного коллектива. Необходимо погружение в жизнедеятельность организации и в некотором смысле вмешательство в привычные модели поведения сотрудников для выявления базовых убеждений, существующих в формате коллективного бессознательного организации.

Метафорический подход включает исследование различных документов организации, ее мифов и историй, стереотипов общения, корпоративного сленга, девизов с целью выявить языковой код культуры [10]. Среди представителей данного подхода — Г. Хофстеде, Г. Морган [7].

Основная полемика разворачивается в отношении эффективности использования количественного подхода для диагностики организационной культуры. Отмечаются, как правило, такие его недостатки, как поверхностный характер исследования куль-

туры с помощью опросников, упрощение реалий жизнедеятельности организации, невозможность выявить невыраженные, глубинные культурные представления, проблемы достоверности полученных ответов (выбор респондентами по разным причинам социально приемлемых вариантов ответа) [11]. «Вживание» же в культуру организации в течение длительного периода времени, неформализованное интервьюирование персонала, участие в рабочих встречах, дискуссиях, наблюдение за повседневным поведением и взаимодействием сотрудников позволяет получить объемную и неповторимую картину культуры каждой конкретной организации [23].

По мнению Э. Шейна, типологические опросники могут быть полезны тем, что «...предлагают нам категории для мышления и классификации...» [36, с. 164]. Кроме того, они обеспечивают легкость получения количественных показателей в обозримые сроки. Поэтому с прагматической точки зрения для целей управления персоналом количественный подход представляется более целесообразным при всех рисках упрощения ситуации. Безусловно, качество диагностики организационной культуры будет повышаться в случае выбора методики опроса, учитывающей специфику сферы деятельности организации [23]. На наш взгляд, обеспечение обоснованности результатов, полученных в ходе количественного исследования, возможно за счет дополнения данного подхода отдельными качественными методами: наблюдение, контент-анализ документов, неформализованные интервью.

Результаты

При всем многообразии методик диагностики организационной культуры недостаточно разработанным представляется вопрос измерения экономической эффективности организационной культуры. Представленные выше подходы и методики ориентированы на фиксацию особенностей культуры организации и объяснения базовых установок, лежащих в ее основе. Это позволяет увидеть проблемные точки сложившейся культуры и принять управленческие решения по поводу ее развития или изменения.

Однако нет четких и однозначных показателей, с помощью которых можно было бы обосновать переход от управления культурой к оценке ее экономической эффективности, чтобы в итоге рассчитать ROI

of human capital¹, возврат от инвестиций в человеческий капитал [2].

Под экономической эффективностью организационной культуры будем понимать результаты ее функционирования, которые выражены в денежном эквиваленте и соотношены с затратами на формирование, поддержание или изменение организационной культуры.

Все теоретики и практики в сфере управления персоналом не только признают, но и делают акцент на необходимости управления организационной культурой. Это в свою очередь предполагает денежные затраты на реализацию мероприятий в этом направлении. Тогда появляется вопрос о возможности рассчитать ожидаемый эффект от этих вложений.

Безусловно, прямую взаимосвязь между затратами на формирование, поддержание или изменение организационной культуры и экономическими эффектами деятельности организации установить достаточно сложно, поскольку эти эффекты появляются в результате управляющего воздействия со стороны руководителя, а также взаимозависимости всех элементов и подсистем организации в определенных условиях внешней среды. Кроме того, мы, как правило, выходим на экономические выгоды через возникновение социальных эффектов от развитой организационной культуры (повышение удовлетворенности, лояльности, сплоченности и т. д.).

Тем не менее потребность установить эти корреляции остается, иначе руководителем не всегда будет осознана необходимость тратить время и деньги на управление организационной культурой.

Упомянутая выше методика Д. Дэнисона представляет собой вариант оценки, связывающий силу культуры с экономическими результатами (прибыльностью, объемом продаж, качеством, инновациями, рыночной стоимостью). Проводя исследования на протяжении более чем 20 лет, Д. Дэнисон обосновывает корреляцию экономической эффективности организации и четырех ключевых характеристик ее культуры и лидерства: четкое знание своего предназначения (миссия), высокая степень гибкости (способность к адаптации), высокая заинтересованность сотрудников в деятельности организации (вовлеченность), последовательность и стабильность в поведении, высокий уровень интеграции в коллективе (согласованность) [24].

¹ ROI of human capital (возврат инвестиций в человеческий капитал) = (доход от вложений — размер вложений)/размер вложений × 100 %.

Методика Д. Дэнисона фиксирует корреляцию между ключевыми характеристиками культуры (индикаторами ее влияния на организацию) и экономической эффективностью, но не дает возможности измерить конкретные экономические эффекты от силы/слабости каждой ключевой характеристики.

Поэтому, во-первых, необходимо определить индикаторы организационной культуры, степень выраженности которых будет свидетельствовать о ее результативности, а во-вторых, релевантные HR-метрики и другие показатели деятельности организации, на основе которых возможен расчет ожидаемого экономического эффекта.

В качестве точки отсчета для оценки эффективности организационной культуры можно рассматривать показатели, которые появляются в результате выполнения ею своих функций.

Как отмечает Э. Шейн, «все организационной теории различают два типа проблем, с которыми сталкиваются группы, вне зависимости от их размеров: 1) проблемы выживания, роста и адаптации к внешним условиям; 2) проблемы внутренней интеграции, которой определяются рутинное функционирование и способность к адаптации» [36, с. 31]. Поэтому двумя основными функциями организационной культуры принято считать внутреннюю интеграцию и внешнюю адаптацию. По мнению Р. Дафта, знание сотрудниками правил и способов взаимодействия друг с другом, приемлемых и не приемлемых форм поведения, их самоидентификация с коллективом, эффективная совместная работа составляют содержание внутренней интеграции. Внешняя адаптация — это специфика соотношения целей и действий организации со сторонними организациями и потребителями [8, с. 424—425].

Развивая идеи Э. Шейна, исследователи обычно указывают на такие частные функции организационной культуры, как:

- человекотворческая (формирование необходимого для организации типа личности),
- ценностнообразующая (формирование взглядов и отношений),
- нормативно-регулирующая (обеспечение единообразия поведения, повышение его управляемости),
- коммуникационная (взаимопонимание и взаимодействие на основе разделяемых ценностей),
- стабилизационная (достижение общего согласия на основе общих ценностей),

- мотивирующая (стремление действовать на благо организации),
- адаптационная (познание и усвоение ценностей организационной культуры для включения в жизнедеятельность коллектива) и др. [6, с. 26—28].

В результате сочетания различных ценностей и норм формируется уникальность организации, которая позволяет ей адаптироваться к внешней среде и может стать ее конкурентным преимуществом.

Показатели выполнения организационной культурой своих функций (результативность [4] организационной культуры) позволяют перейти к измерению ее экономической эффективности.

К индикаторам, свидетельствующим о результативности интегративной функции организационной культуры, можно отнести лояльность, вовлеченность, удовлетворенность, конфликтность, коммуникации.

О лояльности сотрудника говорят тогда, когда ему нравится работать именно в данной организации и он намерен продолжить свою работу в ней. Но при этом сотрудник не готов сделать больше, чем от него требуют. Его поведение соответствует требованиям организации, он не будет действовать ей во вред. Его готовность порекомендовать работу в этой организации своим друзьям или знакомым положена в основу такого метода оценки лояльности, как eNPS (employee Net Promoter Score — индекс чистой лояльности сотрудников) [19]. Для измерения выраженности лояльности также используются методика оценки лояльности М. Портера [27], методика оценки уровня лояльности Л. Почебут и О. Королевой, методика оценки лояльности Дж. Мейер и Н. Аллен (аффективная, продолженная, нормативная лояльность персонала) [37] и др. Показателем можно считать и количество взысканий за нарушение норм поведения в организации в динамике.

Уровень лояльности сотрудников оказывает влияние на такой показатель, как текучесть кадров в организации. Нелояльные сотрудники достаточно легко и быстро оставляют рабочее место в поисках лучшего. Важна в том числе и текучесть кадров в период адаптации, когда новый сотрудник сталкивается с не всегда привычными и понятными ценностями и нормами. Обращается внимание и на текучесть кадров в первый год работы, поскольку за этот период сотрудник уже, как правило, осознает несовпадение своих ценностей с ценностями компании и при невысокой результативности интегративной функции культуры «выпадает из обоймы».

Помимо текучести кадров, лояльность отражается на таких показателях, как средний стаж работы сотрудников в компании, удержание ключевых сотрудников, количество случаев нарушения дисциплины (опоздания, абсентеизм, нарушение правил поведения).

Вовлеченность — это эмоциональная и интеллектуальная приверженность организации, побуждение делать больше, чем предусмотрено трудовыми обязанностями. Согласно исследованиям института Gallup (методика оценки Gallup Q12 [18]), с ростом вовлеченности персонала коррелирует повышение удовлетворенности клиентов и производительности труда, снижение абсентеизма и текучести кадров, несчастных случаев, брака продукции [33].

Методика Д. Дэнисона также содержит возможность оценки вовлеченности сотрудников как одной из ключевых характеристик организационной культуры.

Помимо количественных методик, рекомендуется измерять вовлеченность на основе наблюдений за поведением сотрудников. Например, пройтись мимо рабочих мест в офисе и посмотреть на плакаты и записки, наклеенные самими сотрудниками; попросить сотрудника выполнить срочную работу в нерабочее время и оценить выражение лица при этом и др. [12]. В этом случае исследователю необходимо конструировать свою шкалу для интерпретации результатов наблюдений.

Вовлеченность оказывает влияние на показатели производительности труда, прибыли на одного сотрудника, на качество выполнения работы, долю брака, поскольку побуждение сделать больше, как правило, проявляется в виде значительного прироста результатов работы.

Если вовлеченность сотрудников высокая, но нет удовлетворенности, то у сотрудников наблюдается эффект эмоционального выгорания. Удовлетворенность сотрудника работой предполагает субъективную оценку соответствия условий функционирования в организации имеющимся у него потребностям. Учитываются условия труда, содержание работы, возможности развития, социально-психологическая атмосфера в коллективе. Социально-психологический климат (как преобладающий психологический настрой коллектива), по сути, является следствием сложившегося в организации типа организационной культуры: соответствие ценностей организации и персонала, сплоченность коллектива, коммуникации по вертикали и горизонтали. Другими словами,

удовлетворенность социально-психологическим климатом можно рассматривать как индикатор результативности интегративной функции организационной культуры.

Удовлетворенность, как правило, измеряется при помощи опросников. Для оценки социально-психологического климата можно воспользоваться методикой А. Фидлера, методом социометрии Дж. Морено [25].

Под воздействием удовлетворенности сотрудников, в частности социально-психологической атмосферой, могут находиться показатели текучести кадров, производительности труда, качества выполнения работы, доли брака.

Конфликтность в коллективе (между сотрудниками, между сотрудниками и руководителями) как один из признаков социально-психологического климата в группе может быть связана с невысокой сплоченностью персонала, неприятием корпоративных ценностей и норм, несовершенством коммуникативных процессов. Для оценки конфликтов в группе широко используется традиционный метод социометрии Дж. Морено: он позволяет выявить отвергающих друг друга членов коллектива и лиц с низким статусом в коллективе. На его основе разработаны и другие опросники, например, модульная методика диагностики межличностных конфликтов А. Анцупова, А. Шипиловой [22, с. 121]. Но нужно учитывать, что социометрия применима для малых групп. Возможность оценки сплоченности коллектива заложена в методике Д. Дэнисона, в методике К. Сишора (индекс групповой сплоченности) [35].

Кроме того, для характеристики организационной культуры по этому индикатору необходимо обратить внимание на количество конфликтов в коллективе и с руководством в динамике, на случаи саботажа, случаи стихийных массовых митингов.

Конфликтность в коллективе повышает текучесть кадров, мешает полноценному выполнению обязанностей, что приводит к нарушению трудовой дисциплины, снижению производительности труда, ухудшению качества работы, росту брака.

Такой индикатор, как коммуникации в коллективе, отражает налаженные связи по вертикали и горизонтали вследствие принятия сотрудниками общих ценностей и норм, выработки общего кода коммуникации. Для оценки коммуникаций возможно измерение следующих показателей: скорость и результативность передачи информации по вертикали и горизонтали, оценка уровня информированности персонала о происходящем

в организации, оценка значимости различных каналов организационных коммуникаций; оценка удовлетворенности персонала сложившейся системой коммуникаций [22, с. 126]. Диагностика эффективности коммуникаций, как правило, проводится с использованием разработанной самим исследователем опросной анкеты, анализа документов, наблюдения. То есть шкалу измерения исследователь конструирует сам.

Налаженные коммуникации способствуют повышению оперативности и качества взаимодействия сотрудников, что положительно сказывается на производительности труда, количестве ошибок, доле брака.

Результативность выполнения адаптивной функции организационной культуры (выживание, приспособление к внешней среде), на наш взгляд, может быть диагностирована на основе таких индикаторов, как лояльность клиентов, партнеров, HR-бренд организации.

Если организация обладает способностью адаптироваться к внешней среде, выживать в условиях конкуренции, учитывать мнение и запросы потребителей, то лояльность потребителей может быть следствием реализации организацией этой способности. Измерение возможно на основе методики NPS (индекс чистой лояльности клиентов), CSI (Customer Satisfaction Index — индекс удовлетворенности потребителя) и CLI (Customer Loyalty Index — индекс лояльности потребителя) [21], показателя удержания клиентов (Customer Retention), количество жалоб/рекламаций от клиентов, количество судебных разбирательств в динамике, показатели объемов продаж. В итоге обращаем внимание на такие метрики, как доля рынка, объем продаж, прибыль.

Говоря о лояльности партнеров, мы подразумеваем налаженные взаимоотношения с организациями — партнерами, с органами власти, что тоже является результатом способности организации выживать во внешней среде, поддерживать долговременное сотрудничество, формировать расположение к себе. Измерение возможно при помощи тех же метрик: NPS (только в отношении партнерских организаций) [5], количество жалоб/рекламаций от клиентов, количество судебных разбирательств в динамике. Наличие долгосрочных взаимовыгодных партнерских отношений может сказаться на снижении транзакционных издержек, а также на оперативности выполнения работ, поскольку есть обеспеченность ресурсами со стороны партнеров и соответ-

ственно возможность своевременного выполнения производственных задач.

Такой индикатор, как HR-бренд организации, отражает ее позицию как работодателя на рынке труда. Особенности внутреннего имиджа организации, особенности организационной культуры, которые транслируются во внешнюю среду, а также целенаправленная работа руководства по формированию на рынке бренда организации как работодателя с целью привлечь более талантливых, квалифицированных, трудоспособных сотрудников — это тоже способность организации адаптироваться. Оценить HR-бренд можно также с помощью опросов сотрудников и менеджеров, интервью с «новичками» на испытательном сроке, интервью с увольняющимися работниками, отзывов о компании в социальных сетях, форумах, данных о количестве и предмете судебных разбирательств с собственным персоналом.

HR-бренд влияет на такие метрики, как средняя скорость закрытия вакансий, сред-

нее количество заявок на вакансии, что позволяет либо не позволяет своевременно и в полном объеме удовлетворять потребности организации в кадрах.

Далее в таблице приведем сводные данные с примерами по отдельным HR-метрикам, отражающим результативность функционирования организационной культуры, и возможным экономическим эффектам. Расчеты HR-метрик можно найти в открытых источниках [1; 17].

Таким образом, мы обобщили упоминаемые в разных источниках метрики и ожидаемые экономические эффекты, использование которых позволяет обосновать бюджет на управление организационной культурой для конкретной организации.

Заключение

Алгоритм диагностики организационной культуры и измерения ее эффективности представим следующим образом.

HR-метрики и возможные экономические эффекты при оценке организационной культуры

HR-метрики	Возможные экономические эффекты
• Текучесть кадров • Текучесть кадров в период адаптации новых сотрудников • Текучесть кадров среди сотрудников первого года работы • Текучесть кадров в связи с увольнениями по инициативе работодателя • Средний стаж работы сотрудников в организации • Удержание ключевых сотрудников	Снижение/ рост затрат на высвобождение, подбор, отбор, адаптацию персонала, в том числе высококвалифицированных сотрудников
• Показатель абсентеизма (по неуважительным причинам) • Количество случаев нарушения дисциплины (количество опозданий, прогулов, нарушений норм поведения) в динамике • Количество случаев конфликтов	Снижение / рост затрат в связи с простоями оборудования. Снижение / рост затрат в связи с браком продукции, возвратами продуктов и возмещением ущерба клиентам в связи с качеством продуктов или услуг. Снижение / рост количества клиентов Снижение / рост объемов производства
• Производительность труда • Прибыль на одного сотрудника	Снижение / рост объемов производства Снижение /рост количества клиентов Снижение / рост прибыли
• Качество выполнения работ, услуг • Доля брака	Снижение / рост затрат в связи с браком продукции, возвратами продуктов и возмещением ущерба клиентам в связи с качеством продуктов или услуг.
• Средняя скорость закрытия вакансий	Снижение / рост затрат на подбор, отбор персонала. Снижение / рост объемов производства Снижение / рост затрат в связи с простоями оборудования. Снижение / рост количества клиентов Снижение / рост объемов производства
• Среднее количество заявок на вакансии • Количество негативных отзывов со стороны сотрудников социальных сетях, на форумах	Снижение / рост затрат на подбор, отбор персонала

1. Для того, чтобы руководитель службы управления персоналом смог доказать руководителю организации необходимость инвестиций в поддержание или развитие организационной культуры, ему необходимо провести диагностику ее состояния. Определение доминирующего типа организационной культуры, ее ключевых ценностей очень важно с точки зрения выявления источников проблем, но для целей обоснования затрат этого будет недостаточно.
2. Требуется понимание того, как сложившаяся культура сказывается на уровне лояльности, вовлеченности, удовлетворенности персонала, конфликтности в коллективе и т. д. Эти замеры мы можем произвести при помощи обозначенных выше методик.
3. Неудовлетворительные показатели в этом случае заставляют нас обратить внимание на ключевые метрики и их актуальные значения. Если мы фиксируем, например, невысокие значения лояльности, то далее смотрим на текучесть кадров, показатель абсентизма и т. д., и рассчитываем затраты на высвобождение увольняющихся, подбор, отбор, адаптацию новых сотрудников, недополученную выгоду от простоя оборудования.
4. В итоге получаем сумму существующих или ожидаемых денежных потерь, которые могут быть уменьшены в результате реализации ряда мероприятий в отношении организационной культуры по тем проблемным точкам, которые были выявлены на первом и втором этапах.
5. Рассчитываем затраты на реализацию мероприятий по управлению организационной культурой, релевантных выявленным на этапе диагностики проблемам культуры.
6. Соотношение ожидаемых экономических эффектов и затрат на мероприятия позволяет нам обосновать необходимость инвестиций в человеческий капитал через управление организационной культурой.

Таким образом, мы описали возможности обоснования экономических выгод от управления организационной культурой, связав это с результативностью выполнению ею своих функций в деятельности организации. Проблема заключается в том, что метрики, на основе которых рассчитывается

вклад организационной культуры в достижение целей организации, находятся под влиянием различных факторов внешней и внутренней среды. Поэтому объяснять динамику этих метрик исключительно влиянием со стороны организационной культуры будет не вполне корректно. Тем не менее подобный способ оценить возврат инвестиций в человеческий капитал применяется в практике управления персоналом.

1. 27 важных HR-метрик. URL: <https://hr-portal.ru/article/27-vazhnyh-hr-metrik> (дата обращения: 20.10.2020).

2. HR-метрики: как оценить эффективность команды. URL: <https://www.sostav.ru/publication/hr-metрики-kak-otsledit-effektivnost-komandy-40796.html> (дата обращения: 26.10.2020).

3. Воробьев Л. А., Панасенко Г. Н. Возможности и перспективы развития технологий, основанных на Big Data в HR // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. 2015. № 6. С. 67—75.

4. Глебова Е. В., Максимова В. В. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» на примере оценки системы менеджмента качества // Научные труды Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета. 2018. № 2. С. 61—67.

5. Голосов А.О. Оценка деятельности партнерских сетей с использованием NPS-метрики // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 10 (175). С. 38—41.

6. Грунт Е. В., Терещук Е. А. Современное состояние корпоративной культуры в органах государственной службы и факторы ее формирования: социологический анализ. Монография. Челябинск : Центр анализа и прогнозирования, 2008. 168 с.

7. Дагаева Е. А. Метафорический подход к диагностике организационной культуры вуза // Проблемы качества образования. Психолого-педагогические аспекты гуманитарной культуры общества. Управление в региональных социально-экономических системах : сб. докл. XVIII науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. Таганрог, 14—15 апреля 2017 г. Таганрог : Изд-во Таганрогского института управления и экономики, 2017. С. 112—117.

8. Дафт Р. Теория организации. М. : Юнити-Дана, 2006. 736 с.

9. Долженко Р. А. People Data («Данные о людях») как новое направление работы с

человеческими ресурсами // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2019. Т. 17, № 1. С. 63—72.

10. Заруцкая Е. А. Подходы к исследованию организационной культуры компании // Проблемы управления социально-экономическими системами: теория практика : материалы V Междунар. науч.-практ. заоч. конф. Тверь : Изд-во Терского государственного университета, 2017. С. 131—143.

11. Иванов Е. Н. Классификационные подходы и методы измерения организационной культуры // Науковедение. 2011. № 1 (6). С. 22.

12. Как оценить корпоративную культуру компании: два базовых подхода. URL: <https://hr-portal.ru/article/kak-ocenit-korporativnuyu-kulturu-kompanii-dva-bazovyh-podhoda> (дата обращения: 24.10.2020).

13. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб. : Питер, 2001. 320 с.

14. Квагинидзе В. С., Смирнов В. С. Анализ методов исследования организационных культур компании // Горный информационно — аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2012. № S4. С. 339—346.

15. Кобозева Е. М., Осипова Н. Е. Методы и подходы к исследованию корпоративной культуры организации // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 3. С. 52—56.

16. Колобова И. Н. К вопросу об исследовании организационной культуры по «Шкале организационных парадигм» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право. 2016. № 9. С. 8—13.

17. Леонова Е. 20 базовых HR-метрик, которые помогут измерить эффективность работы компании. URL: <https://hurma.work/ru/blog/20-bazovyh-hr-metrik-kotorye-pomogut-izmerit-effektivnost-raboty-kompanii/> (дата обращения: 23.10.2020).

18. Леонова Е. Вовлеченность персонала: Gallup Q12. URL: <https://hurma.work/ru/blog/vovlechennost-personala-oprosnik-gallup-q12/> (дата обращения: 25.10.2020).

19. Леонова Е. Методология eNPS: гайд по работе. URL: <https://hurma.work/ru/blog/metodologiya-enps-gajd-po-rabote> (дата обращения: 25.10.2020).

20. Лютенс Ф. Организационное поведение. М. : Инфра-М, 1999. 691 с.

21. Малова А. NPS и альтернативные показатели лояльности клиентов: критический обзор. URL: <https://epsi-rating.ru/nps> (дата обращения: 23.10.2020).

22. Методы организационной диагностики в управлении персоналом : учеб.-метод. пособие / под ред. Е. В. Киселевой. Вологда : Вологодский филиал РАНХиГС, 2016. 422 с.

23. Мкртычян Г. А., Петрова О. В. Проблем диагностики организационной культуры инновационного университета // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 22—27.

24. Модель Дэнисона. URL: http://trkk.ru/data/models/22-denison_model.html (дата обращения: 26.10.2020).

25. Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / пер. с англ. А. Боковикова. М. : Академический проект, 2001. 320 с.

26. Назайкинский С. В., Седова О. Л. Роль HR-аналитики в принятии управленческих решений в организациях // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 3 (9). С. 9—19.

27. Опросник организационной лояльности Л. Портера. URL: <https://dominyak.com/methods.html> (дата обращения: 26.10.2020).

28. Опросник: Оцениваем бизнес-культуру вашей компании (Ричард Гэлэгер). URL: <http://www.trkk.ru/data/tools/128-oprosnik-ocenivaem-biznes-kulturu-vashey-kompanii.html> (дата обращения: 24.10.2020).

29. Роцин С. Ю., Солнцев С. А. Как компании ищут работников: эмпирические оценки по российским предприятиям // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15, № 2. С. 173—192.

30. Соломанидина Т. О. Организационная культура в таблицах, тестах, схемах : учеб.-метод. материалы. М. : Инфра-М, 2007. 395 с.

31. Томилов В. В. Культура предпринимательства. СПб. : Питер, 2004. 368 с.

32. Торосян Е. К., Цуканова О. А., Смецова К. С. Анализ основных тенденций и методов развития системы управления человеческими ресурсами // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 34—41.

33. Удовлетворенность, лояльность и вовлеченность. Что это такое и зачем компаниям их различать // HR-блог TalentTech. URL: <https://blog.talenttech.ru/employee-engagement> (дата обращения: 23.10.2020).

34. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. М. : Изд-во Института психотерапии. 2002. 190 с.

35. Шевандрин Н. И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности. М. : ВЛАДОС, 1998. 512 с.

36. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб. : Питер, 2002. 336 с.

37. Шкала организационной лояльности Дж. Мейер и Н. Аллен. URL: <http://dominiak.ru/lrc/locs.html> (дата обращения: 26.10.2020).

38. Щербина С. В. Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // Социс. 1996. № 7. С. 47—55.

39. Denison D., Neal W. Denison organizational culture survey: Facilitator guide, published by Denison Consulting, LLC. Ann Arbor : Aviat, 2000.

40. Ralph H. Kilmann, M. J. Saxton, R. Serpa Gaining control of the corporate culture, San-Francisco : Jossey Bass Business and Management Series, 1985.

41. Smircich L. Concepts of culture and organizational analysis // Administrative Science Quarterly. 1983. Vol. 28. Iss. 3. P. 339—358.

References

1. 27 vazhnyh HR-metrik. Available at: <https://hr-portal.ru/article/27-vazhnyh-hr-metrik>, accessed 20.10.2020 [in Rus].

2. HR-metriki: kak ocenit' jeffektivnost' komandy. Available at: <https://www.sostav.ru/publication/hr-metriki-kak-otsledit-effektivnost-komandy-40796.html>, accessed 26.10.2020 [in Rus].

3. Vorob'ev L.A., Panasenko G.N. (2015) *Upravlenie chelovecheskimi resursami — osnova razvitiya innovacionnoj jekonomiki*, no. 6, pp. 67—75 [in Rus].

4. Glebova E.V., Maksimova V.V. (2018) *Nauchnye trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tehničeskogo rybohozjajstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 61—67 [in Rus].

5. Golosov A.O. (2010) *Jekonomičeskij analiz: teorija i praktika*, no. 10 (175), pp. 38—41 [in Rus].

6. Grunt E.V., Tereshhuk E.A. (2008) *Sovremennoe sostojanie korporativnoj kul'tury v organah gosudarstvennoj sluzhby i faktory ee formirovaniya: sociologičeskij analiz*. Cheljabinsk, Centr analiza i prognozirovaniya, 168 p. [in Rus].

7. Dagaeva E.A. (2017) *Problemy kachestva obrazovaniya. Psihologo-pedagogičeskie aspekty gumanitarnoj kul'tury obshhestva. Upravlenie v regional'nyh social'no-jekonomičeskikh sistemah*. Taganrog, pp. 112—117 [in Rus].

8. Daft R (2006) *Teorija organizacii*. Moscow, Juniti-Dana, 736 p. [in Rus].

9. Dolzhenko R.A. (2019) *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Jekonomika»*, vol. 17, no. 1, pp. 63—72 [in Rus].

10. Zaruckaja E.A. (2017) *Problemy upravleniya social'no-jekonomičeskimi sistemami: teorija praktika*. Tver', pp. 131—143 [in Rus].

11. Ivanov E.N. (2011) *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*, no. 1 (6), pp. 22 [in Rus].

12. Kak ocenit' korporativnuju kul'turu kompanii: dva bazovyh podhoda. Available at: <https://hr-portal.ru/article/kak-ocenit-korporativnuyu-kulturu-kompanii-dva-bazovyh-podhoda>, accessed 24.10.2020 [in Rus].

13. Kameron K., Kuinn R. (2001) *Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury*. St. Petersburg, Piter, 320 p. [in Rus].

14. Kvaginidze V.S., Smirnov V.S. (2012) *Gornyj informacionno — analitičeskij bjulleten' (nauchno-tehničeskij zhurnal)*, no. S4, pp. 339—346 [in Rus].

15. Kobozeva E.M., Osipova N.E. (2019) *Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta*, no. 3, pp. 52—56 [in Rus].

16. Kolobova I.N. (2016) *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: jekonomika i pravo*, no. 9, pp. 8—13 [in Rus].

17. Leonova E. 20 bazovyh HR-metrik, kotorye pomogut izmerit' jeffektivnost' raboty kompanii. Available at: <https://hurma.work/ru/blog/20-bazovyh-hr-metrik-kotorye-pomogut-izmerit-effektivnost-raboty-kompanii>, accessed 23.10.2020 [in Rus].

18. Leonova E. Vovlechennost' personala: Gallup Q12. Available at: <https://hurma.work/ru/blog/vovlechennost-personala-oprosnik-gallup-q12>, accessed 25.10.2020 [in Rus].

19. Leonova E. Metodologija eNPS: gajd po rabote. Available at: <https://hurma.work/ru/blog/metodologiya-enps-gajd-po-rabote>, accessed 25.10.2020 [in Rus].

20. Ljutens F. (1999) *Organizacionnoe povedenie*. Moscow, Infra-M, 691 p. [in Rus].

21. Malova A. NPS i al'ternativnye pokazateli lojal'nosti klientov: kritičeskij obzor. Available at: <https://epsi-rating.ru/nps>, accessed 23.10.2020 [in Rus].

22. Kiseleva E.V. (Ed.) (2016) *Metody organizacionnoj diagnostiki v upravlenii personalom: uchebno-metodičeskoe posobie*. Vologda, Vologodskij filial RANHiGS, 422 pp. [in Rus].

23. Mkrtychjan G.A., Petrova O.V. (2012) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im.N.I.Lobachevskogo*, no. 6 (1), pp. 22—27 [in Rus].

24. Model' Djenisona. Available at: http://trkk.ru/data/models/22-denison_model.html, accessed 26.10.2020 [in Rus].

25. Moreno Ja.L. (2001) *Sociometrija: Jeksperimental'nyj metod i nauka ob obshhestve*. Moscow, Akademicheskij projekt, 320 p.

26. Nazajkinskij S.V., Sedova O.L. (2017) *Vestnik RGGU. Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo»*, no. 3 (9), pp. 9—19 [in Rus].
27. Oprosnik organizacionnoj lojal'nosti L. Portera. Available at: <https://dominyak.com/methods.html>, accessed 26.10.2020 [in Rus].
28. Oprosnik: Ocenivaem biznes-kul'turu vashej kompanii (Richard Gjelijeger). Available at: <http://www.trkk.ru/data/tools/128-oproshnik-ocenivaem-biznes-kulturu-vashey-kompanii.html>, accessed 24.10.2020 [in Rus].
29. Roshhin S.Ju., Solncev S.A. (2017) *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*, vol. 15, no. 2, pp. 173—192 [in Rus].
30. Solomanidina T.O. (2007) *Organizacionnaja kul'tura v tablicah, testah, shemah: uchebno-metodicheskie materialy*. Moscow, Infra-M, 395 p. [in Rus].
31. Tomilov V.V. (2004) *Kul'tura predprinimatel'stva*. St. Petersburg, Piter, 368 p. [in Rus].
32. Torosjan E.K., Cukanova O.A., Smesova K.S. (2019) *Peterburgskij jekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 34—41 [in Rus].
33. Udovletvorennost', lojal'nost' i вовлеченност'. Chto jeto takoe i zachem kompanijam ih razlichat' // HR-blog TalentTech. Available at: <https://blog.talenttech.ru/employee-engagement>, accessed 23.10.2020 [in Rus].
34. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. (2002) *Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp: uchebnoe posobie*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Psihoterapii, 190 p. [in Rus].
35. Shevandrin N. I. (1998) *Psihodiagnostika, korrekciya i razvitie lichnosti*. Moscow, VLADOS, 512 p. [in Rus].
36. Shejn Je. (2002) *Organizacionnaja kul'tura i liderstvo*. St. Petersburg, Piter, 336 p. [in Rus].
37. Shkala organizacionnoj lojal'nosti Dzh. Mejer i N.Allen. Available at: <http://dominiak.ru/lrc/locs.html>, accessed 26.10.2020 [in Rus].
38. Shherbina S.V. (1996) *Socis*, no. 7, pp. 47—55 [in Rus].
39. Denison D., Neal W. (2002) *Denison organizational culture survey: Facilitator guide*, published by Denison Consulting, LLC. Ann Arbor, Aviat [in Eng].
40. Ralph H. Kilmann, M. J. Saxton, R. Serpa (1985) *Gaining control of the corporate culture*, San-Francisco, Jossey Bass Business and Management Series [in Eng].
41. Smircich L. (1983) *Administrative Science Quarterly*, vol. 28, iss. 3, pp. 339—358 [in Eng].

For citing: Tereshchuk E.A.
Measuring the efficiency
of organizational culture in the context
of personnel management // *Socium i vlast'*. 2020. № 6 (86). P. 55—66.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-55-66.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-55-66

UDC 331.101; 331.104

MEASURING THE EFFICIENCY OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF PERSONNEL MANAGEMENT

Ekaterina A. Tereshchuk,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor of the Department
of Economics and Management,
Cand.Sc. (Sociology),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.

Abstract

Introduction. The article is focused on possibilities of measuring the efficiency of organizational culture, which is relevant when planning and justifying the expenditures for personnel management. The aim of the study is to formulate an algorithm of actions which makes it possible to move from assessing the existing organizational culture to assessing the expected economic effects from measures to maintain or develop it.

Methods. In the course of the research, the methods of comparative analysis, system analysis, functional analysis, desk research were used.

Scientific novelty. In works devoted to measuring organizational culture, the emphasis is made on diagnosing its state, its features in any specific organizations, recorded, as a rule, on the basis of a number of well-known author's methods. Researches on HR analytics and practical recommendations are focused on building a system of HR metrics and identifying their correlation with an organization economic performance in order to see solutions - "insights" in human resource management.

At the same time, there are no works reflecting the relationship between the characteristics of organizational culture and the expected economic effects of its functioning, which would justify the necessity of expenditures for managing organizational culture for each specific organization. The article describes the possibility of transition from measuring the culture characteristics to the indicator of return on investment in human capital.

Conclusions. The practice of assessing the economic efficiency of decisions related to the expenditures for organizational culture is accompanied by a number of difficulties in justifying the expected results. In our opinion, the variant of measuring the effectiveness of organizational culture described in the article has the right to exist. It should be noted that the correlations between culture indicators, HR metrics and economic effects can vary for different organizations, which is established empirically by observing changes in all indicators and their relationships over time.

Key concepts:

organizational culture,
diagnostics of organizational culture,
HR metrics,
economic efficiency,
personnel Management.

Для цитирования: Гулеватая А. Н., Милыева Е. Г., Пеннер Р. В., Сулейманова С. А. Философская прогулка: из античности в современность // Социум и власть. 2020. № 6 (86). С. 67—78. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-67-78.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-67-78

УДК 101

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОГУЛКА: ИЗ АНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОСТЬ

Гулеватая Анастасия Николаевна,
Южно-Уральский государственный университет
преподаватель кафедры философии,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: gulevataiaan@susu.ru

Милыева Екатерина Галимулловна,
Южно-Уральский государственный университет
старший преподаватель кафедры философии,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Сулейманова Софья Александровна,
Южно-Уральский государственный университет
преподаватель кафедры философии,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: suleimanovasa@susu.ru

Аннотация

Введение. В истории философии мы обнаруживаем пул философских практик, которые можно реализовать в университетской среде для студентов и за пределами университетских стен для широкой аудитории. Философская прогулка — одна из таких практик. В прогулке философия может стать подлинно гуманной, развернуться «лицом» к человеку, его жизненному миру, повседневному бытию.

Цель. Осмыслить потенциал философской прогулки как способа философской практики, формата самопознания современным человеком себя и реализации заботы о себе, доступный широкому кругу лиц, не имеющих специального философского образования.

Методы. Исследование выстраивается на сравнительно-историческом методе, методе интерпретации текстов философских первоисточников и системном подходе. В исследовании презентуется и анализируется эксперимент, в контексте которого жители большого города отправляются на философскую прогулку с целью позаботиться о себе (термин «забота о себе» используется в философском контексте, как духовное упражнение, раскрывающееся в переключении внимания человека с мира внешнего на мир внутренний)¹.

Научная новизна исследования. В теоретическом плане — концептуализируется термин «философская прогулка». В практическом плане — проведен анализ эффективности философской прогулки как способа реализации заботы о себе жителем мегаполиса.

Результаты. Философская прогулка есть форма групповой философской практики, в контексте которой участники становятся ведомыми (в прямом и переносном, идейном, смысле) философом, организующим и проводящим прогулку. Летом 2020 г. авторы статьи организовали серию прогулок, в каждой из которых приняли участие от 8 до 12 человек, которые не имели непосредственного соприкосновения с философией в повседневности, в образовательной и профессиональной сферах. В сентябре 2020 г. участникам прогулок была предложена анкета, состоящая из закрытых и открытых вопросов. По ответам респондентов была составлена общая картина эффективности философской прогулки как формы заботы о себе жителем современного мегаполиса.

Выводы. Философская прогулка понимается нами как своеобразное «место», пространство спокойствия и гармонии для человека XXI в. Житель большого города живет в ситуации постоянного шума. События 2020 г. (прежде всего пандемия COVID-19) увеличили шум и сопутствующий ему стресс. Философская прогулка, в свою очередь, в границах того же города создает атмосферу для встречи человека с самим собой, что понимается нами как акт заботы о себе. С помощью плана внешнего (лесной обстановки, чистого воздуха, звуков природы) и плана философского (концентрации над текстом, диалог с философом и группой) участник встречи может сформулировать волнующие его смысло-жизненные вопросы и начать поиск ответов на них.

Ключевые понятия:

философия,
философская прогулка,
философская практика,
философское образование,
философствование.

¹ Термин интерпретируется по В. М. Розину: Розин В. М. Концепция «заботы о себе»: философская, научная, художественная и авторская версии // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 50—56.

Введение

В античный период философы рассуждали о космосе и человеке, прогуливаясь по улочкам или рыночным площадям, в тени деревьев и под лучами солнца. В разных школах философская прогулка служила разным целям: от медитативного соприкосновения с природой, созерцания себя и мира в тиши леса, до вовлечения студентов в размышления, когда учителя философии к умозрительным вопросам добавляли элементы из физических упражнений. К примеру, Аристотель размышления и беседы органично сочетал с прогулками со своими учениками.

В современной философской литературе понятие философской прогулки встречается не часто. В статьях, ее упоминающих, помимо философов из Древней Греции звучат имена из эпохи Просвещения (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант) и из XX в. (М. Хайдеггер, Д. Дьюи) [13, 24]. Если перипатетики или стоики прогуливались группами, в процессе оттачивая специфику мышления всей школы, то мыслители из XVIII или XX вв. в своих прогулках зачастую не нуждались в компании, это можно именовать их индивидуальным стилем философствования.

Идея статьи концентрируется вокруг вопроса о том, как возможна философская прогулка в XXI в. На наш взгляд, этот вопрос отражает поиски современным человеком самого себя. Сегодня каждому из нас доступны различные практики, провозглашающие принцип «заботы о себе». Психологи, коучи, гуру предлагают разные способы быстро и эффективно найти себя за короткое время и по разумной цене. Но, к сожалению, за большинством из них стоит доминанта современной эпохи — прибыль, не человек. Фактически на таких курсах реализуется установка на модус «иметь», о чем писал Э. Фромм еще в середине XX века [12]. Забота о себе превращается в бесконечную погоню за неким «идеальным» Я: стать успешным, эффективным, продуктивным, конкурентоспособным, сильным, способным преодолеть все преграды. Безусловно, это отражает дух современности.

Вместе с тем западноевропейский идеал Нового и Новейшего времени содержит не только прибыль, в нем есть человек — свободный, разумный, любящий, творящий свой жизненный путь, воплощающий себя в моментах своей жизни. Модуса «иметь» такому человеку уже недостаточно; у некоторых людей возникает тяга к нечто подлинному, способному стать фундаментом,

на котором возможны самотворчество и самокультивация; эта тяга в терминологии Э. Фромма именуется «быть».

Одной из важных задач философской практики как гуманистического направления в философии является преодоление деструктивной тенденции распространения практик, основанных на модусе «иметь». Философская практика делает возможным знакомство с философской рефлексией для человека, не имеющего философского образования.

Гипотеза статьи: философская прогулка является тем способом философской практики, что демонстрирует широкому кругу лиц (1) заботу о себе (2), базой для которой выступает философская рефлексия (3).

Логика статьи выстроена как обоснование вышеназванной гипотезы:

- представить исторические корни философской прогулки как способа философской практики;
- сформулировать технику философской прогулки;
- обосновать эффективность и доступность способа философской прогулки для реализации современным человеком практик самопознания, самопонимания и самотворчества.

Исторические корни философской прогулки

Предположим, что история философской прогулки началась еще в дописьменный период. Однако первые письменные упоминания о ней мы находим в корпусе древнегреческих источников. Согласно П. Адо, первые античные философы занимались не столько академической философией, сколько философской практикой по той простой причине, что у них не было того теоретического массива, который сегодня в распоряжении профессоров философии [1].

Сократ был одним из тех, кто предпочитал говорить и спорить о философии с малознакомыми людьми во время своих прогулок [16]. До нас дошли сведения о содержании этих разговоров в сочинениях его учеников, Платона и Ксенофонта, отчасти учеников его учеников, например, уже упомянутого Аристотеля. В «Апологии Сократа» есть такие строки: «Сократ всегда был на глазах у людей: утром ходил в места прогулок и в гимнасии, и в ту пору, когда площадь была полна народа, его можно было тут видеть; да и остальную часть дня он всегда проводил там, где предполагал встретить побольше людей» [4]. Вместе с тем Сократ

больше известен в современной философской практике как основатель особого метода — философского диалога. «Прогулочная» традиция, в свою очередь, больше связана с именами его последователей.

Из Платоновского «Пира» [9] известно, что гимнасий, в котором Сократ преподавал философию, находился близ храма Аполлона Ликейского. В 335 г. до н. э. эту же территорию «арендует» для основания своего ликея Аристотель. Согласно древнегреческим источникам, Аристотель не был гражданином Афин и не имел юридического права на выкуп земель. Можно предположить, что именно по этой причине предпочитал выносить часть своих занятий за стены аудиторий и беседовать с учениками во время прогулки. Вследствие этого ученики Аристотеля были прозваны перипатетиками, т. е. теми, кто прогуливаются возле Ликейя.

После 317 г. до н. э. ученик ликея и эпи-метет Афин Деметрий Фалерский передал земли в дар своей альма-матер, окончательно легитимировав право последователей Аристотеля на эти территории [5].

Перипатетическая традиция стала отправной точкой для становления философских прогулок как метода обучения. Стоики (за исключением Эпиктета, который предпочитал репрезентацией своей философии бросать вызов публике) и эпикурейцы использовали этот метод в значительно меньшей степени. Киники же, напротив, всегда находились в движении и философствовали во время своих прогулок и странствий [16].

Таким образом, мы видим, что философская прогулка в древности носила принципиально групповой характер и являлась педагогическим приемом, направленным на обучение активному философствованию в формате полилога. При этом, среди философствующих должен был находиться тот, кто задавал тему беседы и направлял ее. Как правило, эта роль отводилась учительствующим философам.

Начиная с IV в. собственно перипатетическая традиция исчезает, на ее место приходит неоплатонизм [6]. Одиночные прогулки мыслителей постепенно стали обретать более частный характер, а их полилогическая составляющая стала замещаться рекреационной, рефлексивной и медитативной практиками.

Прогулки философов Нового и Новейшего времени широко представлены в научной и популярной литературе, но большинство из них будет уместнее соотнести с родственным прогулке термином «pedestrianism» — пешее путешествие. Педестрианизм есть

ходьба на длинные дистанции по заранее намеченному маршруту. Возникнув как форма рекреации, позже он трансформировался в ходьбу как частный вид спорта, включающий замеры хронометража и интенсивности движения [19]. Отметим, что путешествие принципиально отличается от прогулки [10]. В этимоне путешествия заранее заложен аспект целеполагания и конечности маршрута, в то время как прогулка предполагает большую свободу и спонтанность.

Активное полилогическое философствование, которое было вытеснено на методологическую периферию, второе рождение обрело в эпоху New Age, когда многие обратились к духовным и интеллектуальным практикам из прошлого [23]. Философия New Age достигла своего апогея в 1980-е гг. Однако новое движение не смогло ответить на экзистенциальные вызовы времени. Отчасти в ответ на «лакуны» спиритуалистического New Age начала институциональное и содержательное оформление философская практика.

В 1982 г. немецкий философ Г. Ахенбах именовал свой метод философской практикой [13]. В 1988 г. под его руководством формируется немецкая (позже международная) ассоциация философов, ориентирующихся на практику (International Association for Philosophical Practice) [13].

В настоящее время прогулки широко используются в философских школах и ретритах (О. Бренифье, Р. Лахав) [21]. Отсутствие гомогенной структуры и высокая степень вариативности, связанная с личностью фасилитатора, усложняет понимание прогулки как непосредственно способа философской практики. Так возникают проблемы в терминологической точности и усложняется понимание смыслового ядра и этапов этого способа.

В статье под философской прогулкой будем понимать метод философской практики, представляющий синтез духовных, интеллектуальных и физических упражнений; это форма практики, направленная на стимуляцию рефлексии человека посредством диалога и полилога, духовного резонирования с членами группы.

Методологические основания и аксиологические принципы философской прогулки

Философская прогулка как форма групповой философской практики представляет собой серию встреч, которые организуются и направляются фасилитатором. В роли фаси-

литатора выступает философ-практик. В каждой из описываемых экспериментальных прогулок принимали участие 8—12 участников и три фасилитатора, один — ведущий сессии, двое других — наблюдатели.

Формат, упражнения и задания для рефлексии задавались каждым фасилитатором в зависимости от выбранной темы, погодных условий и конкретной группы участников, однако общая структура философской прогулки была одинакова для всех встреч. Представим ее в виде семи последовательных этапов: подготовка фасилитатором темы, текста и материалов, объявление о наборе группы (1), встреча с участниками группы, знакомство, введение в тему и формулирование правил сессии (2), пешая прогулка в лесу как символический выход из повседневности (3), упражнения на релаксацию и медитация (4), работа с философским текстом по методике медленного чтения (5), рефлексия текста и полилог (6), высказывание пожеланий для самостоятельной философской работы за пределами сессии (7), рефлексия проведенной сессии (для фасилитаторов) (8).

Последовательно рассмотрим особенности каждого этапа.

*Подготовка фасилитатором
темы сессии, текста и материалов.
Объявление о наборе группы*

Характерной особенностью метода философской прогулки является внимание к личности фасилитатора и его философским предпочтениям и ориентациям. Эта особенность подчеркивает важность осмысления жизненного опыта как фасилитатора, так и участников сессии, которые могут соотносить предпочтения ведущего со своими личными и сделать свободный выбор о посещении той или иной прогулки в момент объявления о наборе группы. Так, в ходе описываемого эксперимента фасилитаторами сессий были выбраны следующие темы: Р.В. Пеннер — тема философии как встречи на полдороге (по М.К. Мамардашвили), А.Н. Гулеватая — тема любви (по Э. Фромму), Е.Г. Миляева — тема свободы человека (по Ж.-П. Сартру).

Аксиологические ориентиры той или иной прогулки основываются на рефлексии своего жизненного опыта фасилитатором. В этом есть своеобразное созвучие метода с экзистенциальной психотерапией: фасилитатору философской прогулки важно «присутствие желания смотреть на себя, прежде чем смотреть на другого» [22]. Общими цен-

ностными установками для всех фасилитаторов можно назвать уважение к инаковости участников группы, их другости, спокойное отношение к полифонии высказываемых мнений, безоценочность, настроенность на принятие и открытость, желание естественного течения диалога, мировоззренческая рефлексивная установка на «знаю только то, что ничего не знаю».

Ведущий философской прогулки не является учителем. Согласимся с тезисом о том, что существует два подхода в современной философской практике: терапевтический и развивающий. Первый базируется на отношении к философии как практике «духовных упражнений», второй использует инструменты развития критического мышления (О. Бренифье, А.И. Макаров) [3, с. 16—20]. Обозначим, что философские прогулки в своем содержательном исполнении в большей степени укладываются в систему духовных упражнений, когда участник сессии оказывается в кругу единомышленников, а ведущий использует недирективную форму ведения сессии.

Важная особенность философских прогулок заключается в том, что фасилитатор не столько следует некоторому заранее определенному методу, который может быть формализован и вербализован, сколько занимает особую установку по отношению к философской прогулке и ее участникам. В этом близость прогулки с экзистенциальной психотерапией, которая ищет индивидуальный подход к человеку и является примером неопределенности, диалога и творчества между психотерапевтом и клиентом [2]. Участники сессии на «входе» в прогулку не могут с определенностью получить ответ на вопрос, что даст им предстоящая сессия, так как фасилитатор фокусируется в большей степени на том, чтобы побудить участников к активному поиску своей истины, нежели пообещать окончательное и неоспоримое достижение таковой. «Прорыв к бытию, к реальности осуществляется интуитивно, а, как известно, интуитивный познавательный опыт нельзя свести к формальным методическим рекомендациям» [3]. Именно поэтому выработка аксиологических принципов философской прогулки является важной частью рефлексии ее метода.

Не менее важен и формальный момент подготовки. Философская прогулка подразумевает сознательный отказ от использования цифровых средств для чтения и письма в пользу возвращения к аналоговым средствам коммуникации. Это некое обращение и даже возвращение к телесности. В этом

ключе важно отметить, что фасилитаторы заранее распечатывали тексты для сессий предлагали их участникам вместе с письменными принадлежностями.

*Встреча с участниками,
знакомство, введение в тему
и формулирование правил сессии*

Важно отметить особую актуальность живых встреч в рамках философских прогулок летом 2020 г. после ослабления режима самоизоляции. Фасилитатор ожидает участников в заранее обозначенном месте, приветствует их. Когда группа собралась полностью, ведущий просит участников представиться в свободной форме, обозначает тему прогулки и проговаривает правила: по возможности отключить мобильные телефоны и другие гаджеты; настроиться на переживание бытия здесь и сейчас; сориентироваться на встречу с самими собой. Фасилитатор призывает участников задуматься, с каким настроением и в каком физическом состоянии они пришли на прогулку, помогая осмыслить самих себя в текущий момент времени: этот аспект сравним с «настройкой на практику» в техниках йоги. Он обращает внимание участников на их локус контроля (внутренний или внешний), подчеркивает принцип личной ответственности участника за полученный результат, за их глубину погружения в саморефлексию и в полилог. В этом созвучие прогулки с технологиями коучинга.

*Пешая прогулка в лесу
как символический выход
из повседневности*

Прогулка как практика современной городской жизни ассоциируется, как правило, с неспешностью, легкостью, отдыхом, а также, возможно, и с праздностью; она становится средством, с помощью которого можно почувствовать «легкость бытия» [10]. Примечательно, что философствующий человек в контексте вечно спешащей городской жизни XXI в. также, как и человек гуляющий, может стереотипно быть воспринят как человек праздный, оторванный от мира и повседневных бытовых забот.

Вместе с осуждением «праздности» в последнее время наблюдается и противоположная тенденция: у современного человека появляется желание замедлиться, в прямом смысле слова отключиться от цифровой среды, вернуться к себе. Предположим, что такой запрос у городского

человека появляется из-за осознания своей хронической информационной перегруженности, который именуют по-разному: синдром информационной усталости (information fatigue syndrome, Д. Льюис), информационная перегрузка (information overload, Б. Гросс, Э. Тоффлер), аналитический паралич (analysis paralysis). Запрос человека на «возвращение к себе» удовлетворяется различными форматами с растущей популярностью: ретриты (от англ. retreat — «отступление, шаг назад»), диджитал-детоксы и детокс-туры (от англ. digital detox — «цифровое очищение», <https://www.digitaldetox.com>), цифровые шabbаты (<http://www.sabbathmanifesto.org>).

Аспект живого, не виртуального присутствия в живописном пространстве с максимальной концентрацией на «здесь и сейчас» объединяет методику философской прогулки с этими способами избавления от хронического стресса и релаксации. Их идея проста и может быть выражена тезисом «disconnect to reconnect», т. е. отсоединиться (от цифровых устройств), чтобы воссоединиться (друг с другом). Такие практики — иллюстрация сознательного отказа от цифровых технологий в пользу личного общения и офлайн взаимодействия, реальных, а не виртуальных прогулок, любования природой, физических и духовных практик в коллективе единомышленников. Прогулка встраивает в этот контекст некое философское обрамление (ориентация на текст, специфику и формат его интерпретации).

*Упражнения на релаксацию
и медитация*

Медитативная составляющая прогулки и включение в сессию элементов физических упражнений нацелены на преодоление дихотомии ментального и телесного, что свойственна современному городскому жителю. Если пешая прогулка была вольной разминкой, в процессе которой внимание участников могло блуждать, то упражнения на релаксацию и медитация проводятся по заранее продуманной фасилитатором методике и зависят от его личных предпочтений. Это может быть суставная гимнастика или упражнения из цигун, дыхание по точкам или другой вариант пранаямы — дыхательной техники йоги. «Эти практики основаны на глубоких философских идеях, и их эффективность также подтверждается современными научными исследованиями» [7; 18].

Медленное чтение

Именно философский текст — основа, точка опоры всей сессии. Если психотерапевт в своей работе опирается на биологические, медицинские, психометрические характеристики личности, то философ-практик для обозначения круга мировоззренческих проблем человека пользуется экзистенциальным измерением философских текстов.

В эпоху возросшей скорости жизни техника медленного чтения, в противовес скоротечности, обретает особую актуальность. Удивительно, но как проблема информационной перегрузки не нова для XXI в., так и медленное чтение (и сопутствующее ему комментирование) корнями уходит далеко не в цифровой век. Так, Ф. Ницше в «Утренней заре» писал о важности медленного чтения: «Именно потому оно теперь необходимо, чем когда-нибудь, именно потому что оно влечет и очаровывает нас, в наш век «работы», век суетливости, век безумный, не щадящий сил поспешности, — век, который хочет успеть все и справиться со всем, с каждой старой и с каждой новой книгой. Филология не так быстро успевает все — она учит читать хорошо, то есть медленно, всматриваясь в глубину смысла, следя за связью мысли, улавливая намеки, видя всю идею книги как бы сквозь открытую дверь ... » [8].

Участники сессии читают предложенный фасилитатором фрагмент текста спокойно, без напряжения, очень медленно, сначала про себя, затем вслух, один за другим, по предложению. Фасилитатор дает установку на то, что читать нужно так, словно проживаешь каждое слово. Такое медленное чтение повторяется в группе несколько раз.

Рефлексия текста и полилог

Для рефлексии прочитанного фасилитатор может предложить различные упражнения по своему выбору. В ходе упомянутых сессий были предложены написание хокку, ассоциативный тест К. Юнга, а также работа с ключевыми словами по методике «ловец жемчуга»: поиск смысла в движении от большего к меньшему — от фрагмента текста к ключевому слову. Важно отметить, что содержание этого этапа прогулки — не демонстрация своей осведомленности в области философии, но истинное философствование, практика личного мировоззрения, переход от «мыслеподобию» (М. Мамардашвили) к исполнению своей мысли. Ответственность фасилитатора на данном этапе — донести

эту установку до участников, освободив их от излишнего напряжения, связанного с наблюдаемой у внеуниверситетской аудитории неуверенности в своем культурном багаже и философском опыте.

Прощание и высказывание пожеланий для самостоятельной работы вне сессии

По завершению прогулки фасилитатор просит участников обратить внимание на упражнения на оборотной стороне текста, предлагаемые для самостоятельной работы после сессии. Как правило, это несколько вопросов, формулируемых фасилитатором в свободной форме исходя из темы прогулки. В общем виде указания для самостоятельной работы могут быть сформулированы следующим образом:

«В удобное время и в комфортном месте попробуй небольшую самостоятельную философскую медитацию. Перечитай фрагмент текста спокойно, без напряжения, несколько раз, очень медленно, вслух или про себя. Читая, старайся прожить каждое слово. Повтори такое медленное чтение несколько раз. Услышь, как слова отзываются они в тебе. Удержи этот миг понимания и ощущение самого себя. Посмотри на те предложения, словосочетания, слова, которые были записаны на прошедшей сессии. Изменились ли они при самостоятельном прочтении или же остались прежними? Подумай, как они перекликаются с твоими представлениями о себе и жизни? Где ты в этих словах? А где в тебе эти слова? Если есть желание и возможность, запиши свои мысли. Возвращение к таким записям поможет тебе в глубоком философском путешествии к встрече с собой и поиске ответов на самые сложные вопросы о самом себе».

Рефлексия проведенной сессии (для фасилитаторов)

Воспользуемся правилом Сократа: если неосмысленная жизнь не стоит быть прожитой, то философская прогулка не стоит того, чтобы быть проведенной без последующей рефлексии.

В качестве искомого результата философской прогулки необходимо считать процесс достижения подлинности, которая подразумевает соответствие человека самому себе. Это подтверждает девиз философских прогулок в рамках нашего проекта: «Будь собой. Будь с собой». В этом тезисе отражена проблемность бытия современного

человека — человек проживает большую часть жизни, находясь в обезличенном состоянии, Das Man [11]. Философская прогулка ориентируется на смещение фокуса с «иметь» на «быть» (Э. Фромм), переход от «калькулирующего мышления» к «осмысляющему раздумью» (М. Хайдеггер). Философская прогулка — это возможность для каждого вырваться из рутины повседневности с целью достижения полноты и подлинности жизни; это процесс «собираения себя» в единое целое. Значение и результат каждой философской прогулки «доказывается каждым конкретным «вот-бытием»» [3].

Рефлексия практического опыта Философские прогулки, лето 2020 г.

В сентябре 2020 г. участники философских прогулок приняли участие в анонимном опросе, что позволило провести анализ эффективности и доступности метода для реализации практик самопознания современным человеком.

Общее число участников трех философских прогулок составило 25 человек. В опросе приняли участие 14 человек, из них мужчин — 4, женщин — 10. Большинство участников относятся к молодежи (до 30 лет) — 9 человек, 5 человек — старше 30 лет. Большинство опрошенных (72 %) отметило, что участвовали в более чем одной прогулке.

На вопрос «Вам была комфортна длительная прогулка по лесу в быстром темпе?» 13 человек ответили, что продолжительность и темп прогулки были для них оптимальными, один участник отметил, что маршрут можно сделать покороче.

На вопрос «Вам были комфортны упражнения на дыхание и расслабление?» 11 че-

ловек ответили, что упражнения были оптимальными, 2 человека отметили, что можно было бы немного упростить, и 1 человек отметил, что упражнения было сложно выполнять. Оговоримся: участникам заранее объявляется, что нет никакого принуждения к выполнению упражнений: эта часть прогулки осуществляется по принципу добровольности с учетом техники безопасности и с вниманием к особенностям своего организма.

Одна из наиболее сложных задач прогулки для фасилитатора — это создание комфортной атмосферы для совместной групповой работы, в результате которой участники должны проделать индивидуальную работу по философской рефлексии. Дружеская комфортная атмосфера в группе является одним из залогов ее успешности. 13 из 14 опрошенных на вопрос «Вам была комфортна работа в группе с другими участниками?» ответили, что им было комфортно (рис. 1). Это говорит о том, что у участников сложился особый запрос на полилог в группе, который обусловлен ориентацией на людей со схожими экзистенциальными запросами.

Для человека, не имеющего философского образования (у большинства участников наших прогулок (85 % опрошенных) знакомство с философией ограничивалось прослушанным в вузе стандартным образовательным курсом по дисциплине «Философия»). Глубокая работа с философским текстом может вызывать сложности на уровнях понимания и интерпретации. На вопрос «Вам было комфортно работать с представленным на прогулке, в которой вы участвовали, фрагментом текста?» 12 из 14 участников выбрали ответ «Да, текст был понятен и гармонично отозвался в моих разуме и чувствах».

Вам была комфортна работа в группе с другими участниками?

14 ответов

Рис. 1. Атмосфера групповой работы

Еще два участника отметили, что «Да, сперва текст показался сложным, но потом я понял(а) фрагмент». На наш взгляд, вдумчивой работе с текстом способствует не только методика медленного чтения, но и предлагающие ее телесно-ориентированные и медитативные практики, которые позволяют человеку сосредоточить внимание на самом себе, своих экзистенциальных состояниях и поиске ответов в предлагаемом тексте.

Для того чтобы проверить наши предположения о состоянии участников, мы предложили им множественный выбор в ответах на некоторые вопросы. Первый вопрос с множественным выбором «Во время медленного чтения Вы — ...» предполагал описание состояния концентрации участника на тексте, либо на своих мыслях. 8 участников отметили, что они в процессе работы с текстом погрузились в свои мысли и чувства. Один участник отметил, что погрузился в свои чувства, а четверо — в свои мысли. Пятеро опрошенных отметили, что смогли на какое-то время отрешиться от окружающей действительности (шума и т. п.). Шесть человек отметили, что ощутили единство и гармонию с группой во время медленного чтения. Важно отметить, что проблем с концентрацией на тексте никто из участников не испытал. Это подтвердило наше предположение о том, что сочетание физических и духовных упражнений на концентрацию внимания способно создать особое состояние, помогающее глубокой работе с философским текстом.

Второй вопрос с множественным выбором «Во время медленного чтения Вы — ...» предполагал описание экзистенциального опыта, сложившегося во время чтения. Большинство опрошенных — 9 участников — отметили, что смогли задать себе смысложизненные вопросы. 4 участников отметили, что «уловили некий просвет бытия». На наш взгляд, идея «просвета» является наиболее ярким отражением глубокой и осознанной работы с философским текстом. 3 участника отметили, что «смогли ощутить свою глубину», «почувствовали свою целостность», «отразили свое присутствие здесь и сейчас», «смогли представить или сформулировать смысложизненные ориентиры». Стоит отметить, что 1 из участников зафиксировал, что «ничего не почувствовал». Никто из опрошенных не упомянул, что ощущал страх, одиночество или другие негативные чувства и эмоции. Это подтверждает наше предположение о том, что условия философской прогулки создают особую, благоприятную возможность для экзистирования.

Третий вопрос с множественным выбором «Во время работы со смыслами Вы — ...» предполагал описание впечатлений от групповой работы с философским текстом. 6 участников отметили, что «ощутили гармонию и единство с группой, со словами и мыслями других участников». Еще 6 участников выбрали, что «смогли сформулировать ответ на сложный и проблемный для вас вопрос и ответить на него вслух». 6 опрошенных обозначили, что «смогли сформулировать ответ на сложный и проблемный для вас вопрос и ответить на него у себя в голове или на листе с текстом». 4 человека «смогли сформулировать сложный и проблемный для вас вопрос и задать его всем участникам. 1 из участников отметил, что «ничего не почувствовал». Никто из опрошенных не отметил, что «не смог сформулировать свои мысли». Это подтверждает наше предположение, что условия философской прогулки создают особую, благоприятную возможность для сочетания рационального осмысления с экзистенциальными переживаниями.

В ответах участников на вопрос «Завершение прогулки Вам показалось ...» 6 человек отметили, что завершение прогулки оказалось «оптимальным, я сохранил(а) свои вопросы, свои ответы и ответы других участников». 4 выбрали ответ, что «оптимальным, я сохранил(а) свои вопросы и ответы». 2 человека подчеркнули, что им завершение показалось «недостаточным, хотелось бы подведения итогов ведущим». И один участник отметил, что «дома я продолжу работу над осмыслением темы прогулки». Никто не выбрал вариант, что завершение прогулки показалось «недостаточным, я не успел(а) сказать все, что хотелось».

Самостоятельная работа участников после сессии представлена на рис. 2. Большинство отметило, что им было интересно вернуться мысленно к теме, тексту, своим вопросам и ответам, чтобы вспомнить, что они чувствовали и думали во время прогулки.

10 из 14 участников на вопрос «Вы хотели бы посетить Философскую прогулку еще раз?» ответили «Да, с удовольствием»; 4 участника ответили «да, возможно».

Важным, на наш взгляд, является сопоставление ответов участников на вопросы анкеты с их развернутой рефлексией прогулок, представленных в отзывах в свободной форме. К сожалению, формат статьи не позволяет привести полные тексты отзывов всех участников.

Участница Д. (посетила одну из трех прогулок цикла) прямо акцентирует важность наличия дружественной и комфортной ат-

Дома, после прогулки, вы возвращались мысленно к теме, тексту, своим вопросам и ответам?

14 ответов

Рис. 2. Работа с собой после выхода из прогулки

мосферы в группе, которая способствует рефлексивной работе как с самим с собой, так и другими. По ее словам, прогулка представляет собой редкое для современного человека удовольствие не только «прогуляться в приятной компании, погрузиться в себя, слушать окружающих», но и при этом «сформулировать свои вопросы и потребности, произнести их вслух и услышать других». Обратим внимание именно работу с другими участниками: «(для того) чтобы ответить самому себе, сначала нужно услышать ответ снаружи, а уже потом внутри (себя)». В отзыве участницы В. (посетила две из трех прогулок цикла) также отмечена «атмосфера дружеского общения, где другой человек ощущался как сопричастный, заинтересованный в совместном решении поднимаемых мировоззренческих проблем». Мы предполагали, что полилог как возможность размышления вслух в комфортной обстановке способствует активизации рефлексии участников и их последующей работы со своим экзистенциальным опытом. Отзывы участников позволяют нам говорить о высокой вероятности нашей гипотезы.

Говоря о пережитом участниками экзистенциальном опыте, стоит привести отзыв участницы И. (посетила две из трех прогулок цикла): «В процессе медитативного погружения в слова, открывалось множество смыслов, оставляя после себя ответы на внутренние запросы. После практики, я пребывала в мистическом восхищении от процесса и результата, мысленно возвращаясь в текст и наше обсуждение». Переживание и рефлексия фрагмента философского текста во время прогулки стали для нее основой дальнейшей самостоятельной работы с собственными смысложизненными вопросами.

Впрочем, не стоит умалять значение философской прогулки как особого интеллектуального удовольствия в духе эпикуреизма, которое может прочувствовать человек с соответствующим духовным запросом и культурным багажом. По словам участника А. (посетил три из трех прогулок цикла): «Мне как взрослому, сформированному человеку сие мероприятие интересно именно как общение с умными или стремящимися стать таковыми людьми. Ведь умных зачастую приходится искать. Получается интересная тематическая встреча». Философия призвана научить человека мыслить и философская прогулка может продемонстрировать, что это может быть не только полезно в повседневной жизни, но и приятно.

На основании опроса и отзывов участников можно заключить, что философская прогулка есть способ знакомства с философией как особым видом духовной деятельности, доступный широкому кругу лиц, не имеющих специальной подготовки в области социально-гуманитарного знания.

Вместо заключения

Философская прогулка имеет глубокие корни в философской традиции, которые появились в античности. Сегодня, в эпоху глобальных вызовов и всеобщей тревожности перед лицом будущего, прогулка может и должна быть актуализирована в связи с запросом современного человека на доступную возможность для подлинного и глубокого знакомства с самим собой.

Мы определяем философскую прогулку как метод философской практики, представляющий синтез духовных, интеллектуальных и физических упражнений; это

форма практики, направленная на стимуляцию рефлексии человека посредством диалога и полилога, духовного резонирования с членами группы. Стоит отметить, что на практике реализация прогулки определяется конкретными условиями от фасилитатора и состава группы до климатических условий региона. В своем опыте мы выделили восемь этапов прогулки, но можем сделать заключение о том, что обязательную совокупность элементов прогулки составляют тщательная подготовка фасилитатором фрагмента текста, в зависимости от актуального духовного запроса предполагаемых участников, непосредственно сама прогулка, включающая в себя совокупность непосредственно движения по выбранному маршруту с философской рефлексивной работой с текстом и упражнениями на концентрацию внимания определение состава участников, самостоятельная работа участников по дальнейшему осмыслению темы.

Проведенные нами прогулки и аналитика их эффективности отражают актуальность философской прогулки как своеобразного места, в котором современный человек может в спокойной и комфортной атмосфере встретиться с собой, благодаря концентрации над текстом и достижения единения с ним, отчасти с группой, ответить на волнующие его смысложизненные вопросы. Несомненно, философская прогулка как метод философской практики требует дальнейшего концептуального осмысления в теоретической плоскости и совершенствования плана практического, которое возможно только при систематической практической работе группы живых участников.

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. ; СПб. : Степной ветер : Коло, 2005.

2. Богданова В. О. Мировоззренческие установки экзистенциального психотерапевта (по материалам семинара Римаса Кочюнаса «Картина человеческой жизни и терапевтического процесса: введение экзистенциального психотерапевта») // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 90—101.

3. Борисов С. В. Философская практика в современном мире: вызовы и ответы: монография. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2019. 232 с.

4. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. Деметрий фалерский // Фи-

лософский энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1983.

5. Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб. : Комплект, 1993.

6. Лебедев А. В. Перипатетическая школа // Античная философия : энцикл. слов. М. : Прогресс-Традиция, 2008. С. 548—550.

7. Маринофф Л. Гуманитарная терапия как средство защиты от вредных воздействий технообщества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 19—28.

8. Ницше Ф. Утренняя заря: мысли о моральных предрассудках. СПб. : Лениздат, 2014.

9. Платон. Пир // Сочинения Платона : в 6 т. Т. 4. СПб. : Тип. духов. журн. «Странник», 1863. С. 144—224.

10. Соловьева С. В. Прогулка как феномен легкости бытия // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 2 (12).

11. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. : Наука, 2006. 451 с.

12. Фромм Э. Искусство быть. М. : АСТ, 2015. 352 с.

13. Achenbach G. Philosophy, Philosophical Practice and Psychotherapy // R. Lahav, M. Tillmanns (eds.) Essays on Philosophical Counseling, Lanham : University Press of America, 1995. P. 61—74.

14. Cairol E. Philosophenweg: Philosophical walks: From Rousseau to Benjamin // Revista de Occidente. 2012. Iss. 370. P. 33—50.

15. Dietrich M., van Laerhoven K. Reflect yourself!: Opportunities and limits of wearable activity recognition for self-tracking. Lifelogging: Digital Self-Tracking and Lifelogging — between Disruptive Technology and Cultural Transformation. Bern: Springer, 2016. P. 213—233.

16. Gros F. A Philosophy of Walking: Verso. 2014. 288 p.

17. Holzhey-Kunz A. Leiden am Dasein. Die philosophische Dimension psychischen Krankseins // Философия и психотерапия. СПб. : Анатолия, 2014. С. 16—30.

18. Marinoff L. Mind Over Mind, Mind Over Brain, Mind Over Man: A Convergence of Buddhism, Neuroscience, and Nietzsche // Proceedings of 2016 Mind Humanities International Conference. Wonkwang University, 2016. P. 581—608.

19. Matthew A. Pedestrianism. Chicago Review Press, Chicago, 2014. 198 p.

20. Moraux P. Der Aristotelismus bei den Griechen von Andronikos bis Alexander von Aphrodisias. Berlin ; New York, 1973—1984.

21. Lahav R. Handbook of Philosophical Companionships. Hardwick, Vermont : Loyev Books, 2016. 72 p.

22. Spinelli E. Practicing Existential Psychotherapy. The Relational World. London : Sage, 2007. 272 p.

23. Sutcliffe S. Children of the New Age: a history of alternative spirituality. London : Routledge, 2003. 267 p.

24. Stickney J. Philosophical Walks as Place-Based Environmental Education // Journal of Philosophy of Education. 2020. Vol. 54, iss. 4. P. 1071—1086.

25. Zovko M.-É. Worldly and otherworldly virtue: Likeness to God as educational ideal in Plato, Plotinus, and today // Educational Philosophy and Theory. 2018. No. 50(6-7). P. 586—596.

References

1. Hadot P. (2005) *Duchovnye uprajchneniya I antichnaya philosophia*. Moscow, Saint Petersburg, Stepnoi Veter, Kalo. [In Rus].

2. Bogdanova V.O. (2020) *Sotsium I vlast'*, no. 2 (82), pp. 90—101. [In Rus]

3. Borisov S.V. (2019) *Filosofskaya praktika v sovremennom mire: vyzovy i otvety: monografiya*. Chelyabinsk, Izdatel'skij centr SUSU, 232 p. [In Rus]

4. Il'ichev L.F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M., Panov V.G. (1983) *Demetriy falerskij // Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija. [In Rus]

5. Ksenofont (1993) *Sokraticheskie sochinenija*. St. Petersburg, Komplekt. [In Rus]

6. Lebedev A.V. (2008) *Antichnaja filosofija*. Moscow, Progress-Tradiciya, pp. 548—550. [In Rus]

7. Marinoff L. (2020) *Sotsium I vlast'*, no. 2 (82), pp. 19—28. [In Rus]

8. Nicshe F. (2014) *Utrennyaya zarya* [Morning dawn] Lenizdat. [In Rus]

9. Platon (1863) *Pir*. Vol. 4. St. Petersburg, Tipografija duhovnogo zhurnala «Strannik», pp. 144—224. [In Rus]

10. Solov'eva S.V. (2012) *Vestnik Samarskoj gumanitarnej akademii*, no. 2 (12). [In Rus]

11. Hajdegger M. (2006) *Bytie i vremya*. St. Petersburg, Nauka. 451 p. [In Rus]

12. Fromm E. (2015) *Iskusstvo byt'*. Moscow, AST. 352 p. [In Rus].

13. Achenbach G. (1995) Philosophy, Philosophical Practice and Psychotherapy // R. Lahav, M. Tillmanns (eds.) *Essays on Philosophical Counseling*. Lanham : University Press of America, pp. 61—74. [In Eng]

14. Cairol E. (2012) *Revista de Occidente*, ss. 370, pp. 33—50. [In Eng]

15. Dietrich M., van Laerhoven K. (2016) Reflect yourself!: Opportunities and limits of wearable activity recognition for self-tracking. Lifelogging: Digital Self-Tracking and Lifelogging — between Disruptive Technology and Cultural Transformation. Bern, Springer, pp. 213—233. [In Eng]

16. Gros F. (2014) *A Philosophy of Walking*: Verso. 288 p. [In Eng]

17. Holzhey-Kunz A. (2014) Leiden am Dasein. Die philosophische Dimension psychischen Krankseins // *Filosofiya i psihoterapiya*. St. Petersburg, Anatoliya, pp. 16—30. [In Eng]

18. Marinoff L. (2016) *Proceedings of 2016 Mind Humanities International Conference*. Wonkwang University, pp. 581—608. [In Eng]

19. Matthew A. (2014) *Pedestrianism*. Chicago, Chicago Review Press. 198 p. [In Eng]

20. Moraux P. *Der Aristotelismus bei den Griechen von Andronikos bis Alexander von Aphrodisias*. Berlin, New York, 1973—1984. [In Eng]

21. Lahav R. (2016) *Handbook of Philosophical Companionships*. Hardwick, Vermont, Loev Books. 72 p. [In Eng]

22. Spinelli E. (2007) *Practicing Existential Psychotherapy. The Relational World*. London, Sage, 272 p. [In Eng]

23. Sutcliffe S. (2003) *Children of the New Age: a history of alternative spirituality*. London, Routledge, 267 p. [In Eng]

24. Stickney J. (2020) *Journal of Philosophy of Education*, vol. 54, iss. 4, pp. 1071—1086. [In Eng]

25. Zovko M.-É. (2018) *Educational Philosophy and Theory*, no. 50 (6-7), pp. 586—596. [In Eng]

For citing: Gulevataya A.N., Milyaeva E.G.,
Penner R.V., Suleimanova S.A.
Philosophical walk: from antiquity
to modern times //
Socium i vlast'. 2020. № 6 (86). P. 67—78.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-67-78.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-67-78

UDC 101

PHILOSOPHICAL WALK: FROM ANTIQUITY TO MODERNITY

Anastasia N. Gulevataya,

South Ural State University
Lecturer at the Department of Philosophy,
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: gulevataiaan@susu.ru

Ekaterina G. Milyaeva,

South Ural State University
Senior Lecturer at the Department of Philosophy,
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Regina V. Penner,

South Ural State University
Associate Professor at the Department
of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Sofia A. Suleimanova,

South Ural State University
Lecturer at the Department of Philosophy,
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
E-mail: suleimanovasa@susu.ru

Annotation

Introduction. In the history of philosophy we find a lot of philosophical practices that can be implemented in the university environment for students and outside the university for a wide audience. The Philosophical Walk is one of such practices. During a walk philosophy can become truly humane, turn to a person, his world, and everyday life.

The purpose of the study is to comprehend the potential of a philosophical walk as a way of philosophical practice, a format of a modern person's

self-knowledge and the implementation of self-care, available to a wide range of people without special philosophical education. **Methods** The research is based on the comparative historical method, the method of interpreting the texts of philosophical primary sources and the systematic approach. The study presents and analyzes an experiment in the context of which residents of a large city go on a philosophical walk in order to take care of themselves.

Scientific novelty of the research. In theoretical terms, philosophical walk is conceptualized. In practical terms, the analysis of the effectiveness of a philosophical walk as a way of a large city resident's self-care is carried out.

Results. A philosophical walk is a form of group philosophical practice, in the context of which the participants become guided (literally and figuratively,) by the facilitator. In the summer of 2020, the authors of the article organized a series of walks, each of which was attended by 8 to 12 people who had not have direct contact with philosophy in their everyday life, in the educational and professional spheres. In September 2020, the participants of the walks were offered a questionnaire consisting of closed and open questions. According to the respondents' answers, a general picture of the effectiveness of a philosophical walk as a form of self-care for a modern metropolis resident was drawn.

Conclusions. We understand the philosophical walk as a kind of "place", a space of calm and harmony for a person of the XXI century. A resident of a big city lives in constant noise. The events of 2020 have increased the noise and accompanying stress. A philosophical walk, in turn, within the boundaries of the same city creates an atmosphere for a person to meet with himself. With the help of an external plan (forest environment, clean air, sounds of nature) and a philosophical plan (concentration over the text, dialogue with a philosopher and a group), the meeting participant can formulate the life-meaning questions that concern him and start looking for answers.

Key concepts:

philosophy,
philosophical walk,
philosophical practice,
philosophical education,
philosophizing.

Для цитирования: Богданова В. О.
Дидактический потенциал комикса // Социум и власть. 2020. № 6 (86). С. 79—87.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-79-87.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-79-87

УДК 140.8

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМИКСА

Богданова Вероника Олеговна,

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
Южно-Уральский государственный университет,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук,
454080, Российская Федерация,
Челябинск, пр. Ленина, 69,
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

В статье автор анализирует условия существования субъекта в постинформационном обществе, которые приводят к формированию нового стиля мышления у молодого поколения, функционирующего за пределами текстоцентрической парадигмы. Автор поднимает актуальную проблему системы образования, поскольку нельзя построить успешный процесс обучения, не отвечая запросам времени, не учитывая особенности восприятия мира современными людьми.

В молодежной среде давно преобладает экранный (клиповый) стиль мышления, который в процессе познания опирается на визуальные образы. В ходе исследования автор приходит к мысли, что, отвечая новому стилю мышления, необходимо стремиться к сочетанию методов работы с линейным текстом и визуальными источниками информации, к которым так восприимчив современный человек. Такое гармоничное сочетание обеспечивает комикс, обладающий богатым дидактическим потенциалом. В статье описываются положительные стороны применения комикса в образовательном процессе и рассматривается пример использования комикса на занятиях по философии.

Ключевые понятия:

информация,
текстоцентрическая культура,
клиповое мышление,
экранная культура,
визуальные образы,
комикс.

Современный человек живет в эпоху массового потребления информации, которая имеет фрагментарный и избыточный характер. Если раньше у субъекта было достаточно времени на ее переработку, то теперь постоянное приращение информации приводит к тому, что субъект вынужден ее быстро принимать и передавать ограниченными порциями — «квантами», в отрыве от общего контекста. В условиях дефицита времени информация воспроизводится оперативно и шаблонно.

В постинформационном обществе человеку приходится развивать умение быстро реагировать и переключать внимание с одного источника информации на другой, чтобы быть не на периферии, а в центре событий. Однако насыщенность среды информацией затрудняет процесс ее глубокого осмысления. Минувя стадию знаний, информация, получаемая субъектом, тут же транслируется, не осваиваясь его когнитивной структурой.

Большое количество информации, ее общедоступность приводят к формированию у молодого поколения нового стиля мышления. Если раньше человек основную информацию получал через линейный текст, то теперь он не столько мыслит через текст, сколько через визуальные образы. Это усложняет усвоение прошлого опыта культуры, центрированной на тексте, которая господствовала со времен позднего средневековья и продолжает воспроизводиться системой образования.

Система образования отстает от темпа развития общества, не отвечая требованиям жизни. Она пытается не замечать, что на мышление молодого человека влияет множество внешних факторов — Интернет, сетевые коммуникации, компьютерные игры, мобильные данные. Данные факторы невозможно подвергнуть контролю. В молодежной среде преобладает экранный стиль мышления, который находит широкое применение в глобальной сети. Что представляет собой этот стиль мышления?

Если люди текстовой культуры много информации получали в результате чтения книг, у них был хороший объем памяти и высокая концентрация внимания, то люди экранной культуры существенно отличаются от них. Им сложно сосредотачивать внимание на чем-то одном, последовательно излагать свои мысли, рассуждая на одну тему, не меняя содержание разговора, трудно воспринимать гомогенную информацию, длительно взаимодействовать с одними и теми же людьми.

Люди экранной культуры привыкли одновременно решать несколько задач. Они умеют быстро переключаться, отвечая на «вызовы» внешней среды, однако у них отсутствует умение длительно фокусировать внимание на чем-то одном. Они предпочитают получать информацию не через текст, а через многообразные визуальные источники: изображения, фото, видео, мемы и др. Эта особенность выстраивать мышление на основе визуальных образов или сжатых текстовых фрагментов получила название клипового мышления.

Клиповое мышление — это условное мышление, которое позволяет человеку обрабатывать контент фиксированной длины, а не семиотические структуры произвольной сложности [4]. В клиповом мышлении визуальные символы довлеют над логикой текста. Данный тип мышления позволяет быстро переключать внимание с одного смыслового фрагмента на другой, но оно мешает длительному восприятию линейной последовательности текста. При формировании клипового мышления идет развитие одних когнитивных операций наряду с другими. Освоение же линейного текста требует умения сосредотачивать внимание на одном предмете. Однако в современном мире важно и другое умение — быстро переключаться на новый источник информации, другую задачу или ситуацию. Как умение концентрироваться (работать с текстом), так и умение быстро приключать внимание (получать новую информацию) одинаково необходимы современному человеку, но они могут находиться в конфликте. Хотя они могут быть комплементарными. Ведь быстрота, реактивность мышления нередко развивается за счет сосредоточенности, также как умение переключаться совершенствуется за счет умения быстро углубляться в суть предмета. Быстрота мышления — это необходимая способность для современных условий среды, насыщенной информацией. Если бороться с этой естественным образом выработанной способностью клипового мышления, то разрыв между школой, вузом и стилем жизни современной реальности еще более углубится.

Клиповое мышление появилось как ответ на изменения среды, ответ на требование повышения скорости обработки информации, умения отбирать важное, отсекая лишнее. Этот стиль мышления был необходим для защиты интеллекта от информационной перегрузки. Тем не менее многие педагоги отмечают, что клиповое мышление приводит к языковому минимализму и бедности речи.

У молодого поколения наблюдаются некоторые трудности в осуществление таких операции, как анализ, синтез, сравнение, проведение аналогий. Это приводит к более поверхностному, некритичному способу познания [5, с. 26].

Конечно, любая «борьба» с клиповым мышлением обречена на неудачу, поскольку его появление является необходимым этапом эволюции мышления. Американский психолог Л. Розен, описывая интернет-поколение, отмечает, что оно имеет возросшую способность к «многозадачности». Дети этого поколения могут одновременно слушать музыку, общаться с друзьями в чате, бродить по сети, редактировать фотографии, делать уроки. Однако реализации этой способности приводит к рассеянному вниманию, гиперактивности [8, р. 228]. Молодому поколению сложно читать линейный текст, они его и не читают в традиционном понимании. Они горизонтально «пробегают» по заголовкам, абзацам и целым страницам в поисках быстрой и легкой «добычи» [4]. Человеку трудно сосредоточиться на усвоении и переработке одной информации, поскольку он живет на пересечении разных информационных потоков. Это похоже на то, как телезритель «перескакивает» с канала на канал, наблюдая несвязанные друг с другом обрывки информации или как пользователи сети листают новостную ленту. Появился даже термин для обозначения данного феномена — «зеппинг».

Сформировалась особая культура составления постов, которые должны включать ограниченное количество знаков, содержать визуальную и аудиальную информацию, иначе посты останутся без просмотров. Так составленный пост легко охватывается одним взглядом. Его восприятие не требует больших усилий.

В сети часто обычный текст заменяется картинками, которые проще воспринимать. Эта особенность хорошо прослеживается в социальных сетях ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram, Pinterest. В них пользователи создают тематические коллекции изображений, которые сопровождаются максимально короткими надписями, иногда заменяемые стикерами, междометиями. Визуальная информация преобладает над текстовой. Растворяясь в ней, современный человек превращается в напряженный, все приемлющий, на все направленный Взгляд, распахнутый навстречу новым изображениям и видеоопыту [1, с. 65]. Реальность воспринимается субъектом как серия, сменяющих друг друга картинок. Современный

человек как будто бы вернулся к мифологическому сознанию дописьменного общества, в котором с помощью виртуальных образов передается то, что раньше в текстовой культуре передавалось вербальными средствами [6, с. 225]. Поскольку визуальные образы быстрее воспринимаются, лучше запоминаются и вызывают у современного человека меньше усталости, несмотря на их изобилие [6, с. 213].

В процессе обучения линейный текст и визуальные источники информации, к которым восприимчив современный человек, должны сочетаться друг с другом. При составлении дидактического материала предпочтительно использовать как образные, так и вербальные средства обучения. Ф. И. Гиренок отмечает, что это не представляет большой проблемы, поскольку любые теории можно упаковать в наглядные образы, вербальные картинки. Визуализации поддаются тексты, в которых присутствуют сюжеты, они могут быть инсценированы или экранизированы [3, с. 4]. Однако как быть с философскими текстами, которые не имеют сюжетов, в силу их абстрактности. Можно ли их представить в виде визуального ряда, картинок, схем, сделав философские концепции более понятными и доступными для современного человека? На наш взгляд, с этой задачей справляется комикс, который давно занимает важное место в процессе образования. Рассмотрим его дидактический потенциал.

Дидактический потенциал комикса как визуального метода познания

Как уже отмечалось, современная культура является экранной, поэтому учебный процесс нельзя строить исходя из представлений людей прошлого, которые жили в рамках парадигмы текста. Учебный процесс должен учитывать запросы настоящего времени, строиться исходя из особенностей восприятия мира молодым поколением. В современной культуре преобладают визуальные образы передачи информации, так как в условиях переизбытка информации человеку сложно ее усвоить в большом объеме. На смену текстовым документам стали приходить источники с большим количеством графических образов в виде объяснительных схем, изображений, интеллект-карт, графических повествований, выполненных в жанре комиксов. Человек, экранной культуры предпочитает не читать и слушать, а смотреть. Воплощением основных принципов экранной культуры является комикс,

который представляет собой сменяющиеся сюжетные картинки, напоминающие оставившиеся кадры фильма.

Комиксы (от англ. comic — смешной, веселый) — это графические истории, которые отражают единство повествования и визуального действия. Комиксы всегда имеют сюжетную линию, которая представлена последовательной логической связью между эпизодами (кадрами, отдельными картинками). Логическая связь объединяет одно событие или одну проблему. Комикс может содержать в себе текстовую информацию, но может быть немой изображением сюжета без текста. Яркими примерами «немых комиксов» являются работы журналиста Х. Бидструпа, который рисовал комиксы (карикатуры) на бытовые, политические, экономические темы. Как правило, в комиксе текстовая информация занимает не более 20—30 %, а остальное — визуальная информация, представленная рисунками, знаками, символами, мемами, смарт-объектами и интеллект-картами.

Несмотря на то что слово «комикс» переводится как «смешной», этот жанр не всегда бывает комичным, ироничным. Комиксы могут быть драматическими, трагическими или просто поднимать серьезные мировоззренческие проблемы, например, вопросы жизни и смерти, свободы и предопределенности и т. д.

Комиксы имеют давнюю историю, уходящую своими корнями в XVI—XVII вв. В это время в Европе были широко распространены сюжетные картинки, отражающие жизнь святых. Они выставлялись на продажу для простых людей, не обученных грамоте. Их основное предназначение было приобщить людей к религиозной культуре. Они использовались в просветительских целях. В русской культуре также присутствовала богатая традиция применять иллюстративные ряды вместе с повествованием. Иконы средневековых мастеров, описывающие жизнь святых, являются одновременно видом живописи и литературным произведением, поскольку они несут в себе большую повествовательную нагрузку. Первая книга нарисованных историй была создана в 1827 г. Р. Тёпфером. Она имела название «Histoire de Mr. Vieux Bois». В книге были представлены короткие юмористические истории о мужчине и его возлюбленной. Каждая история была разбита на кадры (сцены). Ниже кадров делались подписи, объясняющие картинки. Героями историй были одни и те же лица, но истории не имели общей сюжетной линии [7, р. 9]. Однако впервые

рисованный рассказ получил название комикса в 1896 году, когда была опубликована серия комиксов «Жёлтое дитя» Р. Аутколта на страницах газеты «New York World». Среди современных художников, рисующих комиксы, наиболее известны такие, как Д. Сакко, М. Борс, Т. Ролл, Д. Холидей, А. А. Трушкин, А. Снегирёв и А. Аёшин.

Несмотря на то, что комиксы воспринимаются как вид развлечения, они получили широкое распространение в сфере образования. В Америке, Европе комиксы давно стали эффективным инструментом обучения, облегчающим труд педагога. Образовательный потенциал комикса впервые стал применяться в учебных учреждениях США еще в 1930-е годы. В это время комиксы издавались американскими компаниями Marvel и DC Comics. По подсчётам с 1935 по 1944 г. в США были изданы более ста публикаций, в которых описывалось, как можно использовать комиксы для обучения детей [9]. Сейчас в США даже существуют специальные проекты интеграции комиксов в школьную программу. Например, проект под названием «The Comic Book Project». В рамках этих проектов публикуются образовательные комиксы, нарисованные самими детьми.

Комикс как дидактический инструмент обеспечивает лучшее понимание и запоминание теоретического материала, поскольку в нем субъект получает информацию отдельными фрагментами в наглядной форме, что соответствует особенностям восприятия современного человека. Разбивка информации на кадры позволяет расставлять необходимые акценты в обозначенной проблематике, фокусировать внимание на определенных идеях, событиях или явлениях, лучше понимать их содержание.

Комикс помогает решить проблему мотивации, поскольку он ориентирован на интерес читателя, обращаясь непосредственно к его восприятию, в отличие от академичного теста, лишённого визуального разнообразия. Информация в комиксе эмоционально окрашена, она затрагивает чувства читателя, апеллирует к его опыту. Зачастую в комиксе воспроизводятся жизненные ситуации, обращение к которым помогает приблизить обучение к миру повседневности. Как правило, обучающийся понимает смысл учебной деятельности тогда, когда он видит, как приобретенные знания можно применять в жизни. Эту связь теории с жизнью раскры-

вает комикс. Перечисленные особенности комикса оказывают положительный эффект при усвоении теоретического материала.

Использование комикса как инструмента образовательного процесса

В исследовании дидактического потенциала комикса мы исходили из мысли, что комикс может помочь в понимании, интерпретации не только сюжетных, но и абстрактных текстов, например, философских. Перед студентами университета была поставлена задача: составить комикс, используя два отрывка из произведений философов. Фрагменты текста были подобраны, исходя из предыдущих занятий, на котором обучающиеся познакомились с основными направлениями философии: идеализмом, материализмом, дуализмом и философией тождества. Студенты академической группы объединились в пять микрогрупп. Каждая микрогруппа получала соответствующие фрагменты из философских произведений (см. таблицу).

Студентам предлагается поработать с текстом для составления комикса, который объединял бы в себе идеи философов. Комикс должен состоять не менее чем из 4 кадров. Работа с текстом осуществляется по следующему плану:

1. Чтение фрагментов из философских произведений.
2. Обнаружение связи текста с «основным вопросом философии».
3. Определение проблематики, поднимаемой в тексте.
4. Выделение главных мыслей (идей) философов, в соответствии с ранее установленной проблематикой.
5. Сравнение мировоззрений философов. Определение сходств и различий.
6. Продумывание сюжетной линии комикса, которая бы отражала главные идеи двух философских текстов.
7. Определение главных героев комикса.
8. Составление диалога главных героев (формулировка реплик).
9. Визуальное воплощение комикса.
10. Презентация комиксов с воспроизведением основных идей мыслителей.

Ниже выборочно представлены комиксы, составленные студентами разных академических групп (рис. 1—4).

Номер микрогруппы	Философские тексты (фрагменты)	Проблематика
1	Ламетри Ж.О. Человек-машина. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории	Проблема соотношения сознания и тела
2	Платон. Федр. Тит Лукреций Кар. О природе вещей	Проблема смерти и бессмертия
3	Декарт Р. Рассуждение о методе. Притча Чжуан-Цзы «Бабочка»	Проблема реальной и виртуальной форм бытия (на примере сна). Проблема «Я»
4	Декарт Р. Рассуждение о методе. Дидро Д.Разговор Д'Аламбера с Дидро	Проблема развития. Проблема «видовой дискриминации»
5	Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права Фейербах Л. Сущность христианства	Проблема возникновения религии. Нравственные дилеммы

Пояснение к комиксу «Человек-машина»

Комикс создан с опорой на тексты: Чалмерса Д. «Осознающий ум», Ламетри Ж. «Человек-машина». В комиксе описывается драматическая история девушки, которая попала в аварию, стала человеком с ограниченными возможностями. Ее отец был ведущим специалистом по киберпротезированию и робототехником с мировым именем. Он смог создать для дочери совершенные протезы. Дочь подросла и стала мечтать о любви, но не могла себе найти человека для построения отношений и создания семьи. Тогда отец решил создать для нее робота, который был бы запрограммирован на проявление человеческих чувств заботы и любви. Дочь влюбляется в созданного для нее робота, но ее все чаще тревожит мысль, что робот симулирует чувства, на самом деле их не испытывая. Она просит отца считать и скопировать информацию о любви и человеческих отношениях с ее головного мозга и перенести ее в искусственный интеллект. Однако в ходе операции дочь погибает. Отец, несмотря на тяжелую потерю, решает довести до конца, в надежде, что какая-то

часть дочери оживет в роботе. Однако то что в современной науке называется «квалиа» при переносе на другой материальный носитель просуществовало несколько минут и пропало. Робот на краткий миг почувствовал себя человеком, осознав боль потери, но затем снова стал роботом. Отец продолжил искать связь между телом и психикой (сознанием), но пока не продвинулся в своих исследованиях. Он все больше склоняется к мысли, что сознание нематериально, но связано с физическими объектами (мозгом, ИИ) фундаментальными психофизическими законами, которые он еще не понял до конца.

Пояснение к комиксу «Что есть Бог»

Комикс составлен по фрагментам из произведений Фейербаха Л. «Сущность христианства» и Маркса К., Энгельса Ф. «К критике гегелевской философии права». В комиксе обыгрывается идея, что Бог есть проекция самых прекрасных человеческих качеств. Если бы птицы и рыбы могли думать и говорить, были одарены абстрактным мышлением, то у них были свои Боги, которые имели бы схожие с ними облики, обладали бы предпочтительными для них качествами.

Рис. 2 Что есть Бог?

Рис. 3. Религия есть опиум или любовь?

Пояснение к комиксу «Религия есть опиум или любовь»

Комикс составлен по фрагментам из произведений Фейербаха Л. «Сущность христианства» и Маркса К., Энгельса Ф. «К критике гегелевской философии права». В комиксе расширяется понятие «Бога», которое мыслится не как внешняя духовная субстанция, как проявление высшей духовности, на которую способен человек. Она проявляется через любовь к ближнему. Студенты отметили, что в таком контексте религия не может быть «опиумом для народа», которая одурманивает разум и приводит к пассивности и бездействию. Любовь требует высокой духовной активности, истинно любящий человек разумен, поскольку он несет людям добро и делает мир лучше.

Пояснение к комиксу «Что реально?»

Комикс составлен по фрагментам из произведений Декарта Р. «Рассуждение о методе» и Чжуан-Цзы «Бабочка». В комиксе поднимается проблема определения реальности. Студенты на примере сложности отделения сна от бодрствования приходят к мысли о том,

что сновидец мало, что может знать о себе и мире. Может оказаться, что его представления являются иллюзорными. Однако с другой стороны данные представления, возможно и иллюзорные, создаются мышлением. Мышление осуществляется тем, кто существует, присутствует в мире. Следовательно, есть тот, кто мыслит и существует на самом деле. Это и есть подлинная и несомненная реальность.

Анализируя проделанную работу, можно отметить следующие моменты. Студенты охотно откликаются на предложение создать комикс, проявляют живой интерес к визуальным видам искусства. Сама постановка задачи в виде составления комикса на мировоззренческую тему вызывает у студентов положительные эмоции, повышает их настроенность на познание.

Комикс помогает лучше понять мировоззренческие взгляды философов. Создавая комикс, обучающиеся учатся работать с текстом, оттачивают навыки анализа и синтеза (обобщения). Они учатся выделять главные мысли, определять сходства и различия, сравнивая мировоззренческие установки мыслителей.

При составлении комикса студенты стремятся понять суть философской проблемы,

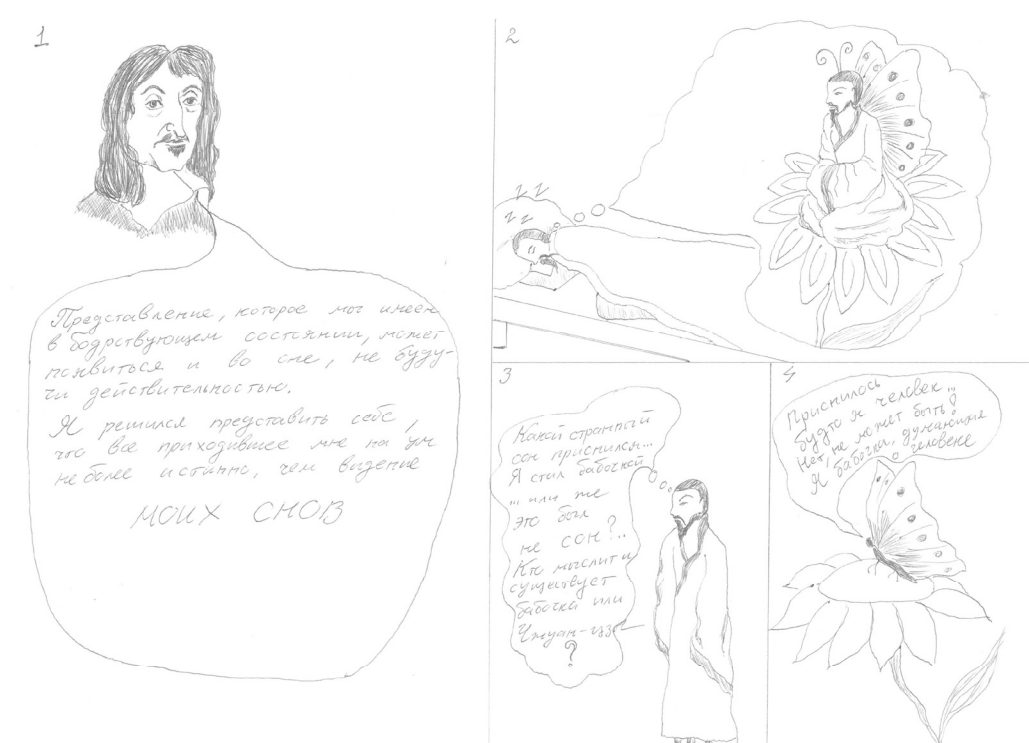

Рис. 4. Что реально?

их мышление направлено на самостоятельный поиск идей, которые можно было бы воплотить в визуальных образах. Воплощение идей философов в виде комикса предполагает применение логического инструментария, так как студенты вынуждены подбирать аргументы для отражения философской позиции мыслителя. Таким образом, составление комиксов способствует развитию не только воображения и креативности, но и понятийного логического мышления. Замечено, что комикс помогает лучше запоминать философские концепции, то есть комикс может служить опорой для воспроизведения основных идей мыслителей по памяти. Данный метод делает процесс обучения более осмысленным и результативным.

Естественно, как и у любого метода обучения у комикса имеются свои недостатки. Необходимо использовать положительную составляющую комикса в образовательных целях, имея в виду такие его слабые стороны, как слишком сжатая форма подачи информации. Для создания сюжетной истории в визуальной форме текст сильно упрощается и лишается некоторых тонких внутренних смыслов. Конечно, знакомство студентов с философскими произведениями нельзя про-

сто свести к рассмотрению серии картинок, но для передачи отдельных идей и концептов, сути проблем, это вполне приемлемо. Использование комикса в методических целях служит приемом, способствующим общению обучающегося с первоисточнику, к книге, к критическому осмыслению философских концепций. Умение создавать комиксы свидетельствует о том, что человек может свободно переходить от визуального ряда к понятийному и наоборот, применяя одновременно логическое и образное мышление.

Заключение

В современном мире большое количество информации передается с помощью визуальных средств. Несмотря на консервативность некоторых моделей образования, со временем образование будет переориентировано на использование большого количества визуальных источников информации, что, конечно, не вытеснит вербальные средства обучения, поскольку в образовательных практиках слово занимает приоритетное место [2, с. 94].

Одной из важнейших задач современного образования является умение научить

студента (школьника) работать с разными источниками информации, одним из которых может быть визуальное воплощение философского текста в виде комикса. Образовательный комикс может служить эффективным инструментом получения новых знаний и углубления уже существующих. Комиксы в сжатой символической форме способны передавать сложные идеи и абстрактные представления, кроме того, они — отлично мотивируют познавательную деятельность, пробуждают интерес к актуальным философским проблемам.

1. Батаева Е. В. Фланерство и видео мания: современные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философия. 2012. № 11. С. 61—68.
2. Борисов С. В. Обновление философского образования в школе: Методологические проблемы. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2000. 111 с.
3. Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе. М. : Академ. проект, 2008. 235 с.
4. Фельдман А. Клиповое мышление. URL: <http://www.e-xecutive.ru/education/adviser/1070148/> (дата обращения: 26.08.2019).
5. Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. 2010. Т. 1. С. 26—36.
6. Яковлева А. М. Клиповое чтение: текст как изображение-симулякр // Наука телевидения. 2014. Т. 11. С. 197—228.
7. Rackham N. Comics versus Education // New education. London, England : Cornmarket Press, 1968.
8. Rosen L. Me, My Space, and I: Parenting the Net Generation. New York, 2007. 258 p.
9. Sones W. W. D. The comics and instructional method // Journal of Educational Sociology. American Sociological Association. 1944. Vol. 18. № 4. Pp. 232—240.

References

1. Bataeva E.V. (2012) *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 61—68 [in Rus].
2. Borisov S.V. (2000) *Obnovlenie filosofskogo obrazovaniya v shkole: metodologicheskie problemy*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo ChelGU, 111 p. [in Rus].
3. Girenok F. I. (2008) *Udovol'stviye myslit' inache*. Moscow, Akademicheskij proekt, 235 p. [in Rus].
4. Fel'dman A. Klipovoe myshlenie. Available at: <http://www.e-xecutive.ru/education/adviser/1070148>, accessed 26.08.2019 [in Rus].
5. Frumkin K. G. (2010) *Ineternum*, vol. 1, pp. 26—36 [in Rus].
6. YAkovleva A.M. (2014) *Nauka televideniya*, vol. 11, pp. 197—228 [in Rus].
7. Rackham N. (1968) *Comics versus Education* // New education. London, England, Cornmarket Press [in Eng].
8. Rosen L. (2007) *Me, My Space, and I: Parenting the Net Generation*. New York, 258 p. [in Eng].
9. Sones W. W. D. (1944) *Journal of Educational Sociology*. American Sociological Association, vol. 18, no. 4, pp. 232—240 [in Eng].

For citing: Bogdanova V.O.
Didactic potential of comics // *Socium i vlast'*. 2020. № 6 (86). P. 79—87.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-79-87.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-79-87

UDC 140.8

DIDACTIC POTENTIAL OF COMICS

Veronika O. Bogdanova,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
South Ural State University,
Senior Researcher, Scientific
and Educational Center
for Practical and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy),
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69,

Abstract

In the article, the author analyzes the conditions for a subject's existence in the post-informational society, which lead to forming a new style of thinking in the younger generation, functioning outside the textocentric paradigm. The author raises the actual problem of the education system, since it is impossible to build a successful learning process without meeting the demands of the time, without taking into account the peculiarities of perceiving the world by modern people. In the youth environment, the screen (clip) style of thinking has long prevailed, which in the process of cognition is based on visual images. In the course of the study, the author comes to the conclusion that, responding to the new style of thinking, it is necessary to strive for a combination of methods of working with linear text and visual sources of information, to which a modern person is so receptive. This harmonious combination is provided by a comic strip with rich didactic potential. The article describes the positive aspects of using comics in the educational process and examines an example of using comics in philosophy classes.

Key concepts:

information,
textocentric culture,
clip thinking,
screen culture,
visual images,
comics.

Для цитирования: Давыдов Д. А.
Непредсказанный посткапитализм:
отчуждение и конкурентная борьба
в сфере «производства личности» // *Социум и власть*. 2020. № 6 (86). С. 88—99.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-88-99.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-88-99

УДК 321; 304.9

НЕПРЕДСКАЗАННЫЙ ПОСТКАПИТАЛИЗМ: ОТЧУЖДЕНИЕ И КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА В СФЕРЕ «ПРОИЗВОДСТВА ЛИЧНОСТИ»

Давыдов Дмитрий Александрович,

Институт философии и права
Уральского отделения РАН,
научный сотрудник отдела философии,
кандидат политических наук,
Российская Федерация, 620108,
г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация

В статье развивается мысль о становлении посткапиталистических общественных отношений как социальной революции личности, которая заключается в том, что популярность становится ключевым благом, «обладание» которым является желанной целью и значимым ресурсом политического влияния. При этом показано, что этот процесс приводит к формированию новой господствующей страты — персоналиата («людей, обладающих личностью»): знаменитостей, популярных блогеров, социально-медийных инфлюенсеров, микро- и наноселебрити. Обосновывается, что господство персоналиата является следствием складывающихся противоречивых общественных отношений между

новой аристократией в лице представителей персоналиата и многими людьми, не «обладающими» популярной личностью — имперсоналиатом («лишние люди», «низовой» прекариат, те, кто оказывается аутсайдером в мире социальных платформ). Данное противоречие связано с укоренением культуры селебрити, побуждающей массы людей бороться за популярность и ориентироваться на поиск выгодных отличий от других в процессе самореализации. Однако эта борьба в итоге для подавляющего большинства оборачивается ростом творческой конкуренции и отчуждением. Раскрываются различные новые формы отчуждения, появляющиеся в ситуации повсеместной самореализации. Соответственно, приводятся аргументы в пользу того, что в условиях «революции личности» по-настоящему левой будет скорее такая альтернатива, которая поставит под вопрос рецепты решений общественных проблем, формулируемые популярными личностями. Иными словами, тотальной погоне за популярностью можно будет противопоставить проекты общества, в которых личность полагается не как некто возвышающийся над остальными, а как вовлеченный человек, ценящий жизнь в гармонии с остальными выше, чем собственное «Я».

Ключевые понятия:

посткапитализм,
революция личности,
персоналиат,
капитализм,
социализм,
отчуждение,
личность,
знаменитость,
селебрити,
самореализация.

Введение

О том, что капитализм переживает период упадка или трансформации в нечто иное, сегодня говорят многие исследователи, публицисты и общественные деятели. При этом дискурс о посткапиталистическом¹ обществе в основном сконцентрирован вокруг представлений о желаемом будущем, в котором разрешаются общественные антагонизмы, преодолевается конкурентная борьба между людьми, наступает эпоха солидарности, относительного равенства, изобилия и т. п. Таковы, скажем, концепции ведущей роли *нематериального труда*, опирающегося на *общий интеллект* («general intellect»), а также спонтанного творчества *множеств* («multitude») в концепциях М. Лаццарато [10], А. Негри, М. Хардта [18], П. Вирно [5] и др., концепция коммунизма знаний А. Горца [6] или рассуждения А.В. Бузгалина и А.И. Колганова о коммунистической сущности (взаимное культурное обогащение в процессе диалога всех со всеми, создание знаний как общественных благ и т. д.) творческой деятельности, которой занимается растущий класс креативных работников [2; 3]. Ведущие теоретики, осмысливающие современные социальные, экономические и технологические тенденции приходят к выводу, что верный путь к посткапитализму — это выход за рамки общества труда (то есть построение посттрудового общества путем сокращения общественно-необходимого труда [15]), содействие спонтанному *творчеству* «сетевых индивидов» [13], обеспечение всех безусловным базовым доходом [1; 4; 15] с целью побуждения людей к самообразованию и созданию общественных благ. Возникает утопическая картина мира, в котором свободные от необходимости трудиться люди занимаются творческой деятельностью (пишут книги, создают музыку и т. п.), реализуют себя как *личности*, объединяются в группы и сообщества с целью написания *свободного программного обеспечения* или, например, общественно полезной деятельности.

На мой взгляд, такой акцент на свободной творческой деятельности и самореализации не позволяет увидеть всех опасностей и проблем происходящей посткапиталистической трансформации. Данный подход основан на идеализации творческой деятельности (в т. ч. как процесса порождения «нематериальных» благ) и упускает из виду

«тернистую» сторону творчества [7; 28]. В настоящей статье я предлагаю посмотреть на рост значения «нематериального» труда и творческой деятельности с другого ракурса: не как на то, что порождает экономику изобилия или «коммунизм знаний», а как на фактор, способствующий складыванию новых (выходящих за пределы капиталистического производства) форм конкурентной борьбы и отчуждения. Возможно, мы являемся свидетелями складывающейся *новой антагонистической формации*, в рамках которой приоритетным становится *производство личности*, а не материальных благ. Соответственно, нужно критически подойти к осмыслению самого феномена личности, ибо она может предстать в двух «ипостасях»: либо как выделяющаяся на фоне остальных *эгоцентричная популярная персона*, либо как *активный, вовлеченный в жизнь общественного целого*, а потому не сторонящийся общественно-необходимого труда, человек.

От производства материальных благ к производству личности

Долгое время переход к посткапиталистической общественной формации ассоциировался если не с преодолением, то с минимизацией материального *труда*. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркс пишет о перспективах автоматизации производства: «Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. Прибавочный труд рабочих масс перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как нетруд немногих перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого» [12, с. 214].

¹ Посткапитализм здесь понимается как любой предполагаемый общественный строй, приходящий на смену капитализму.

В этой цитате содержится мысль, которая является связующей нитью большей части современных левых дискурсов: настоящая свобода начинается тогда, когда необходимый труд сводится к минимуму (изобилие материальных благ), а человек приобщается к творческой деятельности, *развитию индивидуальности*. Как пишет А. И. Колганов, «будущее принадлежит работникам массовых творческих профессий, создающих общественные по своему содержанию (хотя и имеющие в условиях современной экономики во многих случаях форму интеллектуальной частной собственности) блага — работникам тех сфер, где формируются человеческие качества и культура, работникам креатосферы (а это учителя и врачи, инженеры и ученые, художники и экологи, социальные новаторы и дизайнеры...)» [8, с. 186].

Долгое время мысль о том, что автоматизация производства высвободит сущностные силы человека, даст каждому возможность развиваться и заниматься творческой деятельностью, служила идейной основой для конструирования утопических представлений о будущем (см., например, произведения И. А. Ефремова, А. и Б. Стругацких) без отчуждающей конкурентной борьбы. Предполагалось, что на место конкуренции придет *соревнование*, которое не будет обрекать часть человечества на верную гибель, а, скорее, станет подпитывать дух единства, помощи отстающим и т. д. Тем не менее сегодня мы видим куда более сложную и неоднозначную картину. В процессе творчества действительно часто создаются изобильные *блага*, за которые нет смысла конкурировать: знания или произведения искусства как то, к чему можно открыть доступ абсолютно всем и бесплатно; дружба и взаимное духовное обогащение в результате «потребления» продуктов творчества; само творчество (индивидуальное или коллективное) как самооценностный и приятный процесс открытия чего-то нового. Однако творчество неразрывно связано с тем, что я называю *производством личности* не просто как совокупности социально значимых качеств, а скорее как совокупности социально сконструированных образов, *захватывающих (привлекающих) внимание людей*¹. Ины-

ми словами, производство личности — это целенаправленное движение к известности, славе, популярности, желаемому публичному образу, общественному признанию и т. п.² Если учесть, что внимание — это ограниченный ресурс (на всех внимания общественности не хватит), то *говорить о том, что в результате посткапиталистической трансформации исчезают поводы для конкурентной борьбы, рано*. Быть известным/популярным, находиться в центре внимания сотен, тысяч, миллионов, миллиардов людей сможет отнюдь не каждый³.

Разумеется, «проблема личности»⁴ была известна и советским идеологам коммунизма. Но в те времена вряд ли можно было говорить, что борьба за популярность станет в буквальном смысле *всеобщей*. В конце

ности (в некотором смысле все мы уникальны), а на социально признаваемой уникальности (или «исключительности», «избранности»). При такой трактовке личность оказывается не тем, что характеризует каждого, но, скорее, своего рода ресурсом или благом. Так как социальное признание подразумевает внимание со стороны остальных людей, то и «масштаб личности» зависит от способности определенного человека завладеть общественным вниманием.

² В принципе, здесь все эти явления можно обобщить одним словом (родовым понятием) — популярность, так как и слава, и известность, и общественное признание ее предполагают. Возьмем в качестве базового следующее определение: популярность — это известность, широкое внимание, общественные симпатии к кому-либо.

³ Если понимать творчество исключительно как создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей, то оно не обязательно является предиктором популярности. Однако творчеством может являться и сам процесс, в рамках которого создается (производится) личность (практики создания образов, их продвижения, пиара и т. п.). В этом смысле деятельность, скажем, моделей в Instagram — это тоже своего рода творчество, нацеленное на создание неповторимых образов и практик их публичной «презентации».

⁴ Как пишет Р. И. Косолапов, «вслед за исчезновением интеллигенции как особого социального слоя произойдет преодоление существенных различий между работниками творческого и нетворческого труда, хотя «уровни» творчества и вклад людей с разными способностями в этих условиях будут зависеть от степени разносторонности и одаренности каждого из членов коммунистической ассоциации. Этого рода «неравенство», естественно, может носить только личный характер, из него будут устранены все элементы социального порядка. Так что, если какому-то честолюбивому индивиду не удастся выбиться в Эйнштейны, ему придется пенять только на себя. Свалить вину на общество, на некие безличные «социальные условия» будет просто невозможно: слишком очевидна будет нелепость подобных обвинений» [9, с. 289—290].

¹ Слово «личность» в русском языке имеет три значения: просто отдельный индивид; совокупность социально значимых черт человека; уникальные качества того или иного человека, выделяющие его на фоне остальных. В настоящей статье в зависимости от контекста данное слово употребляется в разных значениях. Однако акцент ставится на понимании личности не просто как уникаль-

концов, можно допустить, что известности, выдающиеся деятели, популярные герои и т. п. составляют крошечную долю населения (к тому же они существовали на протяжении всей истории человеческой цивилизации), а потому обычные люди вряд ли бросятся в погоню за популярностью. Тогдашний технологический оптимизм предполагал, что в светлом коммунистическом будущем жизнь станет настолько интересной (можно сказать — захватывающей дух), что никому особо и не нужно будет находиться в центре общественного внимания, ведь покорение космоса, освоение неосвоенного, строительство грандиозных сооружений, дружное изменение мира к лучшему и т. п. куда лучше, чем нарциссическое самолюбование и стремление угождать капризным запросам публики. Сегодня все складывается в точности до наоборот. Развитие технологий социальных медиа способствует ускоряющемуся росту прослойки популярных личностей, в то время как ни о каком захватывающем дух покорении космоса никто даже и не говорит. Как верно заметили Н. Срничек и А. Уильямс, единственное, что сегодня активно развивается — это гаджеты для потребителей [14, с. 13], которые и открывают невиданные возможности для производства личности. Таким образом, мы движемся к совершенно другому посткапитализму, в котором «освобождение от труда» ведет не к предполагавшемуся ранее всестороннему развитию личности как *гармоничной части коллектива*, дружно покоряющего «царство необходимости», а к повсеместной «звездной лихорадке», селебритизации, беспощадной борьбе за «обладание» популярной личностью (вернее — за признание, превращение личности в «бренд», в значимый ресурс и т. п.), за свою личную долю *общественного внимания*.

Беспощадная «борьба за личность»

История еще не знала такого количества публичных персон, какое наблюдается сегодня. Социальные медиа дают в руки каждому немислимые ранее возможности конструирования и продвижения собственной личности. Благодаря смартфонам и доступному интернету все люди в более или менее развитых странах потенциально являются средствами массовой информации. Кроме того, постоянно расширяется доступ к информационному контенту, производимому различными творческими *личностями*. Благодаря гаджетам потреблять контент стало возможно буквально в любое время

и в любом месте. Эти условия благоприятствуют быстрому увеличению количества медийных и социально-медийных персон: если раньше немногочисленных знаменитых людей реально знали все, то сегодня помимо «традиционных» знаменитостей появляются многочисленные «промежуточные» прослойки: микроселебрити [26] и социально-медийные инфлюенсеры, известные тысячам или сотням тысяч людей. Эта растущая страта влиятельных публичных людей¹ (как универсальных лидеров мнений) может быть обозначена термином «персоналиат». Но важно отметить, что представители персоналиата *обретают черты господствующей страты*: знаменитости и социально-медийные персоны все чаще высказываются по любым политическим вопросам, привлекают внимание к общественным проблемам и конфликтам (например, М. Галкин о горе Куштау), оказывают поддержку кандидатам на выборах (чуть ли не все знаменитости в США), борются за судьбы несправедливо обвиняемых в нарушениях закона оппозиционеров и общественных деятелей («дело Ивана Голунова», «Московское дело» (2019)), принимают участие в выборах разного уровня, протестных акциях, становятся главами государств (Р. Рейган, Д. Трамп, В. Зеленский), губернаторами (А. Шварценеггер) или лидерами партий (Бeppe Грillo, З. Прилепин и др.) и даже пытаются свергнуть авторитарные политические режимы (блогер С. Л. Тихановский и его жена С. Г. Тихановская).

Это, однако, не означает, что популярные персоны избегают отчуждения. Знаменитость — это тот, чья жизнь определяется восприятием публики. Грубо говоря, сама личность (как образы и мнения о ней в социальном воображаемом) знаменитости всегда отчуждена от ее, опять же, личности (как конкретного человека). А. Лилти показал это на примере первых селебрити (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Мирабо, Дж. Г. Байрон, Ф. Лист, Ж. Линд и др.), которые появились в эпоху зарождающейся массовой культуры (во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.). «Индивид, — пишет Лилти, — ощущает свою уникальность в тот самый момент, когда растворяется среди публики. Таков парадоксальный принцип всей массовой культуры» [11, с. 19]. Уже в те времена популярность и признание были желанными для многих деятелей культуры, науки и искусства. Но ожесточенная борьба

¹ Нечто подобное уже отмечалось ранее. Так, Л. Е. Гринин пишет о знаменитостях как новой элите информационного общества [см.: 22].

за личность (скажем, стремление любой ценой завоевать популярность) во многих случаях оборачивалась разочарованием, ведь популярный человек оказывается под пристальным вниманием публики, которая буквально его *преследует*. Навязчивое внимание публики — не единственное «бремя знаменитости». В мемуарах и письмах знаменитостей тех лет постоянно фигурируют жалобы на непонимание со стороны читателей или зрителей, а то и вовсе на злонамеренные толкования или искажения. Это ощущается как *потеря контроля*, ведь личность оказывается как бы за пределами конкретного индивида¹. Вся жизнь публичных персон превращается в представление, в игру на эмоциях масс, но известность, согласно Лилти, не тождественна славе (как совокупности признаваемых обществом заслуг). Поэтому всеобщая любовь легко становится всеобщей ненавистью, а то и вовсе безразличием или забвением. Но главное — это постоянная *конкурентная борьба*. Как отмечает Лилти, «мало того что публика капризна и критерии оценки у нее произвольны, сам статус знаменитого человека крайне неустойчив по причине неиссякаемого потока претендентов на него и ограниченного внимания публики» [11, с. 158].

Все эти проблемы сохранились и сегодня [25]. Правда, как уже было сказано, «борьба за личность» перестала быть сугубо «элитарной». На протяжении XX века медиaprостранство стремительно расширилось и наполнилось публичными фигурами: актерами, моделями, теле- и радиоведущими, популярными политиками и т. п. Постепенно популярность становилась все более доступной. Знаменитости перестали быть *только* людьми с какими-либо существенными заслугами. Средства массовой информации породили прослойку людей *известных своей известностью* [19] (особенно ярко это проявило себя, когда появились и стали популярными реалити-шоу). Но только развитие социальных медиа

сделало возможной по-настоящему *массовую* борьбу за публичную самореализацию: каждый теперь участвует в практиках самопрезентации, выкладывая информацию «о себе», делясь мыслями и подробностями жизни в социальных сетях вроде Facebook, Twitter и Вконтакте, публикуя фотографии в Instagram, выкладывая видео на YouTube или, скажем, в TikTok. Попутно формировалась *культура селебрити*, в рамках которой знаменитости оказывались в центре общественного внимания, а обычные люди стремились им во всем подражать [20]. В конце концов, появился «новый праздничный класс», который стал определять критерии успеха, актуальные для каждого (популярность, жизнь, «наполненная смыслом», креативность, яркость индивидуальности и т. п.). Социальные медиа дали возможность реализовать «логику знаменитости» каждому. Согласно такой «логике», личность должна брендиться посредством развития онлайн-персоны и выступать для аудитории (подписчиков или зрителей), а также активно поддерживаться и культивироваться. В такой аранжировке аудитория воспринимается как фанатская база [24, с. 140].

Но в этих обстоятельствах проблемы, которые были актуальны исключительно для единичных селебрити в XVIII—XIX вв., теперь касаются очень многих. Более того, по всей видимости, жизнь у творческих, стремящихся к самореализации персон только усложняется. Здесь стоит обратиться к концепции *коммуникативного капитализма* Дж. Дин [21]. Как она показала, Интернет и социальные медиа создают фиктивную свободу самовыражения: каждый теперь может высказываться, делиться результатами своего творчества и т. п. При этом коммуникация перестает быть средством целенаправленного донесения информации от одного субъекта к другому. Информация, циркулирующая в Интернете, превращается в бурный *информационный поток* (data stream). Возникают фантазии *об изобилии, об участии, о целостности*: Интернет представляется как пространство, в котором наблюдается предельно многообразие точек зрения, люди максимально активны и вовлечены в общественную жизнь, а также чувствуют некоторое глобальное единство. Реальность же более сурова: изобилие оказывается одной большой информационной «помойкой», в которой голоса, тексты, символы и т. п. «заглушают» друг друга, не могут привлечь должного внимания; участие оказывается простым, но тщетным, ибо дискурс теряет фокус (а то и предметность);

¹ О Ж.-Ж. Руссо: «В „Диалогах“ в качестве одной из форм травли, которой его подвергают, представлен выход пиратских и подпольных изданий его трудов и даже таких его работ, где, несмотря на имя, украшающее обложку, ему не принадлежит ни строчки. Его собственные книги становятся неузнаваемыми. “Представляете ли вы, — пишет он, — до какой степени можно изуродовать и обезличить книгу? <...> Не в силах изничтожить мои труды, не довольствуясь их беспрестанным искажением своими злонамеренными толкованиями, они решили перейти к фальсификации, и этот план, поначалу казавшийся невыполнимым, был осуществлен при живом содействии публики» [11, с. 237].

ни о какой целостности речи быть не может, так как онлайн-сообщества оказываются закрытыми, формирующими собственные коммуникативные практики, культуру и даже язык [21, с. 19—48]. В этих условиях люди, стремящиеся к творческой самореализации, фактически сталкиваются с крайне недружелюбной стихией *конкурентной борьбы за общественное внимание*.

В качестве примера показателны процессы, которые происходят в музыкальной индустрии. Примечательны результаты масштабного исследования музыкантов, которое провели в Великобритании С. Э. Гросс и Дж. Масгрейв. Они опросили 2211 работников музыкальной индустрии (в основном сами музыканты) и обнаружили, что многие из них страдают теми или иными психическими расстройствами: от стресса и депрессии до шизофрении и биполярного расстройства. Если быть точнее, то 71,1 % респондентов подтвердили, что они испытывали панические атаки или сильный стресс, 68,5 % отметили, что хотя бы раз находились в затяжной депрессии. При этом аналогичные цифры по населению в целом были куда более скромными: только 18—19 % жителей Великобритании испытывали депрессию и стресс недавно (эту разницу между «когда-либо» и «недавно» стоит учитывать, но все равно цифры показательны, ведь в первом случае речь шла именно о сильном стрессе и затяжной депрессии) [23, с. 33—34]. Эти данные подтверждали предыдущие исследования, которые также ассоциировали творчество и ментальные расстройства¹. Затем исследователи задались вопросом: каковы конкретные причины такой явной связи? Они продолжили исследование, но уже с помощью метода глубинных полуструктурированных интервью, пытаясь выяснить у 28 известных музыкальных деятелей причины их психического перенапряжения и стресса.

Как оказалось, одним из важных предикторов стресса выступал прекарный характер труда. Многие, особенно начинающие, музыканты не имели достаточно средств на собственный дом или жили с родителями. Доходы их являются крайне нестабильными: в одно время денег может быть в достатке, но все может радикально поменяться в любой момент. В этом можно справедливо

обвинить неолиберальный капитализм. Но в одном ли капитализме проблема? Гросс и Масгрейв далее отмечают, что для музыкантов *нематериальная* (связанная с особыми эмоциональными состояниями, с творчеством и взаимодействием с аудиторией) ценность их труда (скорее — деятельности) куда выше. Музыканты буквально *сливаются* со своим творчеством, не могут представить себя без музыки. Но в подавляющем большинстве случаев они сталкиваются с беспощадным информационным *поток*ом. Интернет и социальные медиа упростили многое и освободили музыкантов от необходимости подчиняться музыкальным боссам. Но конкуренция в музыкальной сфере очень сильно обострилась. Музыкальной «продукции» выпускается столько, что большая часть всего произведенного попросту не находит свою аудиторию. Напротив, информационные потоки склонны сгущаться и порождают *суперзвезд*, которые притягивают к себе все внимание. Но и их статус не является прочным, ведь информационное течение ускоряется, а потому творческие личности вынуждены непрерывно творить, лишь бы быть услышанным, быть «в тренде». Конкуренция становится беспощадной, а коллеги по цеху воспринимаются как *экзистенциальные враги*. Гросс и Масгрейв пишут: «...если вы не продолжаете выпускать музыку, откуда вы знаете, что существуете? Вам нужно отыграть этот концерт, потому что, если вы этого не сделаете, это сделает кто-то другой. Вам необходимо появиться в этом радиошоу, потому что, если вы этого не сделаете, это сделает кто-то другой. Вам нужно, чтобы ваша песня сыграла, выпустила и услышала, потому что, если вы этого не сделаете, это сделает кто-то другой. Стремление к поддержанию актуальности в вашей музыкальной сети и постоянное участие, поддерживаемое технологиями, является одним из факторов, которые музыканты определили как способствующие изнурительной рабочей нагрузке» [23, с. 69].

В итоге массы музыкантов испытывают *небывалое отчуждение*: они вкладывают душу в свое дело, буквально отдают всех себя музыке в надежде на отклик, но его или нет, или он оказывается *негативным*. Вокруг имеются такие же музыканты, которые готовы отдать все, лишь бы потеснить остальных и оказаться в центре общественного внимания. Если раньше в карикатурах изображали страдающих и измученных крестьян или рабочих, по согбленным спинам которых топтались наслаждающиеся жизнью эксплуататорские классы, то сегодня

¹ Shorter, G. W., O'Neill, S. M. and McElherron, L. "Changing Arts and Minds: A Survey of Health and Wellbeing in the Creative Sector", Republic of Ireland: Inspire/Ulster University. 2018. URL: <https://www.inspirewellbeing.org/media/9236/changing-arts-and-minds-creative-industries-report.pdf> (дата обращения: 12.10.2020).

в роли измученных и отчужденных — многочисленные творческие люди, которые еще не «обладают» известностью/популярностью и т. п. (часть имперсоналиата), но все же по-своему эксплуатируются¹, ведь параллельно поддерживают культуру селебрити, невольно направляют информационный поток в сторону «избранных» (любя кумиров, слушая хиты, делясь мнениями о популярных книгах и т. п.), выступают *фоном* для наиболее ярких (а любая личность непредставима без этого фона), а также подпитывают миф о меритократии (верят, что рано или поздно каждый из них сможет вытянуть «счастливый билет»).

Возникает закономерный вопрос: является ли именно капитализм причиной этого? Да, владельцы социальных медиа заинтересованы в информационном потоке, ведь в него всегда можно встроить рекламу, а многие творческие люди фактически превращаются в бесплатных работников, производящих контент. Но все же речь должна идти скорее о своеобразном «сжатии капитализма». Там, где раньше были звукозаписывающие корпорации, дистрибьюторы, студии и т. п., сегодня все чаще оказываются *личности*, предоставленные сами себе. Немногочисленные владельцы социальных медиа присваивают себе богатства, но только за счет уничтожения целых отраслей капиталистической экономики. Более того, как было отмечено выше, творческая конкуренция ведется не столько за деньги, сколько за нематериальные блага, даруемые самореализацией. Наконец, конкурентная борьба ожесточается именно по мере сжатия «общества труда» [17], по мере перехода людей из сферы наемного труда в сферу *свободного творчества*. Таким образом, мы имеем дело уже не с коммуникативным капитализмом, а с коммуникативным *посткапитализмом*.

То, что сказано о музыке, актуально и для других творческих профессий. Так, бло-

геры разных мастей сталкиваются с растущей конкуренцией. При этом слава превращается в *наркотик*. Как отмечает Д. Роквелл, клинический психолог, специализирующийся на психическом здоровье знаменитостей, «когда человек становится известным, ему уделяется столько внимания, что с неврологической точки зрения он забывает как отключиться — другими словами, как проявить уместное и здоровое сочувствие к другим людям»². Многие дети-знаменитости (которых стало особенно много благодаря таким платформам, как TikTok) обращаются к наркотикам и алкоголю, чтобы чем-то заменить удовольствие от славы. «Когда вы нравитесь людям, — говорит медиа-психолог П. Рутледж, — вы получаете физиологическое вознаграждение. Это запускает вашу систему вознаграждения. И поэтому, если вы теряете это, то начинаете искать другие средства, чтобы вызвать нечто подобное»³. Но в мире социальных медиа «потерять внимание» очень легко, так как известным личностям постоянно приходится соревноваться друг с другом и алгоритмами новостной ленты, чтобы поддерживать *заметность*. Всегда существует риск, что появятся новые личности, которые перетянут «одеяло внимания» на себя. К тому же ускоренными темпами меняются популярные форматы, жанры, а также сами медийные платформы. «Знаменитые подростки в TikTok, — отмечает Р. Дженнингс, — <...> слишком хорошо понимают, что их известность может уйти в любой момент. Что остается невысказанным, так это то, что всегда есть кто-то, кто смешнее, красивее или симпатичнее, кто работает усерднее, и что вскоре их собственное лицо может все меньше появляться на экранах незнакомцев <...> Что, если наступит время, когда все немного известно, но при этом никто не известен?»⁴.

Важно отметить, что тернии производства личности — это не то, что касается исключительно *знаменитостей*. Как уже отмечалось, теперь каждый перенимает социальные практики знаменитостей: делится

¹ Здесь возникает вопрос: как можно вести речь об эксплуатации со стороны персоналиата, если знаменитости в силу своей популярности должны по идее выражать интересы народных масс? Однако факт эксплуатации во все времена затушевывался идеологией господствующего класса, мифом о совпадении интересов противоборствующих классов. Кроме того, здесь имеет место быть одна из форм отчуждения: эксплуатируемые невольно поддерживают тех, кто их непосредственно не эксплуатирует, но является частью объективно враждебной им системы (а это уже нужно постараться осознать). В буржуазном обществе, скажем, факт эксплуатации не мешал правящему классу создавать иллюзию демократии: представители рабочего класса добровольно отдавали голоса за своих же угнетателей.

² Greenspan R. E. TikTok is breeding a new batch of child stars. Psychologists say what comes next won't be pretty // Insider.com. 2020. 9 июля. URL: <https://www.insider.com/psychologists-say-social-media-fame-may-harm-child-star-influencers-2020-5> (дата обращения: 12.10.2020).

³ Там же.

⁴ Jennings R. The not-so-secret life of a TikTok-famous teen. Haley downloaded the app for fun. Now millions of people watch her videos // Vox. 2019. 2 окт. URL: <https://www.vox.com/the-goods/2019/10/2/20891915/tiktok-famous-teenagers-haley-sharpe-yodeling-karen> (дата обращения: 12.10.2020).

информацией о себе, выкладывает подробности своей частной жизни, высказывается по каким-то актуальным вопросам и т. п. Лайки, репосты и комментарии — это новая «валюта» в мире самореализации. При этом неважно, знаменит ли конкретный человек. Критерием успеха может служить и популярность в рамках небольшого сообщества друзей и знакомых. Сегодня счастье все чаще измеряется количеством лайков к публикациям в Facebook, Вконтакте или Instagram. Это делает «успех» и популярность наглядными и точно измеримыми. Но как в этой ситуации чувствуют себя не-популярные личности? Социальные медиа имеют еще одну особенность: они позволяют высвечивать лишь положительные стороны жизни. «Новостные ленты» превращаются (за редкими исключениями) в поток ярких и позитивных образов, изображений счастливых лиц и красивых мест, демонстраций успехов и достижений. При этом все поражения, неудачи, разочарования и т. п. оказываются скрытыми. Все это ведет к тому, что представители поколения «Z» (люди, родившиеся с 1995 по 2010 годы) испытывают стресс и все чаще страдают депрессией (как справиться с собственными неудачами, если вокруг у всех все хорошо?). Социальный психолог Дж. Твендж в книге «iGen» отмечает, что все больше и больше подростков сегодня заявляют, что им не нравится жизнь. За последние годы уровень депрессии резко возрос, и эта тенденция проявляется среди чернокожих, белых и латиноамериканцев во всех регионах США, среди всех социально-экономических слоев, а также в небольших городах, пригородах и мегаполисах. Несмотря на то, что социальные сети сильно упростили коммуникацию, молодые люди все чаще чувствуют себя одинокими. И проблема не (только?) в социально-экономических последствиях «Великой рецессии». Как убедительно показывает Твендж, куда более значимы корреляции между стрессом, одиночеством, депрессией, с одной стороны, а с другой — «погруженностью» в социальные сети. «Социальные сети могут сыграть определенную роль в возникновении этого чувства неполноценности: многие люди публикуют в Интернете только свои успехи, поэтому многие подростки не осознают, что их друзья тоже терпят неудачи. Профили в социальных сетях, которые они видят, заставляют их чувствовать себя неудачниками. Если они будут проводить больше времени со своими друзьями лично, они могут понять, что не только они делают ошибки» [27, с. 156].

Таким образом, можно говорить, что личность становится важнейшим *благом*, которое «производится». Сегодня перед каждым открываются невиданные возможности творческой самореализации, обретения популярности. Эта самореализация (как свободная творческая активность, самовыражение) и популярность для многих уже важнее, чем материальные блага, заработанные или присвоенные в условиях рыночной экономики (путем наемного труда или предпринимательской деятельности). Но что если мы идем к миру *еще большего отчуждения*? Является ли ожесточенная «борьба за личность», обрекающая большую часть населения на статус «творческих неудачников», лучшей посткапиталистической перспективой из возможных?

Вместо заключения:

**Э. Беллами, Э. Бульвер-Литтон
и У. Моррис встречаются в XXI веке**

Долгое время посткапиталистическое общество представлялось как достигшее изобилия материальных благ. Сильные, красивые и здоровые люди обновленного мира дружно строят грандиозный мир, в котором приятно жить, покоряют космос, осваивают необитаемые планеты, встречаются с другими цивилизациями и т. д. При этом такое состояние достигается только после упорной и напряженной борьбы со старой капиталистической системой и установления принципиально новых общественных отношений дружбы и солидарности. Но история, по всей видимости, движется в другом направлении. Посткапитализм рождается просто как нечто параллельно *существующее* с «отмирающим» капитализмом. Старые противоречия и антагонизмы никуда не исчезают¹, а попросту *вытесняются в тень*: они «экспортируются» в страны третьего мира или оставляются в качестве уже не столь значимого *фона* для чего-то более актуального (да, бедность и неравенство очень существенны, но для многих это уже

¹ Более того, можно говорить, что производству личности способствуют материальные богатства, накапливаемые в условиях рыночной экономики. Материальное богатство нередко «помогает» производству личности (скажем, многочисленные рэперы в YouTube, изображающие в своих клипах красивую жизнь: дорогие машины, огромные дома, горы денег и т. п.). Это, к слову, не исторический прецедент. Во времена становления капитализма земельные наделы, государственные должности или дворянские титулы тоже были весомыми преимуществами для зарождающегося класса буржуазии.

давно не самая важная проблема в жизни). Более того, и сами посткапиталистические общественные отношения оказываются не такими, какими их представляли ранее. Вместо изобилия и единства мы наблюдаем ожесточенную, отчуждающую *борьбу за личность*, которая делит общество на две страты: новую аристократию, состоящую из представителей популярных личностей (персоналиат), и имперсоналиат. Поэтому ни о каком духе единства и солидарности говорить не приходится. Скорее не уклады- вающиеся в тесные рамки извлечения прибавочной стоимости практики производства личности способствуют еще большему индивидуализму, эгоцентризму, вражде всех против всех. Однако вполне возможно, что человечество рано или поздно найдет альтернативу такому порядку вещей. В конце концов, сфера творческой самореализации уже давно вызывала у левых мыслителей некоторую настороженность.

Возьмем, к примеру, три видных социалистических утопии XIX в.: «Грядущая раса» Э. Бульвера-Литтона, «Через сто лет» Э. Беллами и «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» У. Морриса [16]. Все эти утопические романы объединяет одна общая черта: неоднозначное отношение их авторов к феномену популярной личности. В них авторы по-разному представляют благоприятную жизнь в обществах, в которых известные личности или вообще не существуют как таковые, или играют второстепенную роль. Так, в утопическом обществе Бульвер-Литтона отсутствует литература (зачем счастливым людям литература, если реальность и так прекрасна и полна приключений?) как область деятельности, которая способствует возвышению ярких персон: «разве тебе не ясно, что литература, как вы ее понимаете на земле, положительно несовместима с тем общественным благополучием, которого, по твоим же словам, мы теперь достигли? После вековой борьбы у нас наконец установился общественный строй, вполне удовлетворяющий нас и в котором не допускается никакого различия состояния, никаких почестей выдающимся общественным деятелям, причем исчезает всякий стимул к личному честолюбию» [16, с. 71]. В утопии Э. Беллами люди светлого будущего находят счастье в коллективном *труде* на благо всего общества. Плановая экономика и дисциплинированные трудовые армии позволяют отдельным наиболее трудолюбивым людям выделиться на фоне остальных («результаты каждого нового передвижения из ранга в ранг опубликовываются в общественных

органах и те, кто оказал успехи при своем повышении, получают благодарность нации и публично награждаются знаком их нового ранга» [16, с. 226]), однако все нацелено на то, чтобы подчеркнуть незаменимость *трудо- вого вклада каждого человека*: «с подъемом цивилизации и с установлением раз- деления труда многосторонняя взаимная зависимость становится всеобщим прави- лом. Каждый, как бы ни казалась обособлен- ной его профессия, есть член бесконечно большой корпорации производства, кото- рая столь же велика, как нация, даже так велика, как человечество. Необходимость взаимной зависимости ведет за собой ис- полнение обязанностей взаимной помощи» [16, с. 231]. Наконец, в утопии У. Морриса изображено своеобразное возвращение к ремесленному способу производства: самую тяжелую работу отдали машинам, но сами люди при этом не гонятся за известностью, а предпочитают радость дружного совме- стного труда. Уникальность личности прояв- ляется не в популярности, не выставлении себя напоказ, а в самом преобразовании мира (уникальные дома, уникальные мосты через Темзу, уникальные сады и т. п.). Уто- пическая пастораль Морриса показывает, что люди будущего вполне могут находить радость в единстве природы и труда. Эсте- тический компонент его произведения явно доминирует: труд перестает быть средством и становится *целью, непосредственным на- слаждением*, а потому нет никаких градаций и иерархий: труд лодочника ценится так же, как труд писателя: «в то же время чрезвы- чайно расширилось производство предме- тов “искусства”. Само это слово потеряло для нас старый смысл, так как искусство стало необходимым элементом работы каждого человека, занятого в производстве» [16, с. 522]. Можно считать, что утописты XIX века были наивны, так как не могли предсказать автоматизацию и роботизацию производ- ства, появление Интернета, социальных сетей и т. п. Но вполне возможно, что эта наивность и есть настоящая мудрость, и нам еще только предстоит осознать, насколько обманчивой может быть «борьба за лич- ность».

1. Брегман Р. Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018. 356 с.

2. Бузгалин А.В. Креативная экономи- ка: частная интеллектуальная собствен- ность или собственность каждого на все? //

Социологические исследования. 2018. № 7. | С. 43—53.

3. Бузгалин А.В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18—28.

4. Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. 440 с.

5. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 144 с.

6. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : Изд-во Высш. шк. экономики, 2010. 208 с.

7. Давыдов Д. А. Личность, свобода творчества и отчуждение // Человек. 2019. № 1. С. 45—65.

8. Колганов А. И. Маркс-XXI: пределы и потенциал социальной философии. критические ремарки // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 180—193.

9. Косолапов Р.И. Социализм: К вопросам теории. М. : Мысль, 1979. 598 с.

10. Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4. С. 168—198.

11. Лилти А. Публичные фигуры. Изобретение знаменитости (1750—1850). СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.

12. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. II. 2-е изд. М. : Политиздат, 1969. 244 с.

13. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М. : Ад Маргинем, 2016. 416 с.

14. Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2. С. 7—21.

15. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М. : Strelka Press, 2019. 336 с.

16. Утопия XIX века. Проекты рая. М. : Издательство АСТ, 2019. 608 с.

17. Фишман Л. Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 3. С. 116—129.

18. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная Революция, 2006. 560 с.

19. Boorstin D. J. The Image: A Guide to Pseudo-Events in America. New York : Vintage, 1992. 336 p.

20. Cashmore E. Celebrity/culture. New York : Routledge, 2006. 320 p.

21. Dean J. Democracy and Other Neoliberal Fantasies: Communicative Capitalism and Left Politics. Durham ; London : Duke University Press, 2009. 232 p.

22. Grinin L. Celebrities as a New Elite of Information Society // Social Evolution & History. 2012. № 1. P. 124—153.

23. Gross S. A., Musgrave G. Can Music Make You Sick? Measuring the Price of Musical Ambition. London : University of Westminster Press, 2020. 200 p.

24. Marwick A., Boyd D. To See and Be Seen: Celebrity Practice on Twitter // Convergence. 2011. № 2. P. 139—158.

25. Rockwell D., Giles D. Being a Celebrity: a Phenomenology of Fame // Journal of Phenomenological Psychology. 2009. № 2. P. 178—210.

26. Senft T. Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations). New York : Peter Lang Publishing, Inc., 2008. 150 p.

27. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York : Atria Books, 2017. 352 p.

28. Zara C. Tortured Artists: From Picasso and Monroe to Warhol and Winehouse, the Twisted Secrets of the World's Most Creative Minds. Avon, Massachusetts : Adams Media, 2012. 272 p.

References

1. Bregman R. (2018) Utopija dlja realistov. Kak postroit' ideal'nyj mir. Moscow, Al'pina Publisher, 356 p. [in Rus].

2. Buzgalin A.V. (2018) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 43—53 [in Rus].

3. Buzgalin A.V., Kolganov A. I. (2019) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 18—28 [in Rus].

4. Van Parajs F., Vanderborht Ja. (2020) *Bazovyj dohod: Radikal'nyj proekt dlja svobodnogo obshhestva i zdorovoj jekonomiki*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 440 p. [in Rus].

5. Virno P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni*. Moscow, Ad Marginem Press, 144 p. [in Rus].

6. Gorc A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital*. Moscow, Izdatel'stvo Vysshej shkoly jekonomiki, 208 p. [in Rus].

7. Davydov D.A. (2019) *Chelovek*, no. 1, pp. 45—65 [in Rus].

8. Kolganov A.I. (2018) *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 180—193 [in Rus].

9. Kosolapov R.I. (1979) *Socializm: k voprosam teorii*. Moscow, Mysl', 598 p. [in Rus].
10. Laccarato M. (2007) *Logos*, no. 4, pp. 168—198 [in Rus].
11. Lilti A. (2018) *Publichnye figury. Izobretenie znamenitosti (1750—1850)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha [in Rus].
12. Marks K. (1969) *Jekonomicheskie rukopisi 1857—1859 gg.* // K. Marks, F. Jengel's Sochineniya. T. 46. Ch. II. Moscow, Politizdat, 244 p. [in Rus].
13. Mejson P. (2016) *Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushhemu*. Moscow, Ad Marginem, 416 p. [in Rus].
14. Srnichek N., Uil'jams A. (2018) *Logos*, no. 2, pp. 7—21 [in Rus].
15. Srnichek N., Uil'jams A. (2019) *Izobretaja budushhee. Postkapitalizm i mir bez truda*. Moscow, Strelka Press, 336 p. [in Rus].
16. *Utopija XIX veka. Proekty raja / Jedvard Bellami, Uil'jam Morris, Jedvard Bul'ver-Litton* (2019). Moscow, AST, 608 p. [in Rus].
17. Fishman L.G. (2016) *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, no. 3, no. 116—129 [in Rus].
18. Hardt M., Negri A. (2006) *Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii*. Moscow, Kul'turnaja Revoljucija, 560 p. [in Rus].
19. Boorstin D.J. (1992) *The Image: a Guide to Pseudo-Events in America*. New York, Vintage, 336 p. [in Eng].
20. Cashmore E. (2006) *Celebrity/culture*. New York, Routledge, 320 p. [in Eng].
21. Dean J. (2009) *Democracy and Other Neoliberal Fantasies: Communicative Capitalism and Left Politics*. Durham & London, Duke University Press, 232 p. [in Eng].
22. Grinin L. (2012) *Social Evolution & History*, no. 1, pp. 124—153 [in Eng].
23. Gross S. A., Musgrave G. (2020) *Can Music Make You Sick? Measuring the Price of Musical Ambition*. London, University of Westminster Press, 200 p. [in Eng].
24. Marwick A., Boyd D. (2011) *Convergence*, no. 2, pp. 139—158 [in Eng].
25. Rockwell D., Giles D. (2009) *Journal of Phenomenological Psychology*, no. 2, pp. 178—210 [in Eng].
26. Senft T. (2008) *Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations)*. New York, Peter Lang Publishing, Inc., 150 p. [in Eng].
27. Twenge J.M. (2017) *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us*. New York, Atria Books, 352 p. [in Eng].
28. Zara C. (2012) *Tortured Artists: From Picasso and Monroe to Warhol and Winehouse, the Twisted Secrets of the World's Most Creative Minds*. Avon, Massachusetts, Adams Media, 272 p. [in Eng].

For citing: Davydov D.A.
Unpredictable post-capitalism:
subtraction and competition in the sphere
of "personality production"//
Socium i vlast'. 2020. № 6 (86). P. 88—99.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-88-99.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-88-99

UDC 321; 304.9

UNPREDICTABLE POST-CAPITALISM: SUBTRACTION AND COMPETITION IN THE SPHERE OF "PERSONALITY PRODUCTION"

Dmitry A. Davydov,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Researcher of the Philosophy Department,
Cand.Sc. (Political Sciences),
The Russian Federation, 620108,
Yekaterinburg, ulitsa Sofyi Kovalevskoy, 16.

Abstract

The article develops the idea of forming post-capitalist social relations as a social revolution of an individual, which consists in the fact that popularity becomes a key advantage, the "possession" of which is a desired goal and a significant resource of political influence. At the same time, it is shown that this process leads to forming a new dominant stratum — personalities ("people with personality"): celebrities, popular bloggers, social media influencers, micro- and nanosignature. It is substantiated that the personaliat domination is a consequence of contradictory social relations between the new

aristocracy represented by the representatives of the personaliat and many people who do not "possess" a popular personality - the impersonaliat ("extra people", "lower" precariat, those who turn out to be outsiders in the world of social platforms). This contradiction is associated with the rooting of a celebrity's culture, which encourages a lot of people to fight for popularity and focus on finding advantageous differences from others in the process of self-realization. However, this struggle in the end for the overwhelming majority turns into an increase in creative competition and subtraction. Various new forms of subtraction that appear in situations of widespread self-realization are revealed. Accordingly, arguments are given in favor of the fact that in the context of the "personality revolution", the truly left will be rather an alternative that will call into question the ways of solving social problems formulated by popular personalities. In other words, it will be possible to oppose the total pursuit of popularity with the projects of society, in which the person is relied not as someone who rises above the others, but as an involved person who values life in harmony with others higher than his own "I".

Key concepts:
post capitalism,
personality revolution,
personaliat,
capitalism,
socialism,
subtraction,
personality,
celebrity,
celebrities,
self-realization.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast'» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

